ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

ВИЛЬНА

1869.

ВѢСТНИКЪ

ПАДНОЙ РОССІИ.

РИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VII,—1869.

КНИЖКА V.

ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.
афіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи,
противъ губернскаго правленія.

1869.

Дозволено Цензурою 19-го іюня 1869 года.

I.

№ 5.

ДОКУМЕНТЫ,

ящіеся къ исторіи западной россіи во- и православія и уніи въ частности.

1.

орная грамота литовскихъ князей Евну- Кестутія и Любарта Гедиминовичей, Наримунтовича и Юрія Коріятовича съ кимъ королемъ Казиміромъ и съ мазо- ми князьями Семовитомъ и братомъ его піромъ, — сыновьями Тройдена, 1350 г.

цай то каждый человѣкъ, кто на тый листъ по- ть, яже и, князь Евнутій, и Кистютій и Лю- Юрий Наримонтовичъ, Юрий Коріатовичъ, ы миръ твердый, ис королемъ Казимиромъ Поль- и Сомовитомъ и съ его братомъ Казимиромъ ьскымъ, и съ его землями, Краковьскою и Судо- кою, Сирязьскою, Куявьскою, Лучичъскою, До- ькою, Плотьскою, Мазовъскою, Люблиньскою, Се- ьскою и со Львовьскою. А за великого князя Оль- и за Корьята, и за Патрикія, и за ихъ сыны, мы ємъ (обѣщаемъ) тотъ миръ держати вѣлмы (весьма)

твердо, безо всякоѣ хитрости. Не заимати короле
ли, ни его людіи што его слухають (повинуют
ролеви держати львовскую землю исполна, а на
жати Володимѣрьскую, Луцкую, Белзьскую, Хол
Беристинскую, исполна жь. А миръ отъ Покрова
Ивана дне до Купалъ, а отъ Ивана дне за 2 лѣтъ
довъ оу Руской земли новыхъ не ставити, ни со
го не рубити, доколя миръ стоитъ, за 2 лѣтъ.
мянецъ *) держати Юрью Наримонътовичю отъ
Литовьскыхъ, и отъ короля за 2 лѣтъ, а города
бити, а коли миръ станетъ, Юрью князю гор
шитися. Аже пойдетъ Оугорьскский король на
Польскому королеви помогати, аже пойдетъ
што Литвы слушаетъ, королеви не помагати.
детъ ли царь на Ляхи, а любо князи темний,
Литовьскымъ помагати, аже поидутъ на Русь,
роля слушаетъ, Литовскимъ княземъ не помаг
про Любартово ятъство, хочемъ его поставит
дѣ передъ паны Оугорьскими, по сошествьи
Духа за 2 недѣли, Литовьскимъ княземъ с
Холмѣ, а королевыну Сточьцѣ, *) где смолвят
будетъ судъ, тягатися исъ королемь, будетъ
его король по кривдѣ, Любартъ будетъ пра
князь Кистютий буду правъ передъ Въгорьск
ролемь, будетъ ли король правъ, намъ своег
Любарта дати Оугорьскому королеви оу ятъс
коли будетъ по миру, кто не оусхочетъ долѣ
держати, тотъ отповѣстъ, а по отповѣдѣньи сто
ру за мѣсяцъ. Аже поидутъ Та (та) рове на
скую землю, тогда Руси на Львовьцѣ не по
аже поидутъ Та (та) рове на Ляхы, тогда Рус
ля поити ис Татары. А оу томъ перемирьи

*) Кремянецъ, уѣздный городъ въ Волынской губерні
чекъ, городъ въ Подляшской губерніи.

криво оучинить, надобѣ ся оупоминати старѣйшему, и оучинити тому и.. праву, оучинить который человѣкъ кривду, любо воевода, а любо панъ, оучинити исправу ис нимь, аже самъ не можеть заплатити тотъ истиньный, што же оуложать его оу вину, хочетъ ли самъ король заплатити зань, а его дѣдичьство собѣ оузяти, не оусхочеть ли король самъ заплатити, дасть тому то (дѣ) дичьство, кто его потяжеть. А за избѣга можемъ его добыти и выдати, аже его не можемъ добыти, можемъ его иска(ти) съ о͡бою сторону, аже побѣгнеть Русинъ а любо Руска, или во Львовъ или холопъ чий, или роба, выдать его, а што въ той грамотѣ писано, тую жь правду Литовьскымъ князем держати, а на то есмы дали своѣ печати.

Подлинникъ, писанъ на пергаминномъ листѣ, хранится въ главномъ архивѣ Царства Польскаго въ Варшавѣ. Въ концѣ грамоты, на загибѣ листа, находится прорѣзъ для шнурка, на которомъ привѣшена была печать, но оторвана. Грамота напечатана въ Акт. зап. Росс. I. 1. Объясненія ей помѣщены въ сочиненіи Д. И. Зубрицкого: Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ. Львовъ. 1855. стр. 16 и сл.

2.

Жалованная потвердительная грамота подольского князя Александра Коріатовича смотрицкому монастырю, на мельницу съ окрестною при немъ землею и угодьями, съ обязательствомъ, чтобы монастырскія люди участвовали въ исправленіи городскихъ укрѣпленій и въ платежѣ татарской дани, 1375 г.

Во имя Отца и Сына и святого Духа, аминь.— Мы князь Литовскій, князь Александръ Коріатовичъ,

Божьею милостію князь и господарь Подольс
ли, чинимъ свѣдочно своимъ листомъ всяком
му, кто жъ на сей листъ посмотритъ: што
братъ нашъ князь Юрій Коріатовичъ придал
(мельницу) къ церкви къ Матцѣ Божіей оу С
то и мы князь Александръ потверживаемъ т
имъ листомъ. Дали есмо на вѣки той млинъ
оу млина къ церкви и тымъ мнихомъ каз
(православного) закону; а кого коли испрячу
къ собѣ оу томъ мѣстѣ, оу млина, тые лю
есмо имъ со всимъ правомъ. Аль то, штожь
бояре и земляне будутъ городъ твердити (ук
тогды тіи люди такожъ имаютъ твердити
Смотричь. И тожъ, штожъ коли вси землян
давати дань оу Татары, то серебро имаютъ та
люде дати. А ко млину граница: горѣ Смо
до мосту, а доловѣ Смотричемъ, што дубро
Ходорковымъ селомъ, тоѣ дубровы половина
ну; а по воли кгдѣ собѣ проорутъ нивы, то
етъ прислушати (принадлежать). А на то да
свой листъ и печать завѣсили своего к
А свѣдци на то: Гринко, панъ староста По
Смотрицкій воевода Рогожка; Прокопъ и
Корабчѣвскій. А писанъ листъ оу Смотричи,
жіимъ нароженю 1000 лѣтъ и 375 лѣта,
марта оу 16 (день), у день святого Олексѣя,
Божія.

*Подлинникъ, хранящійся въ архивѣ графа А
Пржездѣцкого, писанъ на пергаминѣ. Внизу
привѣшена печать, вытиснутая на зеленомъ воск
браженіемъ на ней св. Георгія Побѣдоносца, пора
копіемъ змія. Грамота напечатана въ Акт
Россіи I. 21.*

3.

...ижная грамота мстиславского князя Си... Лугвенія Ольгердовича брату своему, ...кому королю Владиславу и супругѣ ...оролевѣ Ядвигѣ, съ обѣщаніемъ за себя ...новгородцевъ, не отступать отъ союза съ ними, 1389 г.

... князь Семенъ, инымъ именемъ Лыгвеній, чи... ...наменито симъ листомъ, кто нанъ возрить, или ...гаеть, ижъ коли освящены господинъ Володи... ... Божьею милостью король Полскій, Литовскій ...ій и иныхъ земль многихъ господарь, братъ ...милѣйшій, поставилъ насъ опекалникомъ му... ...и людемъ Великого Новагорода: и мы тому ко..., и Ядвизѣ, королици королевства полского, и ...ии; людми съ Великого Новаго (горо)да, какожъ ... держимъ оу нашемъ опеканью, слюбили (обѣ... ... есмы, и еще симъ листомъ слюбуемъ, ижъ хо... ...ри нихъ, при корунѣ королевства полского при... ... и съ нашею сило(ю) съ нашими помочми, и ...шею радою (совѣтомъ), и съ нашимъ остреженьи... ...безо всякой льсти и хитрости; не хочемъ та... ...николи отступити ихъ, коруны королевства пол...... А сему на свѣдетство наша печать привѣ... ...есть. А данъ есть оу Судомирѣ, оу недѣлю, ...йжьдень по Великомъ дни, лѣта Божья тыся... ...89.

...длинная пергаменная грамота хранится въ Им...рской публичной библіотекѣ. Въ низу грамоты, ...тъзъ, осталась пергаменная тасьма, на которой ...шена была княжеская печать. Грамота напеча...тана въ Актахъ зап. Россіи I. стр. 26.

4.

Грамота луцкого епископа Іоанна пол королю Владиславу Ягайлу, съ обя ствомъ дать ему 200 гривень и 30 ко поставленіи своемъ въ санъ митро галицкого. 1398 г.

Я се азъ Владыка Иванъ изъ Луцка зна всѣмъ, аже далъ ми государь мой велик митрополью галицкую, хочетъ ми помочи н ленье митрополитомъ,а коли Богъ дастъ стану литомъ,и за то слюбую (обѣщали) и хочю дати, дасть, моему милому государю королю двѣст рускихъ, а тридцать коній безъ хитрости, и хочю испустити, и на то есмь свой листъ д чать привѣсилъ. Въ Опатовѣ *) предъ Гро (Срѣтеніемъ) въ лѣто нароженья Сына Божо и триста девяносто осмого лѣта.

Подлинникъ писанъ на пергаменномъ листку, н въ румянцевскомъ музеѣ. Печать оторвана. напечатана въ Актахъ Зап. Россіи. I. стр. 27.

5.

Вкладная грамота полоцкого великого Онуфрія, полоцкому Пре теченскому стырю, на бортныя земли и угодья, с божденіемъ игумена и братіи отъ п мости епископу. Около 1399 г., или

Се азъ князь великій Анофрей положилъ

---

*) *Опатовъ*, городокъ въ Радомской губ. въ Царствѣ

евангелье оу нашемъ монастыри, въ церкви оу святого Іоана Предтечи, на островѣ. А придалъ есми святому Іоану: на Сомници землю зъ бортью, борть по великую дорогу, по Соменьцо озеро; на Оулѣ на рѣцѣ землю зъ бортью, на витебьскомъ рубежи землю съ бортью, на Начѣ на рѣцѣ землю зъ бортью, на Лиснѣ езъ и оустье. А въ церковь святого Іоана и въ нашъ монастырь, и въ села и въ люди святого Іоана не вступатися никому. А владыцѣ съ игумена Іоаньского и съ нашего монастыря Островьского куници не брати, а никакихъ пошлинъ. А отъ кого будетъ какая обида нашему монастырю, ино досмотрѣть и боронить намъ самимъ, а по насъ роду нашему; а старци и люди, которыи живутъ на святого Іоана земли, и судити и рядити игумену Іоаньскому, самому зъ братьею, а иному никому не вступатися; а владыцѣ не вступатися въ нашь монастырь.

Грамота сія вписана въ харатейномъ Евангеліи XIV вѣка на оборотѣ послѣдняго листа, уставнымъ почеркомъ, каковымъ писана и рукопись, хранящаяся въ Императорской публичной библіотекѣ. Грамота напечатана въ Актахъ Зап. Россіи. Т. I. стр. 27.

6.

Присяжная грамота стародубскаго князя Александра Патрикіевича польскому королю Владиславу, съ обѣщаніемъ признавать его верховнымъ государемъ и быть неотступнымъ отъ польской державы, по кончинѣ великаго князя Витовта. 1400 г.

Се язъ князь Александръ Патрикѣевичъ Стародубскій знаменито чинимы симъ нашимъ листомъ,

аже слюбую и слюбилъ есмы, и цѣловалъ есм
по смерти нашего господаря, великого князя
не искати ми иныхъ господаревъ, мимо нашег
господаря, короля Влодислава польского, и
польскоѣ и не отлучити ми ся еѣ нѣкоторымт
немъ, безо лсти и безъ хитрости; на крѣпо
нашему листу, нашю печать привѣсили есмо
оу въ озера оу Круды, межи Городна и Ме
Розствѣ Христовѣ оу пятокъ, оу канунъ св. С
Христова, по нароженьи Сына Божьего тыс
и чотыри ста лѣтъ.

Подлинникъ писанъ на пергаменномъ лист
нится въ Императорской публичной библіотек
грамоты, въ прорѣзъ листа, осталась пергаменна
на которой привѣшена была княжеская печать.
напечатана въ Актахъ зап. Россіи. Т. I. стр. 2

7.

Письмо литовскаго князя Димитрія Ол вича къ брату своему Владиславу с обѣщаніемъ быть неотступным польской державы. 1388 г.

Мы князь Дмитрій Ольгердовичъ чинимъ з
тымъ листомъ, иже имѣюче чистоѣ мысли, м
и пожаданніе къ великому королеви Вол
польскому, и къ его королици, и корунѣ п
хотячи съ нашими дѣтми, іему и іего кор
корунѣ полской службу вѣрнѣ и оуставичнѣ с
тому истому королеви Володиславови и іего
и іего дѣтемъ и корунѣ польской, слюбуемъ
цѣлую правду и чиста вѣра съ нашими дѣт
нашими послѣдки при немъ и на вѣки святы,

ли отъ нихъ а отъ коруны польскоѣ никоторою хитростію отстати, але отъ всихъ неприятелий остерегати всею силою, и на вѣкъ помогати ми, а яко коли такожь и слюбили были есмо князю Дмитрію московскому и правду дали, оужь ѣдеть и хочетъ ся порожни очинити тоѣ правды, про то абы король былъ безпечнѣйший оу нашей службѣ и оу правдѣ, коли ся воротимъ сложивъ тои слюбъ, тогда хочемъ вголдовати королеви и его королицы, и его дѣтемъ и корунѣ польской вѣрное послушство держати, подъ присягою и подъ честью, подлугъ обычая, яко коли бываетъ при голдованию. И на крѣпость того листа привѣсили есмо наша печать, абы то крѣпко здержати ненарушисто никакими дѣлы. А дана грамота въ Молодечнѣ, въ середу, декабра 16 день. А то ся кончало въ лѣто божье 1300 и 88 лѣтъ. А при томъ были бояре Брагша Минигайло, князь Юрьи Кожшно Ивановичъ.

Подлинникъ той пергаменной грамоты находится въ библіотекѣ Красинского въ Варшавѣ. Она напечатана въ Виленскомъ Вѣстникѣ въ 1866 г. № 45.—Проф. М. Погодинъ, сообщая списокъ той грамоты, замѣчаетъ слѣдующее: Запись литовского князя Димитрія Ольгердовича, 1388 года, къ его брату польскому королю Ягайлѣ, важна для насъ, очевидно доказывая, вмѣстѣ съ другими подобными документами, что между первыми литовскими князьями не употреблялось никакого другого языка, кромѣ русскаго. Самъ родоначальникъ Ягеллоновъ говорилъ и писалъ сначала только по русски, и выучился по польски, если выучился, только въ Польшѣ. Дмитрій Ольгердовичъ, родоначальникъ нынѣшнихъ князей русскихъ Трубецкихъ, княжившій въ Трубчевску, признавалъ прежде владычество вел. кн. московскаго Дмитрія Донского и помогалъ ему съ братомъ Андреемъ въ куликовской битвѣ противъ Мамая. Молодечно, *мѣстечко въ минской губерніи надъ рѣкою Ушею, впадающею въ Вилію.*

8.

Присяжная грамота гольшанского Іоанна Олгимундовича польскому Владиславу. 1401 г.

Мы князь Иванъ Олкгимонтовичъ, зна симъ своимъ листомъ, кто коли пань возри накъ оуслышить, аже слюбую и слюбилъ е ловалъ есмь крестъ: чего Богъ не дай, што дить нашему господарю, великому князю по его животѣ, не имамь искати иныхъ гос мимо нашего господаря, великого короля Вл полского, литовского, руского и иныхъ, и полскоѣ не отлучитися ми еѣ, съ моими дѣ которымъ веременемъ, со всѣмъ съ моимъ и съ тымъ што держю нынѣ и потомъ отъ мое даря, великого князя Витовта, съ городми, и съ землями, безо лсти и безъ хитрости. На сему, печать свою привѣсилъ есмь. Въ горо речи, въ суботу мясопустную подъ лѣты н Сына Божьего тысяча лѣтъ и чотырнста лѣтъ лѣта.

Подлинникъ пергаминовый хранится въ Импе публичной библіотекѣ.—Внизу грамоты, въ про ста, привѣшена на пергаминной тасмѣ княжеска вытиснутая въ жолтовосковомъ ковчезцѣ. Изобр печати сгладилось. Грамота напечатана въ А Россіи. Т. I. стр. 28. — Меречъ, *городъ въ губерніи на устьѣ рѣки Меречанки въ Нѣманъ*

9.

Жалованная потвердительная грамота велик. князя Швитригайла церкви св. Іоанна въ Городкѣ. 1403 г.

Милостью Божьею мы великій князь Швитрикайло Олькиръдовичъ чинимъ симъ нашимъ листомъ каждому добьрому знаменито нинѣшнимъ и потомъ будущимъ, хто коли на сесь нашъ листъ оусмотритъ или оуслышитъ чьтучи его кому коли будетъ его потребизна, ижь потьвердили брата есмо данье короля Владислава святому Ивану церкви и попу Ваську Ивановскому дали есмо и записали земьлю црьковъную и ланъ вольный а сѣножать оу Гачищехъ отъ тое сеножати земьля оуся по ланы а по гостинецъ по Вешеньскыи по старыи а по болото, а по криницю оу солотеннахъ земля и сеножать отъ колодязя до колодязя по оубожищѣ, по Добряньскыи путь, а по криницю подъ оувозищемъ отъ лисеи горы по болото, а за болотомъ сеножать подъ лисичымъ гаемъ, записали есмо оу верьху писаную тую земьлью и сеножать и ланъ святому Ивану церькви и попу Ваську вѣчьно непорушно оу вѣки, поколѣ панъ Сенько Сеновъскыи, панъ Ильвъскыи, тую земьлю розъѣхалъ, а панъ Казаринъ Резановичъ а Бѣликъ. А не надобѣ оу тую земьлю никому оуступатися, ани съ лану чиньшу никому давати. А по Васьковѣ животѣ хто попомъ оу святого Ивана будетъ, тотъ по томужъ имаетъ святого Ивана земьлю держати. А при томъ свѣдоци были князь Иванъ Чоръторыиски, князь Михаило Костяньтиновичъ Ольшапицькьи, панъ Ванко Добржиньскыи, панъ Пѣшко маръшалько великого князя, воевода Городецькыи Берьдоховъскьи. А на потверженье сему нашому листу печать нашу велѣли есмо привѣсити. Данъ оу

Городку подъ лѣты рождества Христова т
400 лѣтъ, трѣтего лѣта, генваря 1-го дня и

*Подлинникъ писанъ на пергаменѣ круп
уставомъ клонящимся къ скорописи, безъ зна
нанія. Въ концѣ грамоты въ прорѣзѣ привѣ
шелковаго малиноваго снурка. Печать оторван
хранится при приходской греко-унит. церкви
Городкѣ, недалеко Львова.*

10.

Жалованная грамота короля Владисл ла Іосифу Бѣдуну на городище К на церковь Покровскую и на пуст ща въ Перемышльской волости въ Руси, 1408 года.

Во имя Божіе станься. Мы Владиславъ
милости король Польскій, Литовскій, Руск
многихъ земль господарь, знаемо чиним
шимъ листомъ, кто коли нань оузритъ,
шитъ чтучи: аже слуга нашъ Бѣдунъ, на
послужилъ намъ вѣрно, и мы оузрѣвши
ную службу, хотячи по немъ ажбы тым
вѣрнѣй послужилъ намъ и дѣтемъ нашим
щадкумъ, вонъ и его дѣти, и его намѣстн
и дали есмы слузѣ нашему Бѣдуну, на
наше городище Копыстно, церковь на и
Матере Божое, а подъ городищемъ Копыст
дворища пустая Боднарская, то есмы е
нашой волости оу Перемыской, што ко
прислушано изъ вѣка вѣчнаго; и къ тымъ
што суть поля того зобопулъ лѣса Струч
Моговище малое и великое, што къ тому

слушало, даемъ, оддали есмы тую истиную дѣдину нашу на вѣки вѣкомъ. А тако дали есмы ему и его дѣтемъ и его намѣсткомъ, со всѣмъ правомъ, зъ лѣсы, съ дубравами и съ насѣками, съ полемъ и зъ сѣножатии, зъ водами, ставами, зо всѣми оужитки и зъ вѣчными границами, што къ тому селу изъ вѣку прислушало и слушаетъ, како широко и долго и округло оу его границахъ. А той истный слуга нашъ Бѣдунъ, на имя Есифъ, имаетъ служити намъ и нашимъ дѣтемъ изъ того села двѣма стрѣлци, и на каждую нашу дорогу, гдѣ намъ потребизна. А про недостатокъ людей имаетъ слуга пашъ Бѣдунъ, на имя Есифъ, самъ оу той земли оу Перемыской быти и въ томъ селѣ; а коли бы была отъ нѣкоторыхъ нашихъ непріятелей налога на нашу землю Перемыскую, тогды имаетъ слуга нашъ Бѣдунъ, на имя Есифъ, самъ своимъ животомъ полагати со всѣми своими людми на оборонѣня пашей землѣ Перемыской. А тыи работы и дани и поплатки имаетъ робити и давати къ нашей потребизнѣ, яко иншіе земляне, коли есть того потребизна. А къ сему нашему листу на крѣпость казали есмо нашу печать великую привѣсити, оу нашомъ городѣ оу Сундумири, другое недѣли въ понедѣлокъ великого поста, подъ лѣты Рожества Христова, тысяча лѣтъ, и чтериста лѣтъ и осмъ лѣтъ. А при томъ были свѣдци: панъ Янъ Краковскій съ Тарнова, панъ Хрчонъ, воевода Судомирскій, панъ Михалъ Любелскій, панъ Клементъ Вислицкій, панъ Войтко, Судомирскій судья, панъ Мичекъ Штанъ, подсудокъ Судомирскій. Аминь.

Изъ рукописного сборника, хранящагося въ Львовской Оссолинской библіотекѣ, подъ Нр. 34.—Грамота напечатана въ Акт. южн. и зап. Россіи. Спб. 1863. Т. I. ст. 6.

11.

Правая грамота самборскаго старост ка изъ Давыдова, перемышльском пу Иліи, на владѣніе церковною зем сичій Бродъ съ угодьями въ Самб округѣ, 1422 г.

Мы панъ Сташко исъ Давыдова, староста скый, приводимо то ку вѣчной памяти нын потомъ будчимъ: Илья,ВладыкаПремышленск борьскыи, жаловалъся предъ Кролемъ на *Ст* аже оубиваются оу землю оу церковную свят такъ Король Господарь приказалъ намъ с стомъ абыхмо выѣхали и земяны и старьц хали межи Владыкою, а межи Стрѣлковци, церкви оу лѣсъ. Тако есмо, подлугъ прика роля нашего Господаря, выѣхали и земян скими и старьци, штожь оу томъ добре вѣд гды Владыка почалъ вказовати и рѣклъ: с миліи панове, то есть церковная земля свя сителя, по Лисичіи бродъ, и за Князя Льва, и многыхъ Державецъ, а то свѣдомо земяном скымъ и старце(мъ) Самборьскимъ и всѣм пымъ. Тако есмъ пустили на земяны и н Тако земяне исмовившися и старци, и выз поЛисичіи бродъ земля церквна святогоСпас вѣка из давного. И тои ѣще вьзнали, аже люде слѣдъ гонять по Лисичіи бродъ и оуз полничаномъ, занеже Тополничане имѣють дикою границю, а Стрѣлковци не имѣють; оуѣхали Владыцѣ и земляны по Лисичіи брод ло из вѣка и вызнано, тако есмъ, подлугъ знанья и смовившися и земяны и дали ес цѣ листъ и нашею печатью потвердили е

аже есть его Лисичи бродъ. А при том были свѣдьци: панъ Иванъ Жюржевичь, панъ Петръ судья Перемышльскый, панъ Баско Богдановичь, панъ Ивашко Корнелевъскый, панъ Грицко, ловчіи кролевъ Сметанка и намѣстникъ Лабровьсціи, и крилошане Самборьсціи, и много добрыхъ. А писана грамота оу Погоничихъ, оу четвертокъ, мца Генваря оу ка днь на память святого отца Мазима исповѣдника по лѣта Рождества Христова 1000 лѣтъ 400 лѣтъ и 20 лѣто.

Печать оторвана.

Подлинная харатейная грамота хранится въ архивѣ греко-унитск. епископскаго собора въ Перемышлѣ. Грамота напеч. въ Акт. зап. Россіи 1846 I. стр. 45.

Топольница, Стрѣлки и Лавровъ, села въ Самборскомъ округѣ. Въ Лавровѣ существуетъ по сіе время василіянскій монастырь.

II.

ИЗЪ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ, СЕБЕЖСКАГО УѢЗДА.

Село Прихабы.

Не слѣды глубокой православной древности, не какое либо историческое значеніе, имѣетъ село Прихабы съ его мѣстоположеніемъ, храмомъ, причтомъ, прихожанами и церковнымъ достояніемъ. Здѣсь, помимо этихъ аттрибутовъ достопримѣчательности, любопытный взоръ можетъ найдти для себя много интереснаго. Получивши мое бытіе и возродившись благодатію крещенія въ этомъ, пограничномъ уголкѣ Витебской губерніи, я долженъ былъ оставить его еще въ колыбели. Но Провидѣнію угодно было даровать мнѣ хотя кратковременный случай еще разъ побывать здѣсь на мѣстѣ моей родины. Пользуясь этимъ случаемъ и сознавая всю цѣну всего для насъ роднаго, я долгомъ счелъ подѣлиться съ читателями Вѣстника западной Россіи тѣмъ, что болѣе или менѣе заинтересовало меня въ этомъ, смѣжномъ съ Псковскою губерніей, уголкѣ Витебской губерніи, Себежскаго уѣзда.

На 30 верстѣ отъ г. Опочки и 23 отъ г. Себежа, по прежде-бывшей почтовой дорогѣ, уютно и скромно, на отлогомъ берегу Прихабскаго озера, лежитъ селеніе Прихабы, состоящее изъ четырехъ домовъ священно-церковно-служителей, изъ корчмы, волостнаго управленія, народнаго училища, двухъ домовъ сиротъ духовнаго званія, изъ дома церковнаго сторожа, дома себежскаго мѣщанина, занимающагося окраскою полотна, и сотни домиковъ крестьянскихъ. Прямо чрезъ дорогу, противъ

села, на возвышенной, конусообразной горѣ, вел
какъ бы охраняя свое достояніе, расположившееся
ножія стоитъ пережившій, хотя не зданіемъ, но
православіемъ, болѣе 185 лѣтъ, храмъ. Съ этой
съ вѣковѣчнаго маяка, кругозоръ человѣка встр
изъ тѣхъ живописныхъ картинъ, которыя возвышаю
сторгаютъ сердце, уносятъ воображеніе. На запа
какъ кольце, со всѣхъ сторонъ какъ бы разноцвѣт
комъ, окаймленное сѣнокосной ровниной, озеро, по
рону его, десятинъ 40, сосноваго лѣса, похожаго бо
чищенную рощу, устроенную для наслажденій чело
ли на жилище звѣря; по лѣвую такой же лѣсъ,
вершины деревъ и свое пространство вдали небоск
чрезъ волнистую мѣстность, поля и равнины вид
половины, два православныхъ храма: одинъ въ 20 в
села Слободы Псковской губерніи, а другой въ 12 от
симна Витебской губерніи. На востокъ, сѣверъ и
прорѣзанная ручейками и небольшими рѣчками дѣла
ности села Прихабъ столь привлекательными что,
на нихъ невольно вспоминаются предсмертныя м
слова увлеченнаго красотой природы, человѣка, из
реній великаго поэта Норбета.

„Смотри тамъ клонятся лѣса,
„Тамъ льются голубыя воды,
„Ахъ, не лишай меня природы,
„Оставъ мнѣ эти небеса!

Въ селѣ Прихабахъ существуетъ нынѣ, въ вид
разной четырехъ ярусной пирамиды, оканчивающей
образною главою съ желѣзнымъ сіяніемъ, крестомъ
ный, трехпрестольный храмъ. Главный престолъ
Святителя и Чудотворца Николая; въ правомъ придѣ
Чудотворца Алексія, митрополита московскаго, а
во имя св. Мученицы Парискевы. Храмъ этотъ по
1785 году иждивеніемъ и усердіемъ прихожанъ, на
ветшавшаго православнаго храма, какъ видно изъ
выданнаго въ 1683 году, княжною Каролиною Радз
графинею Нейбургскою, на фундушъ для построенія
Прихабахъ, Порѣцкаго войтовства православнаго хра

занія, при ономъ, двухъ греческаго исповѣданія священниковъ 1).

До 1834 года въ храмѣ измѣненій и передѣлокъ не было никакихъ. Но въ этомъ году, вмѣсто пяти главъ, сдѣлано только три, обитыя бѣлымъ, а кровля, за исключеніемъ притворовъ, чернымъ листовымъ желѣзомъ; въ 1838 году, въ одну связь съ церковью, пристроена, на кошельковую сумму, новая, на каменномъ фундаментѣ, деревянная колокольня, на ней, вмѣсто главы, устроенъ, обитый бѣлымъ листовымъ желѣзомъ и оканчивающійся желѣзнымъ съ лучами крестомъ, длинный шпицъ; въ 1861 году крыша храма, колокольни и всѣхъ притворовъ покрашена красною масляною краскою, въ 1862 году притворъ церкви перекрытъ тесомъ и исправленъ фундаментъ; ко входному крыльцу сдѣланъ, на столбахъ, навѣсъ и снова крыша церкви, колокольни и притворовъ, а также и стѣны ихъ извнѣ, перекрашены масляною краскою.

Въ 1868 году, съ разрѣшенія полоцкой духовной консисторіи сдѣланы по церкви, на кошельковую и доброхотныхъ дателей сумму, въ количествѣ 1600 руб. сер., слѣдующія исправленія и пріобрѣтенія. Три столярные иконостасы перебраны, переклеены и укрѣплены, какъ слѣдуетъ; всѣхъ трехъ иконостасовъ образа исполнены живописью: которые оказались годными, пройдены тонами, а остальные написаны вновь; иконостасы главный и придѣльные вызолочены подъ поляръ и матъ, съ расчисткою рѣзьбы, карнизовъ, пиластровъ и рамъ; растерянная рѣзьба пополнена, вызолочена и прикрѣплена къ мѣсту; поля иконостасовъ окрашены розовою, съ добавленіемъ кармина, краскою подъ лакъ; въ олтаряхъ сѣни, образа, колонны рѣзьба и рамы вызолочены, а живопись возобновлена; запрестольный крестъ сдѣланъ совершенно новый, рѣзной; на немъ вновь написаны изображенія и весь, съ обѣихъ сторонъ, вызолоченъ; для площаницы сдѣлана гробница на трехъ ступеняхъ и, поверхъ оной стекляный колпакъ, рама котораго вызолочена; иконы клиросныхъ кіотовъ и на стѣнахъ церкви исправлены живописью, а также, изъ четырехъ иконъ въ притворахъ,

---

1) Арх. Пр. цер. документъ 1683 г. на польскомъ языкѣ; просимъ сообщить копію этого документа въ редакцію Вѣст. зап. Рос. *Ред.*

одна вновь написана, а прочія исправлены; кіоты
дуетъ, и рамы всѣхъ иконъ вызолочены; въ церкви
колокольнѣ и притворахъ всѣ полы пересланы, гн
и слѣги въ оныхъ замѣнены новыми и всѣ выкраше
масляною краскою; двери церкви, колокольни и п
оттворявшіяся во внутрь, передѣланы и перевѣшан
отворяются наружу и укрѣплены четыре арки въ хр
во всей церкви и олтаряхъ выкрашены бѣлою клее
половъ, на три аршина, темно красною, масляною кр
полъ, выкрашенный голубою краскою, украшенъ,
ными звѣздами, а образъ Саваоѳа въ немъ написан
рама вызолочена; клиросы выкрашены голубою, на м
кою, сдѣланы къ новымъ хоругвямъ валки, кресты
чены, вновь пріобрѣтена покупкою плащаница, п
малиновомъ плисѣ, украшенная набивными цвѣтами
на каймахъ, а также пріобрѣтены и новыя хоругви
сдѣлана, изъ малиноваго полубархата, одежда на гро
шитая желтою мишурною бахрамою; обшиты тою ж
плащаница, хоругви и къ угламъ ихъ пришиты желт
ныя кисти; изъ того же полубархата сдѣланъ фон
Святителя и Чудотворца Николая и епитрахиль.

Когда церковному попечительству разрѣшено б
хіальнымъ начальствомъ употребленіе кошельковой
вышеозначенныя исправленія по церкви, ея было в
ко 563 р. 77 к. сер.; а когда заключено было услов
рядчикомъ за 1600 р. на производство тѣхъ работъ
лено уже къ самымъ работамъ, то всей суммы на
только 883 р. 82 к. серебромъ. Понятно, что, при
въ наличности, почти цѣлой половины суммы, пр
всѣхъ тѣхъ работъ и въ такомъ видѣ, какъ онѣ сдѣл
немыслимо. На средства церкви можно бы было
но только кое что и кое какъ. Потому что главн
вплоть покрытый рѣзьбою, четырехъ ярусный иконо
гато украшенную рѣзьбою и херувимами сѣнь, малы
ные иконостасы, рамы всѣхъ иконъ, позолоту мног
орнаментовъ и исправленіе иконъ, не говоря о про
тахъ нужно бы было при другихъ дѣятеляхъ и ус
883 р., и даже не 1600 руб. Слѣдовательно, чтобы

дѣло впередъ, нужна была особенная рѣшимость, проникнутая живѣйшимъ чувствомъ любви къ благолѣпію храма Господня, нужна была особенная предпріимчивость, самая живая и ревностная бдительность и рѣдкое умѣнье, чтобъ изъ невозможнаго почти сдѣлать возможное 1).

На этой ступени нравственнаго величія становится зрѣлый опытностію, мѣстный настоятель, маститый старецъ, протоіерей Іоаннъ Серебренниковъ. Призвавъ на помощь вседѣйствующую силу Божію и угодника Божія Святителя и Чудотворца Николая, какъ покровителя св. храма, онъ пріискиваетъ добросовѣстнаго подрядчика, созываетъ членовъ приходскаго попечительства, а также и нѣсколько домохозяевъ и, при помощи ихъ, рѣшаетъ дѣло хозяйственнымъ порядкомъ, т. е. заключаетъ условіе на сумму 1600 руб. сереб. съ тѣмъ, что имѣющіяся на лице деньги будутъ выдаваться ему по мѣрѣ требованія. Работы начинаются и, въ продолженіи однаго года и четырехъ мѣсяцевъ, къ отрадѣ прихожанъ, храмъ Божій, домъ молитвы ихъ является въ полномъ великолѣпіи, котораго отъ души можно бы было пожелать не для сельскихъ только церквей нашей епархіи, но и для городскихъ, нерѣдко далеко отстающихъ отъ этой сельской церкви.

Нельзя не отнестись съ признательностію ихъ и къ подрядчику, такъ дешево и добросовѣстно выполнившему свое дѣло. Бѣдный по состоянію, молодой по возрасту, невельскій мѣщанинъ Никифоръ Яковлевъ Бабаха, какъ видно, не искалъ и не получилъ отъ своихъ усердныхъ трудовъ никакихъ, кромѣ пропитанія, остатковъ и пріобрѣтеній, но по любви къ благолѣпію храма Божія и по добротѣ своего, незараженнаго корыстолюбіемъ сердца, сдѣлалъ все такъ, какъ слѣдуетъ сдѣлать истинно-нравственному человѣку—христіанину. Въ подтвержденіе истины, отлично произведенныхъ работъ и вообще касательно великолѣпія самаго храма, неизлишне будетъ привести и копію съ акта о принятіи работъ отъ подрядчика.

---

1) Настоящую статью мы потому преимущественно помѣщаемъ на страницахъ Вѣстника, чтобы показать, что можно сдѣлать для церкви и съ малыми средствами при обиліи усердія и распорядительности. *Ред.*

1868 года, октября 31 дня. Себежскаго уѣзд
прихабской и томсинской волости, члены приходск
наго попечительства и сельскіе старосты приходск
согласно указу полоцкой духовной консисторіи, отъ
1865 года, за № 703, которымъ разрѣшалось цер
печительству употребленіе церковной кошельково
различныя исправленія по прихабской, Себежскаго
колаевской церкви,—дѣлали самый тщательный осм
начатыхъ въ 1867 и оконченныхъ въ настоящемъ
ковныхъ работъ. Благодаря особенному усердію
ковнаго старосты Прокопія Михайлова, а въ
неусыпной, съ 1862 года,—т. е., современи опр
сей церкви, когда церковной, кошельковой суммы
152 р. 41 к. сер.,—заботливости и попеченію наш
го настоятеля протоіерея Іоанна Серебникова,
потрудившагося въ этомъ дѣлѣ изыскиваніемъ много
средствъ къ увеличенію церковныхъ доходовъ и,
ности, явившаго свою энергическую дѣятельность
нее время, когда уже было заключено условіе,
въ это время наличной суммы было только все
82 к. сер., а въ продолженіи однаго года и четь
цевъ, слѣдовало уплатить: за живопись, золоченіе
1450 р. сер.; за столярныя работы 120 р., за п
хоругви 30 р. сер., а всего 1600 р. серебромъ,
что всѣ работы, согласно условіямъ, и даже болѣе,
вточности и такъ отлично и добросовѣстно, что, с
величинѣ главнаго четырехъ—яруснаго иконостас
и малыхъ придѣльныхъ, почти вплоть покрытыхъ
ною червоннымъ золотомъ, рѣзьбою, многосложным
и рѣзными рамами около иконъ, за исключеніемъ
ныхъ произведенныхъ работъ, за такую дешевую п
можно бы было ожидать чего либо хорошаго. А п
вивъ истинные труды, заботливость и попеченіе
храмѣ мѣстнаго нашего настоятеля протоіерея Іо
ренникова, а равно и церковнаго старосты Проко
лова, на оцѣнку и воздаяніе высшаго духовнаго,
наго ихъ начальства, рѣшили: принять отъ подр
произведенныя работы и удовлетворить его, согл

ямъ, остальными деньгами, изъ суммы, въ количествѣ 200 р. сер., взятой церквію, на этотъ предметъ, взаимообразъ у различныхъ частныхъ лицъ. Настоящій же актъ передать предсѣдателю попечительства протоіерею Серебренникову, съ просьбою—представить его, вмѣстѣ съ подробнымъ спискомъ произведенныхъ работъ, куда слѣдуетъ и ходатайствовать, у его преосвященства объ освященіи иконостасовъ нашей церкви 1).

Къ подлинному, съ приложеніемъ печатей, подписались: два волостныхъ старшины, пять сельскихъ старостъ и девять членовъ церковнаго попечительства.

Въ настоящемъ же 1869 году, 16 февраля, по полученіи благословенія отъ его преосвященства, преосвященнѣйшаго Саввы, епископа полоцкаго и витебскаго, эта возобновленная церковь, при соборномъ богослуженіи и многочисленнѣйшемъ стеченіи народа, нетолько изъ своего прихода, но и изъ приходовъ смежной Псковской губерніи, — была освящена самимъ настоятелемъ протоіереемъ Серебренниковымъ.

Иконы всѣхъ трехъ иконостасовъ и, вообще, всего прихабскаго храма, за исключеніемъ храмовой иконы Св. и Чудотворца Николая, новѣйшей, довольно хорошей живописи. Храмовая икона Св. и Чудотворца Николая длиною въ полтора и шириною въ одинъ аршинъ, стоящая по правую сторону южныхъ дверей главнаго иконостаса и пользующаяся особеннымъ чествованіемъ прихожанъ и, вообще всего околодка, написана на доскѣ. Святитель изображенъ съ распростертыми руками и въ архіерейскомъ облаченіи, но только, вмѣсто саккоса, въ фелони; въ лѣвой рукѣ держитъ евангеліе, а правая рука благословляющая; вверху, на правомъ углѣ доски, въ небольшомъ видѣ, изображенъ благословляющій ликъ сидящаго на облакахъ Спасителя, а на лѣвомъ, въ такомъ же видѣ, съ омофоромъ на рукахъ, ликъ Божіей Матери. Всѣ эти три изображенія весьма древней и никогда не возобновлявшейся живописи. Изъ нея до настоящаго времени уцѣлѣли, въ мрачномъ видѣ, только: лице и двѣ кисти рукъ Святителя, лице Спасителя и лице Божіей Матери, но и то мѣстами испортив-

1) Арх. пр. церкви.

шіяся,—а остальныя живописныя части иконы, как
всѣхъ трехъ изображеній и фонъ иконы вовсе
Въ 1756 году на всѣ эти три лика сдѣлана был
ная, 84 пробы, риза 1), восполняющая и по насто
естественныя формы изображеній и ихъ одеждъ, а
обитый малиновымъ полубархатомъ, былъ обитъ то
Объ этой иконѣ существуетъ въ народѣ преданіе
Можайска, неизвѣстно въ которомъ году, она явил
Прихабахъ на деревѣ, стоявшемъ тогда на томъ са
гдѣ находится нынѣшній храмъ. Оставляя это пре
ру туземцевъ, я только долженъ сказать, что, суд
сти и простотѣ живописи этой иконы, можно толі
тельно думать, что она написана въ 1683 году, ко
вый разъ въ селѣ Прихабахъ былъ открытъ прихо
енъ, во имя Св. и Чудотворца Николая, первый х

Ризница прихабскаго храма облаченіями и ут
гата и немногочисленна, но прилична и достаточн
ской одноклирной церкви. Причина этого заключа
венно въ томъ, что все вниманіе настоятеля и
старосты было обращено на улучшеніе болѣе важн
ложныхъ потребностей церкви, нежели богатств
Впрочемъ, теперь по совершенномъ исправленіи
ви, на что истратились, какъ видно изъ предыдуща
лѣе чѣмъ всѣ наличныя средства церкви, обраще
и на этотъ предметъ.

Изъ церковной утвари, своею давностію особен
нія заслуживаютъ только:

1) Евангеліе въ листъ полуалександрійской б
женное зеленымъ бархатомъ; средина на немъ и
ки безпробнаго серебра съ чеканными изображен
срединѣ Воскресенія Христова, а на углахъ чет
гелистовъ; съ другой стороны, на тѣхъ же самы
и изъ того-же серебра выбиты страсти Господни;
ра вѣсомъ 2½ фунта; печатано въ Москвѣ 1758 г

---

1) Надпись на ризѣ: Вроку 1756, шата сія: Св. Н
застараніемъ Павла Давыдова Зіеліонки.

го дня, а иждивеніемъ прихабской церкви пріобрѣтено за р. 53 к. сер. въ 1773 году мѣсяца марта 29 дня 1).

2) Напрестольный, серебренный, 84 пробы, позолоченный крестъ, съ чеканными, съ червенью изображеніями,—посрединѣ распятіе Христа Спасителя, а по концамъ Господа Саваоѳа, Божіей Матери, Іоанна Богослова и адамовой головы; вѣсомъ 1 ф. 11 лотовъ и 1 золотникъ; на немъ выбитъ 1809 годъ.

и 3) Потиръ безпробнаго серебра, внутри и снаружи позолоченный; на немъ рѣзьбою изображены: распятіе Спасителя, Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ, а внизу слѣдующая надпись: Маію 1761 г. Сіей кіелихъ зданей въ церковь святителю Христову Николаю Чудотворцу въ погостѣ Прихабы тщаніемъ Осташковскаго купца Сисоя Шолмотова; вѣсомъ 25 лотовъ и 13 золотниковъ. Отъ самаго открытія въ селѣ Прихабахъ прихода, т. е. съ 1683 по 1834 годъ при прихабской церкви имѣлось причта: два священника, два дьячка, два пономаря и одна просвирня. Но въ 1834 году, когда по распоряженію епархіальнаго начальства, поступившая изъ уніи въ 1795 году въ вѣденіе православнаго духовенства и приписанная къ прихабской церкви, церковь дубровская была возведена въ приходскую и, когда значительное число прихабскихъ прихожанъ были отдѣлены для прихода оной церкви, при прихабскомъ приходѣ оставлено штатнаго причта всего только одинъ священникъ, одинъ діаконъ, одинъ дьячекъ и одна просвирня. Этотъ штатъ причта, безъ всякаго измѣненія, находится и теперь. Замѣчательно, что съ 1683 года, т. е., со времени открытія прихабскаго прихода, при этой церкви никогда и ни одного изъ членовъ причта не было изъ возсоединенныхъ Каждый изъ членовъ причта, согласно значенію занимаемой имъ должности, имѣетъ и отдѣльный—большій или меньшій, съ хозяйственными службами, построенный въ 1845 году, общественный, деревянный домъ.

Прихабскій приходъ получилъ свое названіе въ 1683 году, отъ бывшей на этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится храмъ и

1) Рукописная, на польскомъ языкѣ, надпись на первомъ листѣ евангелія.

село, деревни называвшейся Прихабами. Прихо
изъ 1483 муж. и 1643 душъ женскаго пола.

Всѣ прихожане прихабскаго прихода, до 1683
вавшіе свои христіанскія обязанности въ г. Опо
ской губерніи, старо-руссы, 1) древле-православн
повѣданія и весьма усердны къ религіознымъ обя
а въ особенности къ говѣнію, исповѣди и причащені
Есть нѣкоторые изъ нихъ, которые чтобы достойно
ся св. Таинъ, по нѣсколько дней вовсе ничего
равно и изъ благоговѣнія къ празднику воскресені
покушавъ въ великій четвертокъ, ничего не ѣдятъ
ныхъ розговинъ. Къ поминовенію усопшихъ и, вос
ламъ благочестія, какъ то: милостины, странно-пр
и т. под. прихабскіе прихожане усердны; слушані
душеспасительныхъ поученій, къ отрадѣ пастыря,
для нихъ верхъ удовольствія; всегда предлагаемая
зиданіе, какая либо душеполезная истина принимае
нымъ участіемъ сердца и оправдывается ихъ жизні
новленные св. православною церковію посты, за ис
грудныхъ младенцевъ и трудно больныхъ, безъ изъя
даются очень строго.

Крестьяне прихабскаго прихода всегда и во вс
вседѣйствующую волю Творца и Промыслителя, а
допуская, въ религіозномъ отношеніи, никакихъ чел
предразсудковъ и суевѣрій, всегда и во всякихъ сл
зни обращаются съ молитвою къ Богу. Кромѣ то
очень часто служатъ молебны въ храмѣ, но еще в
времена года или праздники приглашаютъ причт
молебствіе и въ каждомъ домѣ всѣхъ деревень цѣ
да, на каждомъ гумнѣ, скотномъ дворѣ и полѣ ка
хозяева. Такъ: 14 іюля въ деревнѣ Лялинѣ,
нѣсколькихъ деревняхъ, 15 и 18 августа опять въ
другихъ деревняхъ, 8 сентября тоже въ нѣсколь
деревняхъ; а въ день храмоваго праздника, 6 декабр
Воскресенія Христова, въ продолженіи цѣлой слѣд
слѣ ихъ недѣли, отправляется молебствіе во вс
всѣхъ деревень цѣлаго прихода.

---

1) Арх. пр. церкви документы 1683 и 1749 года.

Съ незапамятныхъ временъ въ прихабскомъ приходѣ существуетъ, въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня (14 сентября) ежегодный, мѣстный, крестный ходъ. Въ этотъ день, послѣ литургіи, весь народъ съ иконами отправляется верстъ за пять къ источнику, находящемуся вблизи фольварка Урюцнана и въ саженяхъ пятидесяти отъ великой рѣки, на обширной сѣнокосной равнинѣ. По приходѣ къ источнику священникъ отправляетъ обычный молебенъ съ водосвятіемъ, а потомъ народъ, съ полнымъ убѣжденіемъ вѣрящій въ цѣлебную силу водъ этого источника, проситъ, почти каждому изъ присутствующихъ, отслужить отдѣльный молебенъ животворящему кресту господню. Послѣ того каждый изъ домохозяевъ беретъ себѣ эту воду на домъ для употребленія ея въ различныхъ болѣзненныхъ случаяхъ какъ то: боли головы, глазъ, ломоты въ рукахъ, ногахъ и т. под. Впрочемъ, этотъ источникъ не есть тотъ самый, къ которому первоначально былъ открытъ народомъ крестный ходъ; тотъ источникъ находился, около двухъ сотъ саженей отъ теперешняго, у подошвы не большой горы, гдѣ была выстроена, для отправленія молебствія, и деревянная часовня, которая, вслѣдствіе уничтожившагося временемъ самаго источника, пришла въ совершенную ветхость и теперь уже не существуетъ. Время и причину открытія крестнаго хода къ этому источнику и устройства надъ нимъ часовни, за неимѣніемъ на то никакихъ письменныхъ данныхъ и преданій съ достовѣрностію опредѣлить невозможно. Нужно, впрочемъ, думать, что обычай этотъ и причина устройства часовни восходятъ гораздо далѣе ста лѣтъ, такъ какъ восмидесятилѣтніе старики не только ничего подобнаго не помнятъ, но даже нѣтъ у нихъ и никакого объ этомъ преданія.

Въ этомъ источникѣ народъ имѣетъ обыкновеніе, безъ всякаго сознанія и безъ всякаго, для себя и другихъ объясненія, бросать небольшія булочки хлѣба, яблоки, деньги, огурцы, яйца и т. под. По окончаніи молитвословія, деревенскіе мальчишки различнымъ способомъ достаютъ всѣ эти, ничѣмъ не осмысленныя приношенія невѣжественнаго народа и употребляютъ на свои лакомства.

Изъ этого послѣдняго обстоятельства, положительно можно заключать, что этотъ крестный ходъ введенъ еще до 1683 г.;

и введенъ служителями римско-католической ц
не только въ селѣ Прихабахъ, но и на огромномъ
хотя не всего Себежскаго уѣзда, заряженнаго у
почти вплоть перемѣшаннаго помѣщиками и шля
стами, не было ни православныхъ храмовъ, ни п
священниковъ; такъ какъ, сколько извѣстно намъ
наблюденій, они чрезвычайно были щедры на п
женства и, при малѣйшей возможности, устраивал
домъ, мало-мальски подходящемъ мѣстѣ, хотя
представляло собою въ сущности, ничего особен
религіозномъ отношеніи, но лишь бы только со
ихъ враждебнымъ православію цѣлямъ и возбуж
народъ къ не малой афярѣ, поступающей въ их

Въ селѣ Прихабахъ находится штатное народ
по желанію прихожанъ и съ нѣкоторымъ съ ихъ
годнымъ, денежнымъ пособіемъ, открытое въ 186
скою дирекціей народныхъ училищъ, въ вѣденіи
ходится. Училище это помѣщается въ нарочито
троенномъ прихожанами деревянномъ домѣ; въ
усердно обучается нынѣ болѣе 25 крестьянских
Есть здѣсь также и волостное управленіе, суще
1862 года и завѣдывающее селеніями крестьянъ
скаго прихода и частію селеній дубровскаго и ки
ходовъ.

Какъ вездѣ въ западныхъ губерніяхъ, такъ и
Прихабахъ неотъемлемому церковному достоян
было избавиться отъ нахальства и корыстолюбія п
году, при самомъ открытіи православнаго прихода
православнаго храма въ селѣ Прихабахъ княжно
вою, графинею нейбургскою было для прихабско
дано фундушомъ двѣ съ половиною *четверти служ*
стоящей частію подъ лѣсомъ, сѣнокосомъ и час
пахатной землѣ. До 1777 года священно и церк
ли безспорно и безъ всякихъ со стороны прете

1) Около 1608 и до 1623 г. въ П епархіи дѣйств
зу уніи Іоасафатъ Кунцевичъ архіепископъ Полоцкі
православія.

мою, въ количествѣ 350 десятинъ, землею; а въ 1777 году, ключѣ, владѣлецъ, Башнякъ, находя выгоднѣйшимъ для себя поселиться на церковной землѣ завладѣли вѣковымъ достояніемъ врилабской Николаевской церкви. Священно-церковнослужители вошли на самоправство Башняка съ жалобою въ „губернское судилище полоцкаго намѣстничества.“ По распоряженію сего присутствія „Себежскій повятовый земскій судъ,“ въ 1779 году, хотя рѣшилъ и опредѣлилъ декретомъ возвратить всю захваченную Башняками землю и удовлетворить церковь за все причиненное ими разграбленіе, но это рѣшеніе суда, за подачею женою помѣщика Башняка аппелляціи въ высшее судилище полоцкаго намѣстничества во второй департаментъ, не было приведено въ исполненіе. Съ этого времени дѣло это прошло всѣ судебныя инстанціи и, наконецъ въ 1852 году, защищаемое себежскимъ уѣзднымъ стряпчимъ, казенною палатой, губернскимъ прокуроромъ и витебскимъ губернаторомъ, окончилось во вредъ церкви и въ пользу наслѣдниковъ Башняка. Вслѣдствіе чего, въ настоящее время числится при церкви и находится въ пользованіи причта всего только 109 десят. 250 саж. земли, да и то совершенно безвыгодной, безлѣсной и въ непроходимыхъ болотахъ.

Чтожъ дѣлать? 1) знать въ былыя времена такова ужъ въ здѣшнемъ краѣ была судьба всего православнаго! Какъ бы то ни было, но и въ нашей губерніи есть мѣста и вещи довольно интересныя, есть народъ древле-православный и набожный, подъ чуждой владычественной польской рукой, среди самаго разгара полонизма, твердо устоявшій въ своей отечественной вѣрѣ и во всѣ времена сохранявшій свою религіозную и народную самобытность.

Священникъ Викторъ Забѣлинъ.

---

1) Арх. пр. ц. копіи съ дѣловыхъ бумагъ по этому дѣлу.

О ЦЕНТРАЛЬНОМЪ АРХИВѢ ДРЕВНИХЪ АКТОВЫ
ГУБЕРНІЙ: ВИЛЕНСКОЙ, ГРОДНЕНСКОЙ, МИНСКОЙ И

Sublatis legibus respubli
Арис

Законодательство какого бы ни было народа выраженіе политическаго его быта и вмѣстѣ вы ственной и нравственной его жизни. Потому выра стотеля, „съ уничтоженіемъ законовъ уничтожается сударство,"—совершенно справедливо. Но практи мѣненіе законовъ, или, такъ сказать, жизнь духов выразившуюся въ дѣйствительности, мы находимъ шихся и дошедшихъ до насъ судебныхъ актахъ. И самыхъ древнихъ временъ, съ появленіемъ писанны въ Польшѣ и Литвѣ, особенное обращено было храненіе этихъ актовъ. Въ 1496 году постановлен бы книги судебныхъ актовъ хранились за тремя к которыхъ одинъ долженъ находиться у воеводы, дру а третій у писаря 1). Храненіе актовыхъ книгъ ное Статутомъ литовскимъ, описано такъ: „устано велѣваемъ, чтобы въ каждомъ повѣтѣ, гдѣ наход судъ и въ замкѣ, или въ нашемъ дворѣ, судья, писарь земскій вмѣстѣ съ шляхтою и со всѣми словіями отъискали и построили такія помѣщенія, бы всегда, безопасно отъ всякихъ случайностей, хранимы земскія книги. Для этого воеводы и ст вые въ каждомъ воеводствѣ, землѣ и повѣтѣ, въ дворѣ нашемъ судовомъ, должны отвести имъ бе мѣщенія. А если бы такихъ помѣщеній не было должны указать приличныя мѣста на постройку ка гребовъ въ замкахъ и дворахъ нашихъ и хранить дежною стражею. По окончаніи сроковъ судо книги предшествовавшихъ сроковъ должны спрят комъ сундукѣ за тремя замками, отъ которыхъ долженъ быть у судьи, другой у подсудка, а тре и всѣ они трое должны приложить свои печати

1) Vol. Legum 1. Joannis Alberti Regis Statuta v. 1. fol.

(Статутъ лит. изд. 1588 г., разд. IV, артик. 11). Потомъ слѣдуетъ рядъ сеймовыхъ постановленій о строгомъ веденіи ревизіи и храненіи этихъ же книгъ. Для храненія ихъ строили особыя башни, также каменные погреба, иногда отводили каменныя зданія, частію на счетъ казны, частію на счетъ пожертвованій сдѣланныхъ для этой цѣли знатными лицами, гдѣ онѣ хранились какъ святыня 1).

Въ рѣдкихъ сеймовыхъ постановленіяхъ не упоминается объ этомъ предметѣ. Туже самую мы видимъ заботливость дворянства и безопасномъ надлежащемъ храненіи актовыхъ книгъ въ постановленіяхъ частныхъ сеймиковъ каждаго воеводства и въ инструкціяхъ, которыя оно давало своимъ депутатамъ, отправляемымъ на главные сеймы.

Съ появленіемъ писанныхъ законовъ, опредѣлены также были и формы разныхъ записей, какъ то: записей замѣтныхъ, продажныхъ или купчихъ крѣпостей, записей выкупныхъ, называвшихся выдеркафовыми (отъ немецкаго—wiedekaufen), фундушевыхъ, дарственныхъ, заставныхъ, долговыхъ арендныхъ контрактовъ, записей пожизненныхъ, духовныхъ завѣщаній, уступочныхъ и переуступочныхъ записей, усыновленій, 2) а въ позднѣйшее время записей вѣновныхъ, интерцизныхъ 3), кассаційныхъ, постановленій дворянства на частныхъ сеймахъ или сеймикахъ, инструкцій, выдаваемыхъ депутатамъ посылаемымъ на главные сеймы, и имъ подобныхъ. Всѣ эти записи внесенныя въ книги, съ соблюденіемъ предписанной формы, назывались inscriptiones perpetuae, акты вѣчистые, то есть, вѣковѣчные, крѣпостные, а самыя книги, въ которыя они вносились, назывались libri inscriptionum perpetuarum, книги вѣчистыя, крѣпостныя;—но кромѣ записей, которыя были вносимы въ книги, въ нихъ записываемы были и опредѣленія самыхъ судовъ по разнымъ дѣламъ и эти опредѣленія назывались dekreta oczywiste; а опредѣленія, которыя состоялись въ одномъ какомъ либо судѣ

1) Vol. Legum An. 1496 vol. 1 fol. 278, 1569 vol. II fol. 794. 1581 vol. 11. f. 1021, 1578 v. II. f. 969, 1638 v. III f. 962, ibidem f. 963, 1607, v. II. f. 1632 A. 1647. v. IV f. 122. A 1601. v. II f. 1512. A. 1764 v. VII f. 407. etc.

2) Vol. Legum. A. 1523 f. 418, 416, 417, 419, 420, 421, 422.

3) Intercyza, запись, заключающая въ себѣ условія о приданомъ.

и послѣ явлены въ другомъ, назывались декретами
дѣленіями явочными, какъ напримѣръ граничные д
рѣшенія подкоморскія и т. п. Затѣмъ вносимы были
разные процессы, жалобы, донесенія возныхъ 1) о п
зывовъ 2) и о сдѣланныхъ ими осмотрахъ, о вводахъ
нія и т. п.

Всѣ этаго рода записи, судебныя опредѣленія, жал
цессы, вводные акты, во многихъ судахъ, особенно в
вносимы были въ однѣ и тѣ же книги; но послѣ съ р
юридическихъ началъ, когда судопроизводство начал
мать болѣе обширныя формы, заведены были особ
1) для крѣпостныхъ актовъ, которыя назывались: lib
tionum perpetuarum, или книги вѣчистыя, 2) для судебн
дѣлений книги декретовыя, 3) книги жалобъ (manifest
процессовъ, или книги процессовыя, и, наконецъ, 4)
кущихъ дѣлъ (libri relationum), которыя назывались п
и заключали въ себѣ донесенія возныхъ о врученіи
обдукціи или освидѣтельствованія и вводные акты.

Въ этихъ то книгахъ, можно сказать, погребена
ковая жизнь сѣверо-западнаго края, его современныя
нія, его внутренняя борьба, его страданія и его чая
дежды. Даже въ настоящее время ими обеспечива
личныя права и достояніе. Кромѣ упомянутыхъ кни
также и другія вспомагательныя, которыя имѣли
пенное значеніе—такъ называемые протоколы и реэс

Протоколы были трехъ родовъ: актовые или кр
декретовые и протоколы текущихъ дѣлъ, которые н
поточными. Протоколы актовые установлены законо
мыхъ раннихъ временъ; всякая запись, прежде не
внесена была въ актовыя книги, вписываема была вк
саремъ или регентомъ въ особую книгу, которая по
чила названіе актоваго протокола. Въ Статутѣ литовс
1587 года), разд. IV, артикул. 103, говорится: „где б
потребовала якого листу абы былъ вписованъ до к

1) Возный, generalis ministerialis — исполнительная по
дашняго времени, состоявшая въ одномъ лицѣ, которое
приглашало еще двухъ шляхтичей.

2) Позывъ, — citatio, — требованіе къ суду.

старости и для чогожъ кольвекъ, альбо естли бы кто кому даючи на вечность якую, и на штокольвекъ, записы свои властные водлугъ давнаго звычаю, и сознавалъ бы ихъ предъ врядомъ, тогды писаръ, нечинечи широкое предмовы, але только особъ тыхъ помененвши, хто кому что записуетъ, а потомъ листъ альбо записъ отъ слова до книгъ вписати маетъ." Въ послѣдствіи времени постановлено было чтобы предъявитель своей записи, по внесеніи ея вкратцѣ въ протоколъ, собственноручно подписалъ ее. Въ свое время эти протоколы служили только для веденія надлежащаго порядка записей; но впослѣдствіи они сдѣлались весьма важными въ томъ отношеніи, что они всякую подделку и вставку актовъ дѣлали почти невозможными. Актъ, который не былъ первоначально записанъ вкратцѣ въ актовомъ протоколѣ, не могъ имѣть законной силы.— Отъ того-то въ позднѣйшее время, когда размножились подделки актовъ и документовъ, протоколы эти всячески старались истреблять, такъ что до нашего времени ихъ сохранилось весьма не много и только въ архивахъ болѣе благоустроенныхъ. Въ своемъ мѣстѣ сказано будетъ какую пользу они принесли и приносятъ въ центральномъ архивѣ. Протоколы декретовые, въ которые вписывались вкратцѣ судебныя опредѣленія, не столько важны, сколько актовые протоколы; потому что не было примѣра, чтобы кто нибудь рѣшился поддѣлать судебное опредѣленіе и такихъ поддѣлокъ нигдѣ и никогда не встрѣчалось; но этихъ протоколовъ значеніе и достоинство заключается въ томъ, что въ нихъ часто встрѣчаются цѣлыя судебныя опредѣленія, которыя, вѣроятно по оплошности писаря или регента, не были внесены въ декретовыя книги. Поточные протоколы, содержащіе въ себѣ записанныя вкратцѣ жалобы частныхъ лицъ, донесенія возныхъ, и проч., хотя въ юридическомъ отношеніи имѣли свое значеніе, но въ настоящее время оно потеряло свою силу.

Что касается до реэстровъ, то сеймовымъ постановленіемъ 1764 года, они опредѣлены были слѣдующіе: 1) реэстръ аппелляцій; 2) реэстръ опроверженій или сопротивленій (Registrum contraventionum), въ который вписывались дѣла, начатыя по поводу опредѣленій суда, послѣдовавшихъ въ слѣдствіе аппелляцій; 3) реэстръ должностей Registrum officii, въ который впи-

сывались дѣла по причинѣ замѣдленія засѣданій низш
станцій; 4) реэстръ арестованныхъ Registrum incarcerato
который вписывались дѣла съ уголовными преступникам
стованными и представленными въ судъ; 5) реэстръ т
registrum termini tacti, въ которые вписывались уголовн
ступленія, совершившіяся на мѣстѣ, гдѣ производилис
или недалѣе одной мили въ окрестности отъ этаго
6) реэстръ гражданскій, то есть реэстръ всякаго рода г
скихъ дѣлъ; 7) реэстръ суммарійный, въ которомъ
отмѣчали, кто съ кѣмъ имѣетъ дѣло; 8) реэстръ ордина
обыкновенный, почти тоже что и реестръ гражданскій;
естры fisci, въ которыхъ вписывались дѣла касающіяся
10) реестръ случайный, какъ самое названіе его показ
веденъ былъ по дѣламъ случайнымъ и непредвиденным
гіе. Каждая отдѣльная запись въ одномъ изъ упомянут
эстровъ называлась акторатомъ. Реэстры эти, опредѣл
рядокъ судопроизводства, такъ напр., въ главномъ лит
трибуналѣ сперва рѣшаемо было дѣло слѣдующее по
реестра аппеляцій, потомъ другое по реестру контр
третье по реестру officii, и наконецъ четвертое по рее
carceratorum и такъ далѣе, тѣмъ же самымъ порядкомъ 1

Само собою разумѣется, что въ свое время эти
были необходимы; но въ наше время они не имѣютъ
значенія, ни ученаго, ни юридическаго и напрасно то
нимаютъ мѣста въ архивѣ, ихъ слѣдовало бы устранит

Несмотря на то, что въ постановленіи 1496 года
ется уже о судахъ земскихъ и гродскихъ 2), однакожъ
ликомъ княжествѣ Литовскомъ они еще не существовали
что въ старомъ Статутѣ Литовскомъ объ нихъ вовсе
минается, но говорится: „уставуемъ, ижъ кажды воево
и старосты и маршалки земскіе и маршалокъ дворны
жавцы наши, кажды у своемъ повѣтѣ, немаютъ подда
шихъ иначе судити иправовати, лечь тыми писанными пр
Далѣе присовокуплено: „Кажды воевода и старосты и

1) Vol. Leg. Constitut. 1764 vol. VII fol. 400.
2) Vol. Legum A. 1496 f. 250—257.
3) Лит. стат., изд. 1529 г., разд. IV, арт. 1.

цы наши меють обрати двохъ земяновъ въ поветѣ своемъ, и ку присязѣ ихъ привести, которые мають судити посполъ зъ урядники" 1). Что кромѣ этихъ судовъ существовали еще такъ называемыя Магдебуріи или Магдебургскіе суды, это видно изъ привиллегій, данныхъ бывшими великими князьями литовскими разнымъ городамъ и мѣстечкамъ, такъ наприм., городу Вильнѣ дано магдебургское право Владиславомъ Ягеллою еще въ 1387 году; подлинная привиллегія на это право хранится въ центральномъ архивѣ въ Вильнѣ, равно какъ привиллегіи о томъ же предметѣ 1432, 1441 и 1506 годовъ.— Но въ старомъ Литовскомъ Статутѣ о судахъ магдебургскихъ вовсе не упоминается.

Въ новомъ Статутѣ Литовскомъ, обнародованномъ въ началѣ 1588 года, установлены суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, опредѣлены обязанности судей, сроки ихъ засѣданій и порядокъ судопроизводства.—Земскіе суды были почти тоже, что у насъ палаты гражданскаго суда, а гродскіе что у насъ палаты уголовнаго суда.—Судъ подкоморскій составляло одно лице, избираемое самимъ королемъ изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ землею или повѣтомъ. Подкоморій давалъ позывы спорящимъ сторонамъ о поземельной собственности, назначалъ срокъ явки обѣимъ сторонамъ на спорную землю; тутъ же разсматривалъ листы и граничные знаки, допрашивалъ свидѣтелей и опредѣлялъ границы копцами и граничными знаками, и тутъ же составлялъ свое рѣшеніе, которое сообщаемо было въ видѣ открытаго листа за его печатью и подписью, земскому или гродскому суду, смотря потому изъ котораго дѣло было отослано на его рѣшеніе 2). Подкоморій назначалъ также отъ себя и землемѣровъ 3). Главный литовскій трибуналъ, учрежденный въ 1581 году, въ царствованіе Стефана Баторія для рѣшенія аппеляціонныхъ дѣлъ, судилъ уже при обнародованіи Статута, которымъ опредѣлены были дѣла, долженствовавшія поступать на рѣшеніе главнаго литовскаго трибунала 4). Судьи трибунала избираемы были

1) Также арт. 2.
2) Стат. Лит. (изд. 1588 г.), разд. IX, арт. 2, пун. 344.
3) Также арт. 10.
4) Стат. Лит. (изд. 1588 г.), разд. IV, арт. 86—88.

сеймиковыми постановленіями со всѣхъ воеводствъ
повѣтовъ и опредѣленія этихъ судей имѣли такую
какъ и сеймовыя постановленія. Главное мѣсто засѣд
бунала было въ Вильнѣ, гдѣ онъ ежегодно судилъ,
димъ ниже, по нѣскольку недѣль. Постановленіемъ
скаго сейма 1581 года, трибуналъ долженъ былъ им
засѣданія въ Вильнѣ, Трокахъ, Новогрудкѣ и Мин
постановленіе это отмѣнено на варшавскомъ коров
сеймѣ въ 1588 году и опредѣлено: „Всѣ воеводства и
Великаго княжества Литовскаго должны быть судимы
мѣстахъ такимъ образомъ, чтобы воеводства и повѣт
рые до сего времени судимы были въ Трокахъ, теперь
имѣютъ быть судимы „въ Вильнѣ, а тѣ, которые суд
въ Минскѣ и Новогрудкѣ, также переносимъ на од
то есть, въ одномъ году должно быть судимо въ Но
все то, что прежде судимо было въ Минскѣ, а въ дру
ду въ Минскѣ и всѣ тѣ дѣла, которыя должны быть с
Новогрудкѣ. Время этимъ судамъ назначаемъ слѣду
Вильнѣ—воеводство Виленское 3 недѣли; воеводств
кое 2 недѣли, воеводство Трокское 3 недѣли; земля Ж
три недѣли, не выѣзжая изъ Вильна. По окончаніи с
Вильнѣ, судьи должны являться въ Новогрудкѣ или
скѣ по истеченіи 22 недѣль послѣ Пасхи, гдѣ по пор
ла каждаго воеводства должны быть судимы въ про
трехъ недѣлъ."—Сроки эти засѣданій назывались кад

Сеймовымъ постановленіемъ 1726 года опредѣлено
виленской каденціи назначено по прошествіи одной
послѣ Пасхи, т. е. на Ѳоминой недѣли и засѣдані
было продолжаться 20 недѣлъ, по истеченіи которыхъ
дѣли долженъ былъ судить трибуналъ скарбовый;—с
тыре недѣли послѣ виленскаго засѣданія, поступала
новогрудская или минская поочередно, на которыхъ
налъ судилъ также 20 недѣль,—по истеченіи котор
шались дѣла скарбоваго трибунала 1). Срокъ засѣ
Вильнѣ назывался виленскою каденціею, а засѣданія
вогрудкѣ и Минскѣ назывались русскою каденціею.

1) Volum. Legum. vol. VI, an. 1726 f. 490.

Постановленіемъ конвокаційнаго сейма 1764 года опредѣлено, чтобы каденція виленская начиналась въ понедѣльникъ по св. Станиславѣ епископѣ, то есть послѣ 8-й мая, и продолжалась 21 недѣлю; а каденція русская отъ перваго понедѣльника по Богоявленіи и продолжалась въ Новогрудкѣ или въ Минскѣ, по очереди, которая должна начинаться отъ Минска, также въ теченіи 22-хъ недѣль. Это постановленіе отмѣнено также на сеймѣ 1775 года и установлены двѣ каденціи—виленская и гродненская, и назначены постоянные для нихъ сроки.

Главный литовскій трибуналъ поздраздѣлялся еще на два трибунала—трибуналъ скарбовый или казенный и трибуналъ духовный— compositi s. mixti judicii.—Первый установленъ въ 1609 году для разслѣдованія дѣлъ о казенныхъ недоимкахъ По окончаніи виленской каденціи, тѣ же самые земскіе депутаты, принявъ обязанность скарбовыхъ коммиссаровъ, вмѣстѣ съ военными коммиссарами, избирали для себя особаго маршала, исключивъ изъ этаго выбора маршала главнаго трибунала и рѣшали дѣла въ теченіи двухъ недѣль, равно какъ на русскихъ каденціяхъ, которыя бывали поочередно, также въ продолженіи двухъ недѣль по окончаніи каждой 1). Трибуналъ духовный, или Compositi judicii, учрежденъ для рѣшенія аппеляціонныхъ дѣлъ между духовными и свѣтскими лицами о неуплатѣ десятины, аннуаты и провизіи, спорныхъ дѣлъ объ имѣніяхъ между свѣтскими лицами и монастырями, однимъ словомъ, для разбирательства Causae facti et causae Iuris, также дѣлъ объ отступникахъ отъ вѣры и аріанахъ.—Трибуналъ этотъ имѣлъ свои засѣданія въ одной только Вильнѣ, по окончаніи виленской каденціи судьи духовнаго званія были избираемы изъ членовъ капитуловъ—виленскаго, жмудскаго и смоленскаго 2), числомъ шесть и столько же было свѣтскихъ депутатовъ.

Сеймовымъ постановленіемъ 1670 года устновлена была въ Вильнѣ такъ называемая скарбовая или казенная коммиссія Великаго Княжества Литовскаго, для взысканія податей на

1) Volum. Leg. vol. VI an. 1726 f. 489.
2) Тамъ же f. 486 и 487.

уплату содержанія войскамъ. Она окончательно орг
сеймовымъ постановленіемъ 1683 года, которое возл
нее обязанность рѣшенія всѣхъ споровъ и обидъ, кот
гли бы произойти между коммиссарами и военным
и другими лицами,— на ней также лежала обязанно
дусматривать суммы на военныя издержки. 1) Ком
состояла, подъ дирекціей гетмана Великаго княже
товскаго, изъ коммиссаровъ, избираемыхъ дворянство
ляцiйныхъ сеймикахъ и двухъ депутатовъ отъ вое
домства. — Сеймовымъ постановленіемъ 1764 года у
былъ скарбовый трибуналъ, всѣ дѣла, которыя он
предписано съ этого времени судить скарбовой коммис
Въ постановленіи варшавскаго конвокаційнаго сейма
выражено, что для увеличенія доходовъ казны или
шаго порядка, признано необходимымъ установить экон
совѣтъ скарбу литовскаго, имѣющій значеніе комми
которомъ при виликомъ и надворномъ подскарбіях
скихъ назначаются два коммиссара изъ сената, а
рянъ семь.—Для судопроизводства ихъ назначены д
ціи по 6-и недѣль въ каждомъ году, первая отъ 2-
января, а вторая отъ перваго числа мѣсяца іюня.
сія эта или экономическій совѣтъ, должна была
и рѣшать все, что относилось къ доходамъ казны 3
значительно увеличился кругъ ея дѣйствій.

Постановленіемъ коронаційнаго сейма 1764 года у
была въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ войско
миссія или Consilium Bellicum 4), по примѣру коронной
вой коммиссіи.—Литовская войсковая коммиссія сост
двухъ коммиссаровъ, назначенныхъ изъ сената и семи
енныхъ чиновъ подъ предсѣдательствомъ гетмана
Коммиссія эта учреждена для поддержанія порядка
дисциплины, для разбирательства дѣлъ о недоимках
латѣ войскамъ, равно какъ объ обидахъ причиненныхъ
во время ихъ передвиженія, о дѣлахъ между самыми в

1) Vol. Leg. v. V. an. 1683, f. 690, 691, 692, 693, an. 188
2) Vol. Leg. v. VII, an. 1764, f. 392.
3) Vol. Leg. v. VII, an. 1764. f. 154, 155, 156, 157 и 1
4) Тамже v. VII, an. 1764, f. 387.

ш, которыя могли бы возникнуть по причинѣ неповиновенія споряженіямъ коммиссіи.—Коммиссіи этой назначены сроки сѣданій или каденцій непосредственно по окончаніи сровъ засѣданій скарбовой коммиссіи.

Кромѣ вышепоименованныхъ судовъ въ 1764 году учрежнъ былъ королемъ Станиславомъ Августомъ королевскій триналъ, названный задворнымъ ассесорскимъ судомъ 1). Судъ отъ, подъ предсѣдательствомъ канцлеровъ и вице-канцлеровъ, едставлявшихъ лице короля, состоялъ изъ великихъ секререй—референдаріевъ 2), писарей, инстигаторовъ 3) и вицестигаторовъ, регентовъ, писаря декретоваго, четырехъ ассеровъ, назначенныхъ изъ сената и двѣнадцати изъ дворянства. юки засѣданій для этаго суда были: первый въ теченіи мая, ня, іюля и августа; а вторый въ теченіи ноября, декабря, яня и февраля. Въ первые три мѣсяца каждаго срока засѣній судимы были дѣла городскихъ общинъ, разбираемы были ивиллегіи, споры по граничнымъ дѣламъ между королевскими ѣніями и земскими или духовными,—а четвертый мѣсяцъ наченъ былъ для разбирательства дѣлъ колонистовъ. Опреленія этаго суда имѣли силу сеймовыхъ постановленій и не пускали никакихъ апелляцій.

Съ давнихъ временъ, по крайней мѣрѣ съ 1504 года, при рѣ короля были великій маршалокъ коронный и другой надный. Обязанность ихъ состояла въ распоряженіи всѣми дворными церемоніями, въ удаленіи отъ двора всѣхъ непошныхъ, въ разслѣдованіи проступковъ и наказаніи виновъ 4). На нихъ лежала также обязанность наблюдать за ядкомъ въ городахъ, во время сеймовъ и личнаго присутія короля, съ цѣлью охраненія его особы.

Въ послѣдствіи сеймовымъ постановленіемъ 1766 года уждены были особые маршальскіе суды. Король польскій ниславъ Августъ, увольнивъ великихъ и надворныхъ мар-

---

1) Volum. Legum, vol. VII., an. 1746, 423—424. 426.
2) Референдарій, referendarius, блюститель за приложеніемъ дарственной печати и за подписями.
3) Инстигаторъ, Instigator, почти тоже, что у насъ прокуроръ.
4) Volum. Legum. vol. 1., an. 1504, f. 295. de officiis regni et curet presertim Mareschalcorum.

шалковъ отъ управленія его дворомъ, оставил
шалковскую юрисдикцію для рѣшенія уголовны
ассесорами суда четырехъ сенаторовъ, а изъ д
рехъ чиновниковъ, коронныхъ или литовскихъ,
тельствомъ великаго маршалка, или въ отсут
предсѣдательствомъ надворнаго маршалка,
были судить уголовныя дѣла окончательно, б
какъ во время сеймовъ, такъ и въ промежутк

Вотъ главнѣйшіе суды бывшаго Великаго К
скаго. Кромѣ ихъ существовали еще во врем
такъ называемые каптуровые суды, земянскіе
суды, отправляемые королевскими коммиссарам
скіе или полюбовные, которые въ старину назы
скими, экдивизорскіе, городовые магистраты
туши, конфедератскіе суды, военно-гражданскі
родничества, епископскія юрисдики. Въ четы
Виленской, Гродненской, Минской и Ковенско
каждый судъ имѣлъ свой архивъ, но въ посл
подъ русскимъ правительствомъ, главнѣйшіе а
при виленской палатѣ гражданскаго суда, а
вахъ уѣздныхъ судовъ, въ архивахъ городовы
и городовыхъ ратушъ.

(Продолженіе впредь).

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЗАШТ ХМѢЛЬНИКА (ПОДОЛЬСК. ГУБ., ЛИТИНС

Мѣстность, на которой расположенъ городъ
схитительна: раскинутый на небольшомъ остро
двумя рукавами рѣки Буга, онъ издали пред
бы плавающимъ на водѣ,-его обширныя пред
жены по обѣимъ сторонамъ рѣки. На сѣвер
Хмѣльника потянулись обширныя поля, теряю
ной синевѣ небесъ,-вѣковое раздолье хмѣльник
съ запада и юга-черный, угрюмый лѣсъ, извѣ

---

1) Vol. Leg., v. VII, an. 1766, f. 468, 469, 470

...имъ Згара (1); рѣка Бугъ обхвативши этотъ фантастическій городокъ со всѣхъ сторонъ, продолжаетъ свое теченіе на востокъ.

Поэтическая, уютная мѣстность Хмѣльника, съ незапамятныхъ временъ, какъ говоритъ преданіе народное 2), манила къ себѣ людей, искавшихъ свободы и покоя; сюда стремился неугомонный малороссійскій казакъ и скромный поселянинъ, укрываясь отъ набѣговъ татарскихъ. Но обманывались они въ своихъ ожиданіяхъ и тотъ и другой не могъ найти здѣсь того, чего искалъ. Убѣжище скоро сдѣлалось извѣстнымъ грозному непріятелю, и на этихъ красивыхъ, тихихъ берегахъ полились слезы и кровь несчастныхъ поселенцевъ.

Трудно въ настоящее время сказать что нибудь опредѣленное объ основаніи этого города: начало его теряется въ глубинѣ прошедшихъ вѣковъ. Свидѣтельства исторіи объ этомъ необычайно скудны и сбивчивы. Балинскій не знаетъ ничего о существованіи этого города до 1448 года 3). Длугошъ въ первый разъ упоминаетъ о немъ подъ 1447 годомъ, когда говоритъ, что на піотриковскомъ сеймѣ (conventus Piotricoviae) прелаты, бароны и дворяне общимъ голосомъ (communi voto) просили Казиміра III, чтобы онъ забылъ свою ненависть, которую онъ питалъ тогда къ Өеодору Бучацкому старостѣ подольскому, поелику онъ замки подольскіе, именно: Меджибожъ, Хмѣльникъ, Караволь, которые было снова заняли литовцы, возвратилъ" 4). Въ „грамотахъ великихъ князей литовскихъ," изданныхъ въ „Кіивскихъ университетскихъ извѣстіяхъ", подъ ...31 годомъ, упоминаются нѣсколько разъ „бояре Хмельницкіе" и „грунтъ хмѣльницкій 5). Вотъ и всѣ данныя, по ко-

---

1) Starożytna polska, M. Balinskiego i T. Lipinskiego, W. 1845 r. II. ks. 2. str. 1023.

2) Объ этомъ преданіи мы скажемъ ниже.

3) Starożytna polska, M. Balinskiego i T. Lipinskiego, W. 1845 r. II. str. 1020.

4) Joannis Dlugossi, Hist. Polon. T. II, lib. XIII, p. 31..... Rex ...imirus per omnes Praelatos, et Baronos et nobiles communi (fuit) ...atus.., ut indignationem suam Theodorico Buczacki, capitaneo Podo..., quam ideo contra eum conceperat, quia castra terra Podoliae, videlicet ...iziboze, Chmyelnik, Karawol, quam Litwani noviter occupata deti...ant cum terrigenis Podoliae recuperavit, indulgeret.

5) Грамоты великихъ князей литовскихъ съ 1390 (?) по 1569

торымъ приходится судить о времени основані
ника. Въ нихъ уже съ перваго раза бросает
что о Хмѣльникѣ они говорятъ, какъ о горо
въ которомъ существовалъ уже замокъ (castr
ходившійся въ рукахъ литовцевъ, замокъ, на
польскіе уже не могли смотрѣть хладнокровно
въ 1431 году были бояре, представители хмѣль
скаго сословія, знавшіе хорошо „грунтъ хмельни
давняго литовскаго владычества 7). И такъ к
городъ Хмѣльникъ? На основаніи высказанн
замѣчаній, мы смѣло можемъ отнести основаніе
ника ко временамъ первоначальнаго литовскаго
Подоліи, т. е. по крайней мѣрѣ къ концу Х
жетъ быть, и къ первой его половинѣ. Въ
своего мнѣнія, мы можемъ указать на свидѣт
ковскаго, который приписываетъ основаніе это

годъ, собранныя и изданныя подъ редакціею Вла
Конст. Козловскаго. См. Кіевск. университ. извѣсті
ная съ кн. 4., грам. подъ № 4. Грамота эта чре
для исторіи нѣкоторыхъ городовъ, мѣстечекъ и с
здѣсь въ 1431 году упоминаются кромѣ бояр
„пана Васка, пана Кондрата и пана Евсея" и
ницкаго" и слѣдующіе города, села и даже у
чапынцы и лісъ Почапинскій, долына Кобелы
Ровець, лисъ Мыховъ, долына Бубновиця, долына
цыня, гдѣ ся почнпаетъ ричка Ольшанка, дол
долына Сиква. Мысковъ горбъ, потокъ и долына
товци, урочище Песочное, Цецулына долына,
грунтъ салискій, Микулинцы и грунтъ мыкулы
Тулники, с. Якушинское и грунтъ Якушинскій
ричка Дидовка и гостинецъ Винницкій, лоза М
Кулыка, урочище Брычное, Лытынъ, урочище
грунтъ Багранивскій, озеро Антоново и Новоселиı
что въ первой половинѣ XV го вѣка, а может
XVI вѣкѣ нѣкоторые города, села и урочища, ле
Литинскомъ и Винницкомъ уѣздѣ, существовали
названіями, подъ которыми существуютъ и тепе

6) Joannis Dlugossi, Hist. Polon. T. II. lib. XII

7) „Бояре" были только у русскихъ и литов
полякамъ неизвѣстно.

Коріатовичамъ, 8). Свидѣтельство это тѣмъ болѣе для ь цѣнно, что оно единственное и потому уже заслуживаетъ ятія, что оно не только не противорѣчитъ указаннымъ выше источикамъ и нашимъ соображеніямъ, сдѣланнымъ основаніи этихъ источниковъ, а напротивъ даже поясняихъ.

Ю преданіе народное, о которомъ мы упоминали выше, ситъ основаніе города Хмѣльника гораздо къ раньшему ени, по крайней мѣрѣ никакъ не позже второй половины I вѣка. Преданіе это говоритъ, что съ незапамятныхъ енъ на островѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній Хмѣльникъ, жили е-то удальцы, храбрые, предпріимчивые, не разъ грабивтатаръ и скрывавшіеся отъ нихъ на этомъ островѣ, поюмъ лозами и калиною, поверхъ которыхъ вился хмѣль такомъ множествѣ, что подъ нимъ можно было скрываться зноя и холода. Этотъ-то островъ съ давнихъ временъ ъ подъ названіемъ Хмѣльника; т. е. мѣста, на которомъ етъ много хмѣля, отъ чего и нынѣшній городъ Хмѣль- получилъ свое названіе 9). Преданіе это не имѣетъ въ

) Stryykowski, kronika polska, litewska. . ks. XII. rozdz. 2. Каинъ не сомнѣвается въ этомъ, онъ приписываетъ основаніе города Коріатовичамъ. См. Истор. Госуд. Россійск. Т. V. . Б. 1842 г., изд. Эйнерлинга. Неизвѣстный намъ авторъ ихъ историко-статистическихъ описаній, помѣщавшихся въ Губ. Вѣд. 1843-1846 г. также не сомнѣвается въ этомъ, См. Губ. Вѣд. 1844 г. № 22. ч. неоффиц. стр. 106.

) И теперь малороссійское слово „хмѣльникъ" дѣйствительно етъ мѣсто, на которомъ растетъ много хмѣля, также какъ угія слова съ подобнымъ же окончаніемъ (на икъ) напр. нікъ" мѣсто, гдѣ растетъ много ягодъ, „вишникъ" мѣсто, растетъ много вишень и проч. Любопытно, что и до этой на Подоліи существуетъ мѣстное хмѣльникское аллегорие выраженіе: „бувъ підъ Хмільныкомъ", т. е. упился хмѣльнапитками. Въ этой коротенькой фразѣ народъ выразилъ, и безсознательно, свое мнѣніе о происхожденіи названія гоХмѣльника. Припомнимъ при этомъ, что и фамилію Хмѣльго народъ также пріурочиваетъ къ хмѣлю. Такъ въ одной ной пѣсни поется:

„Чи не тойто хмѣль, що коло тычинъ вьется?...
„Ой тойто Хмѣльницкій, що зъ ляхами бьется.

себѣ ничего невѣроятнаго и мы думаемъ, что
его лежитъ истина. Почему бы въ самомъ дѣ
ложить, какъ полагаетъ Карамзинъ объ основан
родовъ Подоліи (Каменца, Брацлава, Межибож
что и городъ Хмѣльникъ только укрѣпленъ ил
Коріатовичами 10)? Намъ кажется, что и ор
ваніе представителей хмѣльникскаго общества б
мянутой нами выше грамотѣ 11) есть остаток
званія хмѣльникскихъ предводителей и говорит
первоначальные обитатели Хмѣльника были лю
ные, предпріимчивые. Намъ, покрайней мѣрѣ,
одна древняя грамота, въ которой бы упоминали
винницкіе, каменецкіе, брацлавскіе и проч., подо
упоминаются бояре хмѣльникскіе 12).

Характеръ исторической жизни города Хмѣль
значеніе въ исторіи Подоліи въ политическомъ,
и религіозномъ отношеніи находится въ самой т
его географическимъ положеніемъ на террито
земли. Поэтому, чтобы лучше понять харак

„Чи не тойто хмѣль, що по пивѣ грае?
„Ой тойто Хмѣльницкій що ляховъ рубае.
„Чи ни тойто хмѣль, що у пивѣ кисне?...
„Ой тойто Хмѣльницкій, що ляшеньковъ тис
См. народныя пѣсни Галицкой и Угорской Ру
Изд. въ Чт. общ. ист. и древн. за 1863 г. въ
стр. 4. Здѣсь же кстати замѣтимъ и названія гор
какъ мы ихъ встрѣчаемъ въ историческихъ памят
тыни онъ иногда называется Chmielnica, по польски
лѣе общее, названіе), Chmyelnik и Chmielik, по русс
Хмѣльникъ и Хмельникъ.

10) Карамзинъ, Ист. госуд. россійск. т. V, прим
1842 г (по Эйнерл.).

11) См. выше примѣч. 5.

12) Мы не думемъ, чтобы преданіе, разсказан
силось къ началу XVI вѣка, т. е. ко времени
цкоронскаго, который жилъ въ Хмѣльникѣ и отсв
паденія на турокъ и татаръ. (Объ этомъ мы скаж
мѣстѣ). Разсказанное нами преданіе говоритъ о
рода, а выше мы видѣли, что Хмѣльникъ сущ
мѣнно въ началѣ XV вѣка. См. выше примѣч. 3

къ событій въ этомъ городѣ, мы попытаемся сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній объ его географическомъ положеніи. Городъ Хмѣльникъ, какъ мы уже замѣтили, стоитъ на рѣкѣ Бугѣ, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ эта рѣка, послѣ своего теченія отъ Проскурова на сѣверо-востокъ, вдругъ быстро принимаетъ в. в. южное направленіе 13). Казалось бы, что такое географическое положеніе этого незначительнаго города, хотя и на главномъ изгибѣ этой по преимуществу „подольской рѣки," какъ называетъ ее Шнитцлеръ 14), еще не говоритъ ничего особеннаго въ пользу историческаго значенія этого городка въ Подоліи. Но значеніе это такъ ощутительно въ исторіи Подоліи, что невольно обращаемъ на него вниманіе. Вообще нужно замѣтить, что историческая жизнь народовъ, особенно жизнь первоначальная, развивается по теченію рѣкъ, это законъ всемірно-историческій. Рѣки это первоначальные естественные пути сообщенія между всѣми народами, первыя главныя нити, которыми, такъ сказать, сшивается самымъ естественнымъ образомъ первоначальный объемъ всякой государственной территоріи, нити, которыми означаются предѣлы пространственнаго внѣшняго распространенія и физической и нравственной силы всякаго народа. Поэтому народъ, занявшій главный выгодный пунктъ на этихъ водяныхъ путяхъ, по необходимости будетъ вліять на жизнь народовъ, связанныхъ съ нимъ посредствомъ этихъ путей. Мы увидимъ нижевъ краткомъ обзорѣ историческихъ событій города Хмѣльника, частное примѣненіе на дѣлѣ этого всемірно-историческаго закона. Расположенный на главномъ изгибѣ сѣверо-восточной части рѣки Буга, городъ этотъ съ древнѣйшихъ временъ былъ главнымъ отправительнымъ пунктомъ колонизацій вверхъ и внизъ по теченію этой рѣки 15). Мало того, въ силу этого же

---

13) Schnitzler la Russie, la Pologne et la Finlande, Paris, 1835, p. 497.

14) Ibid p. 497. Eichwalb; Naturhistorische Skizze von Litwanen, Volhynien und Podolien, s. 3. und. S. W. und. 72.

15) Мы думаемъ, что многіе сосѣдніе съ Хмѣльникомъ города и селенія, лежащіе вверхъ и внизъ по рѣкѣ Бугу, обязаны своимъ происхожденіемъ колонизаціямъ, совершавшимся чрезъ Хмѣльникъ. Сигизмундъ Августъ въ одной грамотѣ 1558 г. говоритъ,

географическаго положенія города Хмѣльника,
образуется центръ мѣстной, какъ бы охранитель
сѣверо—восточной Подоліи, силы, наводящей
руживающей свое рѣшительное вліяніе даже
татарскія и турецкія владѣнія 16). Далѣе, благо
географическому положенію, городъ Хмѣльникъ
чомъ въ Подолію съ сѣверо-восточной стороны,
съ сѣверо-западной и Ладыжинъ, съ юго-восточно
И въ самомъ дѣлѣ, стоило только овладѣть Хмѣл
съ одной стороны открывается свободный путь
Бугу въ Яновъ, Мизяковъ, Стрижавку, Винницу
Немировъ до самаго Брацлавля и Ладыжина, а
роны Синява, Летичевъ, Меджибожъ, Проскуров
бѣдителя другою стороною въ глубину Подолі
мы увидимъ ниже, что благодаря своему геогра
ложенію, г. Хмѣльникъ имѣлъ значительное вл
торію цивилизаціи въ Подоліи: тогда какъ К
представителемъ и проводникомъ въ Подолію з

что постоянно опустошаемыя владѣнія города Хм
toribus incolantur Грам. вел. кн. лит. № 39, стр. 84
дѣнія постоянно заселялись, то при новомъ нападе
часть жителей, конечно, погибала, а безъ сомнѣнія
колонизировалась по Бугу въ глубину Подоліи. На
пріятелей, благодаря этому же географическому поло
ника, какъ увидимъ, были очень часты. Вообще
Подоліи мы надѣемся когда нибудь поговорить пр

16) Говоря это, мы имѣемъ въ виду разсказан
народное преданіе и позднѣйшіе военные подвиги
цкоронскаго, о которомъ будетъ рѣчь далѣе.

17) Намъ кажется, что Подоль въ географическ
можно раздѣлить на три неравныя части съ глав
ческо-историческимъ центромъ въ каждой изъ н
гористолѣсную, къ которой можно отнести уѣзды:
гилевскій, часть Ямпольскаго и Проскуровскаго
центромъ; б) болотисто-лѣсную (сравнительно бол
можно отнести уѣзды: Летичевскій, Винницкій, част
Брацлавскаго и Проскуровскаго съ г. Хмѣльник
пную, заключающую въ себѣ уѣзды: Ольгопольскій,
Ямпольскаго, Брацлавскаго и Гайсинскаго съ г. Л
въ послѣдствіи Брацлавлемъ.

лизаціи 18), Хмѣльникъ поддерживалъ въ Подоліи чисто русскій элементъ, впуская въ Подоль толпы русскихъ поселенцевъ, скрывавшихся сюда отъ татаръ и вообще убѣгавшихъ изъ Россіи по какимъ бы то ни было причинамъ, и, можно сказать, онъ съ честію исполнилъ свою задачу. Но благодаря этому же географическому положенію, исторія города Хмѣльника чрезвычайно запутана: стоя на главной татарской дорогѣ, или „Янычарскомъ пути,“ какъ говорятъ историки, 19) городъ этотъ, можно сказать, не имѣлъ ни одной спокойной минуты, здѣсь постоянно двигались татарскія орды, какъ чрезъ ворота и въ Подоль и изъ Подоліи, оставляя за собою одно разрушеніе 20). Словомъ, городъ Хмѣльникъ по его географическому положенію, можно назвать главнымъ историческимъ центромъ на сѣверо-востокѣ Подоліи, какъ на юго-востокѣ сначала Ладыжинъ, потомъ Брацлавъ, а на юго-западѣ Каменецъ 21).

Вся исторія города Хмѣльника, отъ его основанія до самаго конца XV вѣка намъ почти вовсе неизвѣстна. За исключе-

---

18) Для краткости мы отсылаемъ читателя ко второму тому „Полн. собр. русск. лѣт.“ стр. 170, подъ 1240 г., и 180 подъ 1241 г.; сравни Арцыбашева, повѣствованіе о Россіи, М. 1838 г. кн. III, стр. 2., примѣч. 15, т. III и II, стр. 5-6, примѣч. 31, 32 и 38, стр. 22-23. Здѣсь читатель ясно увидитъ справедливость нашего замѣчанія.

19) Краткое повѣствованіе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ, стр. 86. Въ Чтеніи общ. ист. и древн. российск 1847 г. № 2. Петра Симоновскаго. „Slak tatarski.“ См. starożytna polska, W. 1845 г. T. II. ks. 2. str. 1021. Осмотрительные полководцы всегда обращали вниманіе на этотъ пунктъ. ibid str. 1020. Еще »грам. вед. кн. лит. № 39. стр. 84.

20) Этимъ, между прочимъ, и объясняется даже теперешняя сравнительная немноголюдность города Хмѣльника, между тѣмъ какъ, занимая выгодное географическое положеніе, онъ долженъ былъ бы спорить въ этомъ отношеніи съ Каменцемъ и другими болѣе многолюдными городами Подоліи. Въ настоящее время городъ Хмѣльникъ по своей населенности занимаетъ восьмое мѣсто въ ряду многолюдныхъ городовъ Подоліи. Списокъ этихъ городовъ можно составить такъ: Каменецъ (19.363 ж.), Балта (14,106), Тульчинъ 14.217), Винница (10,280), Гайсинъ (10,106), Могилевъ (9,451), Баръ (8,141), Хмѣльникъ (7,794). См. городск. посел. въ Рос. Имп. т. IV, Под. губ. вѣд. 1844 г. № 22, неоф. стр. 107.

21) См. выше примѣч. 17-е.

ніемъ указаннаго нами выше неяснаго намека въ исторіи Длугоша на то, что за этотъ городъ поляки не разъ сражались съ литовцами, что подъ стѣнами этого города сражался Өеодоръ Бучацкій, староста подольскій, а можетъ быть, и первый староста хмѣльницкій 22), мы ничего больше не знаемъ объ этомъ періодѣ исторической жизни города Хмѣльника. На основаніи высказанныхъ нами выше соображеній, по поводу разсужденій о географическомъ положеніи города Хмѣльника, мы можемъ только сказать, что въ этотъ промежутокъ времени жизнь города Хмѣльника вообще не могла быть спокойною. Эта же мысль заключается и въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ Длугоша. Но, конечно, татарскія нападенія на Подолію въ 1448 г. 23), 1449 г. 24), 1450 25), 1452 26), особенно въ 1453 г., когда особенно страдали жители Брацлавскаго воеводства 27), въ 1457 г. 28), 1469 29) особенно въ 1474 г. 30) въ 1475 г. 31) 1476 32) 1478, когда особенно пострадало Брацлавское воеводство 33) въ 1498 34) 1524 35), конечно, говоримъ, большая часть этихъ опустошительныхъ нападеній не могла пройти мимо Хмѣльника, и Бучацкимъ и Чарторійскимъ не разъ приходилось сражаться подъ стѣнами этого города съ татарами, какъ они сражались за него съ Литвою 36). Первое кровавое событіе въ этомъ городѣ записано нашею отече-

22) Joannis Dlugossi, Hist. Polon. T, II. lib. XIII, p. 31.
23) Joannis Dlugossi, Histor. Polon. T. II, lib. XIII. p. 45.
24) Ibid. p. 60—62.
25) Ibid. p. 63.
26) Ibid. p. 91,—95. Въ этомъ году уже безъ сомнѣнія досталось порядочно Хмѣльнику.
27) Ibid. p. 108—109.
28) Ibid. p. 213.
29) Ibid. p. 450.
30) Ibid. p. 514—516.
31) Ibid. p. 531—534.
32) Ibid. p. 547—549.
33) Ibid. p. 572.
34) Львоская русская лѣтопись, въ Русск. истор. сборникѣ, за 1839 г. т. III, кн. 3, стр. 233.
35) Тамъ же, стр. 237.
36) Joannis Dlugossi, Histor. Polon. T. II, lib. XIII p. 45, 62, 91, 213, 215, 572.

ственною исторіею только подъ 1500 годомъ. Въ этомъ году, или около этого года сыновья Менгли-гирея, хана крымскаго, предводительствуя пятнадцатью тысячами конницы, выжгли нѣсколько городовъ на Подоліи и Волыни, въ томъ числѣ и городъ Хмѣльникъ и вывели чрезвычайное множество плѣнниковъ 37). „Воевали, доносилъ князь Θедоръ Василевичъ Ромодановскій Іоанну III, царевичи въ литовской землѣ Хмѣльникъ, да и посадъ сожгли 26). Вотъ первая достовѣрная кровавая страница изъ хмѣльникской исторіи.

(Продолженіе будетъ).

---

37) Кзрамзинъ. Истор. Госуд. Рос. т. VI. стр. 167. С. П. Б. 1842 г.

38) Тамъ же, примѣч. 496.

III.

НѢСКОЛЬКО СООБРАЖЕНІЙ, ВЫЗЫВАЕМЫХЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОЛОЖЕНІЕМЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

(*Окончаніе* *).

При относительно-слабомъ количественномъ элементѣ русской интеллигенціи въ западной Россіи, главную въ ней силу русскую составляетъ простой народъ, послѣ освобожденія его отъ крѣпостной зависимости. На эту силу, по важности ея вліянія на судьбы края, стоитъ обратить вниманіе со стороны нравственной, экономической и политической.

Нравственная сторона западно-русскаго простолюдья, при сравнительной оцѣнкѣ его качествъ съ качествами всякаго другаго простолюдья,—не можетъ не радовать зоркаго его наблюдателя. Большинство популярныхъ въ другомъ народѣ преступленій въ западно-русскомъ относительно-слабѣе развито. Состоя долго подъ самою суровой опекой, народъ этотъ почти незнакомъ съ тѣми явленіями жизни, которыя происходятъ изъ самомнѣнія, народной гордости и роскоши, произвола и разгула. Выработанный этою опекой характеръ народный, если не положительно-сознаніемъ долга, то отрицательно-опасеніемъ послѣдствій его нарушенія, удерживалъ народъ въ предѣлахъ всяческой умѣренности. Эта, если такъ можно выразиться, трусость зла едвали скоро замѣнится въ здѣшнемъ народѣ свободнымъ стремленіемъ къ добру, разумнымъ выборамъ въ безграничной его сферѣ благъ лучшихъ. Болѣзнь

*) См. 3 кн. „Вѣстника Западной Россіи."

не такъ скоро излѣчивается, какъ получается, а нравственная излѣчивается еще медленнѣе физической. Вотъ уже прошло восемъ лѣтъ со времени возрожденія русскаго простолюдья вообще и здѣшняго въ особенности, а его идолослуженіе всякой силѣ, его ужасъ всякой власти, успѣли только обратиться въ раболѣпство, напуганность, скрытность, недовѣрчивость.

Не малое вліяніе на народную нравственность оказываетъ религіозно-нравственное направленіе народнаго образованія и церковная проповѣдь православныхъ сельскихъ пастырей. Сельскія школы, распространенныя здѣсь еще въ эпоху уніи, въ послѣднее время, покрыли весь западный край непрерывною сѣтью,—такъ что не только во всякомъ селѣ, но чуть ли не во всякой деревнѣ, застѣнкѣ, руднѣ есть теперь разсадникъ сподручнаго народнаго образованія. Западно-русское православное духовенство вообще и мѣстные архипастыри въ особенности раньше и энергичнѣе другихъ озаботились народнымъ образованіемъ. Усердіе ихъ къ этой миссіи вызываемо было состраданіемъ къ тому народу, который больше другихъ его согражданъ утратилъ сознаніе своей человѣчности, котораго невѣжество, предразсудки и суевѣрія полагали неодолимую преграду успѣхамъ миссіи православныхъ пастырей, который нарочито хотѣлось держать во мракѣ врагамъ русской народности и православія, и которому „добрые“ пастыри Христовы усиливались, въ замѣнъ тѣснотъ и лишеній внѣшнихъ, сообщить усладу знанія и утѣшеніе въ скорбяхъ подъ сѣнію религіи. Прогрессивное министерство государственныхъ имуществъ еще съ большею самостоятельностью и успѣхомъ подвизалось на поприщѣ народнаго образованія тамъ, гдѣ оно было полнымъ хозяиномъ, не стѣсняемымъ ни матеріальными средствами, ни крѣпостничествомъ, ни интригой. Вслѣдъ за этими двумя двигателями народнаго развитія, энергично выступило на это доблестное поприще и министерство народнаго просвѣщенія. Солидарность взгляда всѣхъ этихъ сѣятелей просвѣщенія на цѣль и характеръ народнаго образованія 1) дала посѣвамъ

1) Разумѣемъ сѣверо-западный край Россіи, въ которомъ мѣстное учебное начальство съ особенною энергіей заботилось

самый благонадежный всходъ и ростъ. Едва ли не цѣлая половина предразсудковъ и суевѣрій, назадъ тому лѣтъ десять туманившихъ умъ, пугавшихъ воображеніе, извращавшихъ волю простолюдья, теперь сдѣлалась предметомъ его порицаній и насмѣшекъ. Теперь всякое почти православное дитя здѣшнее имѣетъ ясное представленіе объ ученіи православной церкви, бойко и сознательно отвѣчаетъ на катихизическіе вопросы, читаетъ по книжкѣ и даже наизусть всѣ употребительнѣйшія молитвы, которыхъ значительная часть взрослыхъ даже селянъ велико-русскихъ или вовсе не знаетъ, или коверкаетъ до невозможности отыскать въ нихъ какой либо человѣческій смыслъ. Семейныя отношенія здѣшняго простолюдья сдѣлались не такъ дики, суровы и своевольны. Воровства, разбои, поджоги значительно рѣже встрѣчаются между кореннымъ здѣшнимъ народомъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Даже пьянство,—эта популярная язва, этотъ бичъ русскаго простолюдья, не такъ болѣзненно поражаетъ вниманіе наблюдателя, не такъ безобразно, не такъ широко развито въ западной Россіи, какъ въ большинствѣ велико-русскихъ губерній. Здѣшній мужичекъ далеко скупѣй и практичнѣе другихъ своихъ собратій пользуется плодами свободнаго труда и избытками своей производительности. Да и натура у него не такъ широка и безпечна, какъ у велико-русскаго его собрата; никто его не баловалъ, не любитъ онъ баловать и самъ себя. Не даромъ, поэтому, въ общемъ собраніи Императорскаго географическаго общества 2 октября прошлаго года заявлено, что „въ западныхъ губерніяхъ вообще преступность слабѣе, чѣмъ въ центральныхъ 1). Даже „Вѣсть“ и „Новое Время“, съ особенною заботливостью и наслажденіемъ копошащіяся въ нравственныхъ язвахъ русскаго народа, не много могли подмѣтить ихъ въ здѣшнемъ народѣ,—не смотря на усовер-

и заботится какъ о возможно большемъ распространеніи народнаго образованія, такъ и о цѣлесообразности его направленія, о подчиненіи сельской школы православнымъ священникамъ.

1) „Русскій Инвалидъ“ № 291, стр. 4, „С.-Петерб. Вѣдом.“ № такой-же стр. 2 и друг. Не смотря на огромный перевѣсъ въ населеніи простаго народа, большинство преступленій приходится на горожанъ, евреевъ и шляхту.

шенствованіе микроскопа этихъ органовъ нашей прессы, наводимаго ими на явленія народной жизни.

Изъ предыдущаго уже отчасти видно, что и экономическая сторона здѣшняго простолюдья находится въ удовлетворительномъ положеніи. Рѣдкое трудолюбіе, бережливость, незнакомство съ предметами прихоти и роскоши, пристрастіе къ неиспытанному доселѣ достатку, развили въ здѣшнемъ народѣ любовь къ пріобрѣтенію, далеко превышающему небольшія нужды его обихода. Не смотря на малопроизводительность здѣшней почвы, на неурожаи последнихъ лѣтъ, на выкупные платежи и другія повинности, у здѣшняго мужичка завели свободныя деньги; онъ почти не терпѣлъ голода, а отъ дороговизны, какъ производитель, болѣе пріобрѣталъ, чѣмъ терялъ; онъ обстроился, увеличилъ свой инвентарь, улучшилъ свой незатѣйливый костюмъ, начинаетъ даже знакомиться съ способами пріобрѣтенія, не имѣющими прямой связи съ земледѣліемъ. При разширеніи народомъ сельскаго хозяйства, при большомъ запросѣ и высокой цѣнѣ на земледѣльческій трудъ, пролетаріатъ на селѣ—явленіе почти небывалое. Только человѣкъ увѣчный и престарѣлый не пользуется здѣсь тою-дорогою платою за трудъ, которая устраняетъ всякую возможность нужды—даже у тѣхъ, у кого ничего нѣтъ, кромѣ свободныхъ здоровыхъ рукъ и ногъ. Вообще, смотря смѣло въ глаза нашимъ пессимистамъ, можемъ сказать, что народъ здѣшній, со всякимъ, можно сказать, днемъ, дѣлается довольнѣй и счастливѣе, благодарнѣе Царю Небесному и Царю земному, сокрушившему на немъ цѣпи рабства и безплоднаго отчаянія.

Главную силу въ западной Россіи, не только числовую но и политическую, составляетъ народъ. Консервативный, добрый и мирный по природѣ и обычаю, смотрящій, по указанію евангелія, на власть, какъ на „установленіе“ Божіе, вѣрный присягѣ и внушеніямъ неиспорченной совѣсти,—народъ здѣшній составляетъ крѣпкій оплотъ противъ всякаго посягательства на цѣлость и спокойствіе страны, неприкосновенность вѣры, Престола и отечества. Послѣднія событія: польское возмущеніе, его терроръ, свобода крестьянъ, обязательный надѣлъ землею и другія гуманныя и прогрессивныя законоположенія, еще усугу-

или чувства патріотизма, признательности и благоговѣнія арода къ осыпавшей его безчисленными и незабвенными благодѣяніями Власти. Такой народъ вполнѣ заслуживаетъ то вниманіе, тѣ благодѣянія, какія оказываетъ му правительство.

Но къ сожалѣнію, не все сказанное сейчасъ, не въ полюмъ объемѣ мысли, можно отнести ко всему здѣшнему ароду. Какъ ни много у него общихъ примѣтъ и преданій, а все-таки нельзя подвести подъ одну категорію его іросозерцанія, его обычаевъ и соціальныхъ отношеній: не смотря на единство породы, на одинаковость условій жизни, есть весьма капитальное различіе между двумя частями, изъ которыхъ слагается цѣлость сѣверо-западнаго народа русскаго. Это различіе вѣроисповѣдное. Составляя душу народа, управляя его умомъ и волею, религія составляетъ, поэтому, главнѣйшій рычагъ его дѣятельности семейной, гражданской, соціальной и нравственной. Такая или иная индивидуальность религіи непремѣнно скажется въ такихъ или иныхъ явленіяхъ жизни, внушаемыхъ религіей *искреннимъ* ея чтителямъ. Только индифферентизмъ стушевываетъ религіозныя особности и приравниваетъ другъ другу язычника, мусульманина, еврея, христіанина, православнаго, лютеранина, р. католика. А какъ простой народъ крѣпче другихъ сословій держитъ религію, отстаиваетъ ея неприкосновенность до готовности на всѣ жертвы, мученія и смерть, то и особенности религіозныя всего рельефнѣй отпечатлѣваются на явленіяхъ его жизни. Эти истины и наблюденія всего болѣе оправдываются на исповѣдникахъ р.-католическаго ученія. Религіозный ригоризмъ латинопольскаго духовенства, закрѣпленное вѣками недоброжелательство его къ русской вѣрѣ и народности, возбуждаютъ его къ обобщенію своихъ къ нимъ антипатій съ народомъ. Трудно опредѣлить, въ какой степени прилипаетъ фанатизмъ перваго къ послѣднему, но отрицать фактъ прилипчивости этого нравственнаго недуга, при частомъ и непосредственномъ общеніи пастыря съ пасомыми, было бы противно логикѣ и исторіи. Конечно, прямыхъ и явныхъ внушеній вражды народной къ Россіи и православію *теперь* не замѣтно; но въ дѣятельности пастыря есть много такихъ мѣстъ и случаевъ

веденія религіозно-политической пропаганды, которыя не подлежатъ контролю сторонняго уха и глаза. Вліяніе такой пропаганды еще усиливается отъ того невѣжества, въ которомъ умышленно позволяетъ коснѣть своимъ прихожанамъ р.-католическое духовенство, и отъ того безграничнаго вліянія послѣдняго на мысль и дѣло первыхъ. Лишенное и собственнаго свѣта, и того просвѣтленія, какое другіе христіане находятъ въ словѣ Божіемъ, римско-католическое простолюдье, само того не сознавая, дѣлается слѣпымъ орудіемъ ловкихъ и фанатическихъ своихъ руководителей.

Изъ такихъ истинъ и наблюденій, путемъ логической послѣдовательности, вытекаетъ, какъ заключеніе изъ посылокъ, то непреложное убѣжденіе, что между патріотизмомъ и отношеніями къ власти и Россіи православной и р.-католической части населенія здѣшняго края существуетъ замѣтное различіе—и въ степени ихъ, и въ качествѣ, что послѣднее, въ силу своего міросозерцанія, не можетъ питать къ Престолу и отечеству того душевнаго благоговѣнія, той безграничной преданности, той дѣтской искренности, которыми переполнена душа перваго, и которыя, съ такимъ постоянствомъ и энергіей, поддерживаетъ и усиливаетъ въ немъ православное духовенство. И то чувство благодарности, которое было вызвано въ р.-католической части простолюдья западной Россіи освобожденіемъ его отъ гнета панскаго и обязательнымъ надѣломъ земли, и которое пересилило на время въ душѣ его ксендзовскія инсинуаціи, не будучи закрѣпляемо совнѣ, подобно всякому чувству, можетъ постепенно ослабѣвать отъ времени, а при воздѣйствіи внушеній, направленныхъ къ его уничтоженію, и совершенно изсякнуть изъ его духа. Извѣстно, что чувство благодарности есть самое непрочное чувство, что отъ самомнѣнія и улучшенія внѣшняго положенія человѣка, оно можетъ улетучиться въ натурахъ самыхъ честныхъ: получившему благодѣяніе нерѣдко представляется, что оно есть дань признательности, признакъ опасенія, заискиванья, что иначе не могло быть. На такое толкованіе благодѣяній, оказанныхъ правительствомъ народу, быть можетъ, кто и наводитъ его и потомъ для извѣстныхъ цѣлей. Самая степень реакціи, какую оказа-

к польскому возстанію православная и р.-католическая часть населенія западнаго края ясно указала различіе отношеній ихъ къ законному порядку. Тогда какъ изъ среды первой приняли участіе въ буйствѣ пановъ и ксендзовъ не многія единицы, состоявшія къ нимъ въ близкомъ соприкосновеніи, или увлеченные къ измѣнѣ и клятвопреступленію насиліемъ,—изъ среды послѣдней явились участниками возстанія тысячи. Оттого мятежъ польскій упорнѣй и долѣе держался въ Царствѣ польскомъ, на Жмуди и тѣхъ мѣстностяхъ сѣверо-западной Россіи, въ которыхъ гуще р. католическое населеніе, тогда какъ въ югозападной онъ длился не болѣе трехъ дней и вездѣ былъ подавляемъ народомъ, такъ что войска оказывались или запоздалыми или ненужными пособниками народа при пораженіи, плѣненіи и разсѣяніи мятежныхъ скопищъ. Явленіе это имѣетъ весьма опредѣленное значеніе, если взять во вниманіе одинаковость отношеній *всего* народа и къ указу 19 февраля, и къ тому гнету, подъ которымъ стоналъ и задыхался панскій холопъ, панское быдло, въ теченіи вѣковъ. Теперь, когда чувство народной мести къ прежнимъ притѣснителямъ стушевывается, когда не стало разъединявшаго здѣшнихъ помѣщиковъ съ народомъ крѣпостничества, вступаетъ въ роковой фазисъ продолжающееся и, можетъ быть, усиливающееся родство духовное, религіозное, связующее помѣщика съ бывшимъ холопомъ въ одну семью, и дѣлающее отношенія послѣдняго къ первому далеко ближе, дружелюбнѣе. Солидарность всѣхъ интересовъ, особенное умѣнье ксендзовъ сглаживать коекакія шероховатости во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, оставшіяся отъ прежней эпохи, усердное ухаживанье польскаго помѣщика за бывшимъ холопомъ, вызываемое и нравственнымъ расчетомъ, и экономическимъ,—дѣлаютъ взаимныя отношенія ихъ еще интимнѣе, солидарнѣе, и опаснѣе.

Другую силу русскую, болѣе нравственную, такъ сказать, качественную, нежели количественную, составляетъ православное духовенство. Побѣдоносно вынесшее вѣковыя пытки нравственныя, матеріальныя и физическія отъ супостатовъ русской вѣры и народности, запечатлѣвшее „крѣпкую, какъ смерть“, любовь свою къ Россіи и право-

славію страданіями исповѣдниковъ и смертію мучениковъ православное духовенство здѣшнее составляло, составляетъ и будетъ составлять тотъ неодолимый оплотъ Россіи края, который устоитъ противъ всяческихъ треволненій политическихъ, который выдержитъ напоръ всяческихъ нападеній вражескихъ. Не распространяемся на эту тему потому, что она составляетъ аксіому, опирающуюся на явленіяхъ давно и недавно-прошедшей жизни здѣшняго края, совершавшихся на глазахъ всего человѣчества, переполнившихъ исторію западной Россіи такими драматическими эпизодами, которые выдержать сопоставленіе съ ужасами инквизиціи, съ борьбой лютеранства съ папствомъ. И враги Россіи и православія очень хорошо знали и знаютъ въ комъ ихъ сила, кто опаснѣе для миссіонеровъ чуждой странѣ религіозно-политической пропаганды, кто управляетъ народною мыслію и чувствомъ, и потому всегда относились къ православному духовенству суровѣй и безпощаднѣе, чѣмъ ко всякому другому сословію. Еще дымятся свѣжею кровью могилы пастырей-мучениковъ, едва почтенные достойными ихъ памятниками общественной признательности.

Но, при всей очевидности и огромности историческихъ доблестей здѣшняго православнаго духовенства, надъ судьбами его тяготѣетъ что то роковое, его миссія, его значеніе не цѣнятся по надлежащему даже нѣкоторыми *своими*, его, по возможности, стараются нѣкоторые дѣятели устранить отъ вліянія на мысль, чувство и жизнь народа, оскорбляютъ его подозрѣніемъ въ недостаткѣ знанія, добросовѣстности и даже благонадежности политической, толкуютъ о его отсталости, обскурантизмѣ. Подслушанное кѣмъ либо въ семействѣ здѣшняго духовенства польское слово, подмѣченный въ священнической избѣ образокъ съ латинской или польскою надписью, замѣченное, въ существѣ дѣла ничтожное, сомнительное и безразличное, отступленіе отъ православной обрядности Великороссіи, даже самый покрой платья и условія жизни женскаго пола—все это ставится въ укоръ здѣшнему духовенству, а нерѣдко и въ строку, не только писанную, но и печатную. Положимъ, это мелочи, дрязги „соръ“; но зачѣмъ его „выносить“ *гостямъ* „изъ избы“ гостепріимныхъ, до-

естныхъ, многострадальныхъ хозяевъ, зачѣмъ ставить ходули тѣ мелочи, копошиться въ той пыли историчеой, которая по необходимости прилипла къ здѣшнему авославному духовенству, и которой оно не успѣло еще ряхнуть съ себя окончательно. Что наростало вѣками, ь того нельзя освободиться моментально.

Напрасно также духовенство наше устраняется отъ учаія въ дѣлахъ жизни и юрисдикціи народа. Въ одной ро требоисправителя, священникъ не можетъ имѣть того аченія въ глазахъ народа, той полноты вліянія, какія инадлежать ему по праву, какъ единственной въ прихоѣ интеллигенціи, какъ ближайшему, естественному, блаонамѣреннѣйшему руководителю народа, въ различныхъ роявленіяхъ его жизни. Не опасаясь прослыть пессимигами, мы вынуждены сознаться, что народъ нашъ вообще здѣшній въ особенности не вполнѣ еще обладаетъ неободимыми для самоуправленія качествами. Невѣжественая волостная власть, при писарѣ „безъ рѣчей" и неободимыхъ для его профессіи познаній, безалаберные мірскіе сходы, естественнымъ образомъ ведутъ къ тѣмъ своеобразнымъ рѣшеніямъ дѣлъ, нерѣдко весьма серьезныхъ, къ тому кривосудію, образчиковъ которыхъ „Вѣсть" и „Новое Время" собрали уже такую богатую коллекцію, и изъ которыхъ, если и третья часть вѣрна дѣйствительности, то получится достаточное ручательство вѣрности нашего взгляда на это дѣло. Мы думаемъ, что, если бы священникъ былъ приглашаемъ на мірскіе сходы, въ волостное правленіе, для участія въ рѣшеніи хоть дѣлъ, соприкосновенныхъ къ религіи или народной нравственности, своеобразныя рѣшенія и кривосудія сократились бы болѣе чѣмъ на половину, священники указали бы,—какъ это индѣ и случалось,—на подлинный характеръ преступленія, на нормальное отношеніе его къ наказанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднялся бы значительно и уровень народной нравственности. Тогда и проповѣдь священника о воровствѣ, пьянствѣ и другихъ популярныхъ порокахъ прихода имѣла бы совсѣмъ другое значеніе и вліяніе на слушателей, нерѣдко теперь похожихъ на „кота Ваську," вразумляемаго „Поваремъ". Возраженіе, что мировой посредникъ можетъ и долженъ устранять недостатки мірскаго и волостнаго пра-

восудія не имѣетъ достаточной силы. Мировой посредникъ есть кратковременный гость волостнаго правленія, онъ является въ волость чаще всего тогда, когда міръ или волостная Ѳемида привели въ исполнені свои рѣшенія и сдали дѣло въ архивъ; да мировой посредникъ и не можетъ быть столь безпристрастнымъ судьею, столь компетентнымъ знатокомъ народныхъ нравовъ, обычаевъ, слабостей, личныхъ отношеній и равныхъ оттѣнковъ мѣстной жизни, какъ священникъ, предъ которымъ вполнѣ открыта совѣсть и жизнь прихожанина, и на убѣжденія которого политическія, соціальныя и нравственно-религіозныя смѣлѣе можно положиться, тѣмъ на убѣжденія кого либо другаго.

Столь же крѣпкая сила русская въ здѣшнемъ краѣ есть институтъ его *русскихъ* чиновниковъ. Заправляя всѣми отраслями гражданской дѣятельности, они составляютъ, вопреки инсинуаціямъ и клеветамъ „Вѣсти" и „Новаго Времени", надежный залогъ обрусѣнія края, крѣпкую стражу русскихъ порядковъ и неприкосновенности закона. При пестротѣ даже своего происхожденія, образованія, убѣжденій, направленій, привычекъ,—русскіе чиновники составляютъ уже силу *русскую*, домашнюю, вполнѣ благонадежную со стороны политической. Конечно, желалось бы, чтобы между ними была полная солидарность во всѣхъ отправленіяхъ жизни частной и общественной, чтобы между ними не было и небольшихъ угловатостей, мѣшающихъ имъ плотнѣе прильнуть другъ къ другу, устраняющихъ возможность проникнуть между ними интригѣ, сепаратизму, зависти, недоброхотству, чтобы между ними было больше братскаго единенія мысли, чувства и дѣла, чтобы русскіе въ краѣ гости больше имѣли довѣрія къ русскимъ хозяевамъ страны, къ ея православному духовенству, достойно цѣнили ихъ опытность, подвиги патріотическіе, познали даже ихъ увлеченія; но и при statu quo, работа русская продолжается, только лишь не такъ спѣшно и единодушно. Конечно желалось бы, чтобы на русской службѣ не было тѣхъ дѣятелей, которые служатъ не Россіи, а себѣ, которые особенно любятъ мѣста доходныя,— но и при нихъ почва русская разработывается, засѣвается, хоть и не совсѣмъ дружно и спѣшно, и обѣщаетъ всходы, хоть и не одной „пшеницы."

При такомъ обиліи и качествахъ силы русской, было бы слишкомъ пугливо опасаться полнаго, вторичнаго ополяченья края: насъ уже не могутъ побѣдить теперь ни морально, ни физически, а только могутъ до времени тормозить полное и окончательное обрусѣніе страны, могутъ безпокоить насъ внутренней и внѣшней интригой, сѣять плевелы для будущихъ всходовъ, разрознивать наши силы маскировкой подлинныхъ къ намъ отношеній, усыплять нашу бдительность и благоразуміе. А эти качества, быть можетъ, намъ еще на что нибудь пригодятся. Какъ ни основательно и самоувѣренно мы твердимъ: „это край русскій,“ а все таки чувствуется и даже осязается, что онъ болѣе русскій поправу, чѣмъ на дѣлѣ, болѣе въ прошедшемъ и будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ. Жизнь невеселая, бивуачная, кочевая! Но не отъ насъ зависитъ сдѣлать ее болѣе пріятною и покойною. Мы съ своей стороны доказали, что умѣемъ быть справедливыми, такъ же, какъ и великодушными, укрощать порывы буйства, какъ и забывать ихъ; нашимъ сосѣдямъ остается только умѣть пользоваться нашимъ великодушіемъ и забвеніемъ и избѣгать поводовъ къ возбужденію въ насъ противоположныхъ ощущеній. Мы теперь не бьемся, не поражаемъ враговъ, которые скрываются. Съ врожденнымъ славянину миролюбіемъ, русскіе предлагаютъ враждовавшимъ къ намъ доселѣ сосѣдямъ миръ, но только миръ честный, прочный *не наружный*. Они желаютъ имъ полнаго исцѣленія отъ политическихъ иллюзій, отъ солидарности съ бѣглыми, преступными трусливыми ихъ единоплеменниками, отъ перешептыванья съ западомъ, съ Ватиканомъ и Версалемъ, отъ поисковъ лучшей участи внѣ единенія съ единокровной имъ Россіей. Поймутъ наши антагонисты этотъ настоящій фазисъ нашихъ къ нимъ отношеній въ смыслѣ снисхожденія, благоразумія, а не трусости опаснаго противника, ухаживанья за нужнымъ человѣкомъ, — и они первый разъ въ жизни, поступятъ практично, отнесутся къ намъ и къ исторіи разумно; не поймутъ, и погибнутъ окончательно. Но мы не увѣрены, чтобы поляки „чему либо научились и что либо забыли“ изъ прошедшаго, чтобъ они трезво взглянули и мудро обсудили наше миролюбіе. Если самые усердные къ обру-

сѣнію здѣшняго края люди русскіе не совсѣмъ поняли смыслъ настоящихъ отношеній нашихъ къ полякамъ; если самые патріотичные органы нашей прессы трактовали наше снисхожденіе къ побѣжденнымъ чуть не въ смыслѣ послабленія, политической потачки, измѣны; то тѣмъ труднѣе допустить, чтобы великодушіе наше понялъ и оцѣнилъ по надлежащему людъ самый заносчивый, самомнительный, мечтательный, неугомонный, недружелюбный. Люди, потерявшіе самобытность политическую и отвергающіе ассимиляціи сосѣдямъ, господствующей расѣ, мельчаютъ умственно, падаютъ нравственно, переходятъ изъ крайности въ крайность,—отъ низости къ террору, отъ измѣны къ самымъ напыщеннымъ заявленіямъ преданности, и на оборотъ, и если не ассимилируются, то расходуются по мелочамъ, погибаютъ.

Какая же, по нашему мнѣнію, программа дѣйствій пригоднѣе для настоящаго фазиса польско-русскаго вопроса? Та, которая началась назадъ тому шесть лѣтъ и которая, помимо сѣтованій и опасеній нашихъ пессимистовъ, выполняется и доселѣ.

IV.

СВѢДѢНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ 1863 ГОДА ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ

Томъ II, Часть 2-я, Вильна 1868 г.

(Окончаніе *).

Еще не далеко то время, когда нѣкоторыя распоряженія М. Н. Муравьева по усмиренію послѣдняго польскаго мятежа подвергались порицаніямъ даже со стороны нѣкоторыхъ русскихъ газетъ; а между тѣмъ мѣры графа Муравьева къ водворенію нарушеннаго спокойствія въ западной Россіи и къ предотвращенію дальнѣйшихъ въ ней волненій были слишкомъ не новы, онѣ употреблялись уже болѣе полстолѣтія сосѣдними государствами: Пруссіею и Австріею, и никто въ Европѣ не порицалъ правительствъ этихъ государствъ за употребленіе этихъ мѣръ, не называлъ и самихъ государствъ варварскими; мѣры эти давно уже въ этихъ государствахъ получили силу закона, имѣли за собою жизненный опытъ, показавшій самымъ дѣломъ полную ихъ цѣлесообразность и даже незамѣнимость какими либо другими мѣрами. И если бы мы въ 1863—1864 г. знакомы были съ системою дѣйствій прусскаго и австрійскаго правительствъ въ пріобрѣтенныхъ ими польскихъ областяхъ, то съ полнымъ уваженіемъ преклонились бы предъ свѣтлымъ умомъ и несокрушимою волею графа Муравьева и удивлялись бы не тому, что вводятся энергическія мѣры къ подавленію и истребленію польской крамолы, а тому, какъ до сихъ поръ онѣ не были усмотрѣны и введены въ дѣйствіе; мы увидѣли бы даже,

*) См. 2 кн. «Вѣст. Зап. Россіи».

что М. Н. Муравьевъ не успѣлъ еще ввести многаго, давно уже введеннаго въ практику другими правительствами, что совокупность его распоряженій не исчерпываетъ всей прусско-австрійской системы, направленной противъ полонизма. Прусская система дѣйствій въ Познанской области и въ другихъ пріобрѣтенныхъ Пруссіею отъ Польши областяхъ теперь знакома уже намъ отчасти изъ нашихъ періодическихъ изданій. Но это нисколько не уменьшаетъ достоинства разсматриваемаго нами сочиненія. Въ этомъ отношеніи II-й томъ «Свѣдѣній о польскомъ мятежѣ» имѣетъ несомнѣнную важность, выясняя всю прусско-австрійскую систему дѣйствій въ коренныхъ польскихъ областяхъ и показывая постепенное ея историческое развитіе и ея результаты. Къ сожалѣнію австрійская система не выяснена авторомъ фактически съ такою законченностью, съ какою обрисована прусская система, хотя и она въ сущности немного разнится отъ прусской системы; только приводится и приводилась въ исполненіе не съ такою настойчивостію, съ какою прусская система, что существенно зависѣло отъ разнородности населенія австрійскаго государства, въ которомъ нѣмецкое населеніе далеко не составляетъ по своей численности преобладающаго элемента, и которое не можетъ пока не кокетничать съ такою крупною и безпокойною національностью, какъ польско-австрійская. Поэтому мы будемъ по преимуществу излагать прусскую систему на основаніи разсматриваемаго сочиненія, касаясь дѣйствій австрійскаго правительства на столько, на сколько они пополняютъ и раскрываютъ еще яснѣе мѣры Пруссіи относительно полонизма.

Прусская система управленія Познанской и другихъ прежде бывшихъ польскихъ областей существенно, до малѣйшихъ мѣропріятій, направлена къ тому, *чтобы прочнѣйшимъ образомъ закрѣпить новоприсоединенныя области за Пруссіею, привязать ихъ къ ней, какъ къ общему отечеству и для того—населеніе этихъ областей слить воедино съ населеніемъ коренныхъ прусскихъ областей, проникнуть первое духомъ послѣдняго путемъ полнаго онѣмеченія польскаго населенія, путемъ поглощенія его нѣмецкимъ элементомъ, предрасположеніемъ къ чему служитъ, съ одной стороны, общественное и матеріальное ослабленіе въ собственномъ смыслѣ польскаго элемента, т. е., панского землевладѣльческаго сословія, съ другой—привлече-*

ніе симпатій къ новому правительству низшаго крестьянскаго населенія польскихъ областей посредствомъ улучшенія нравственнаго и матеріальнаго его быта. Постепенно ослабляемое, рѣдѣющее въ своихъ рядахъ, окружаемое нѣмецкими помѣщиками и колонистами, землевладѣльческое польское сословіе должно неизбѣжно утратить свою національную коалицію свой патріотическій жаръ, убѣждаясь въ неисполнимости мечтаній объ ойчизнѣ,—по необходимости должно подчиниться нѣмецкому элементу какъ сильнѣйшему, господствующему—и затѣмъ, съ нимъ слиться, осязательно чувствуя всюду его силу и нравственное превосходство и не предвидя никакой возможности побѣдить его. Но то, къ чему приходитъ высшее польское сословіе путемъ постепеннаго своего обезсиленія, достигается относительно простаго польскаго населенія противоположнымъ путемъ—его возвышенія и оживленія. Видя улучшеніе своего положенія при новомъ правительствѣ, видя его заботу о себѣ и находя у него защиту отъ панскихъ притѣсненій, польскіе крестьяне естественно не могутъ желать возвращенія прежняго польскаго господства, не могутъ этому содѣйствовать и отдаютъ свои симпатіи благодѣющему имъ правительству, которому, при такомъ настроеніи, не трудно ихъ вести къ сліянію съ населеніемъ коренныхъ прусскихъ областей. Такимъ образомъ, система прусскаго управленія прежнихъ польскихъ областей охватываетъ польскій элементъ сверху и снизу и ставитъ его въ такое положеніе, изъ котораго возможенъ одинъ выходъ—стать настоящимъ живымъ членомъ прусскаго организма.

Система эта во всей своей подробности развилась не вдругъ. Въ коренныхъ своихъ основаніяхъ она начертана была великимъ умомъ перваго прусскаго короля, получившаго во владѣніе польскія области—Фридриха Великаго; послѣ него, не измѣняясь въ своей основѣ, она только развивалась и пополнялась при дальнѣйшихъ дѣятеляхъ по польскому вопросу въ Пруссіи. Геніальный прусскій король, какъ близкій сосѣдъ Польши, слишкомъ хорошо зналъ польскій характеръ и польское управленіе и цѣнилъ то и другое совершенно по достоинству. Его свѣтлый практическій умъ возмущался невѣжествомъ польскаго панства, его нахальствомъ, хвастливостію, стремленіемъ къ своеволію и отвращеніемъ отъ труда; поэтому онъ питалъ глубочайшее презрѣніе къ польскому обществу, осыпалъ его самыми злыми насмѣшками, величая своихъ

нѣмцахъ подданныхъ на всю Европу «ирокезами» (стр. 193), а иногда просто «польскою сволочью, дураками и вертопрахами», какъ назвалъ Фридрихъ князя Сулковскаго по поводу его дуэли съ прусскимъ генераломъ Лоссовымъ (стр. 200). Подробныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи пограничныхъ съ Пруссіею польскихъ округовъ, собранныя по приказанію Фридриха еще за три года до перваго раздѣла Польши, показали ему крайнее разстройство страны во всѣхъ отношеніяхъ и необходимость немедленнаго ея переустройства: «Въ ней, по словамъ Фридриха В., отражались вся анархія, неурядица и безпорядки, которые должны господствовать между варварами, погрязшими въ невѣжествѣ и тупоуміи» (стр. 184). «Породы скота дурны», говорится въ заключеніи оффиціальнаго донесенія королю о состояніи областей, отошедшихъ къ Пруссіи, «земледѣльческія орудія въ высшей степени неудовлетворительны, поля истощены, покрыты сорными травами и камнями, сѣнокосные луга оболотились, лѣса рубятся въ безпорядкѣ и опустошены. Бывшіе укрѣпленные города, извѣстные подъ именами замковъ, представляютъ развалины; въ такомъ же видѣ находятся мѣстечки и деревни, въ которыхъ жилища, изъ глины и соломы, едва ли могутъ казаться приспособленными для обитанія въ нихъ людьми. Населеніе уменьшается; заботы о правосудіи равны заботамъ управленія. Крестьянское сословіе погибаетъ, а мѣщанъ вовсе не осталось» и т. д (стр. 184). Собственное наблюденіе короля во время путешествій по пріобрѣтеннымъ областямъ убѣдило его, «что въ этой несчастной странѣ не знаютъ права собственности, и знаютъ только тотъ законъ, что сильный имѣетъ право угнетать слабаго.»

Экономическіе и политическіе интересы Пруссіи побуждали Фридриха В. быстро и рѣшительно приняться за переустройство страны и за очищеніе ея по возможности отъ польскаго элемента (разумѣется польское дворянство), который онъ считалъ постоянно крамольнымъ и ненадежнымъ къ исправленію. За краеугольный камень такого переустройства принято землевладѣніе, и король употребилъ разнообразныя средства для того, чтобы землевладѣніе вырвать изъ польскихъ рукъ и затѣмъ передать его нѣмцамъ. Такъ еще прежде, чѣмъ утверждена была окончательно польскимъ правительствомъ уступка земель Пруссіи по первому раздѣлу, король отобралъ старостскія земли у польскихъ магнатовъ, хитро воспользовавшись тѣмъ, что нѣкоторые старосты, до утвержденія польскимъ

правительствомъ уступки земель, отказались дать присягу прусскому королю, чему стороной способствовалъ самъ Фридрихъ В., дѣйствуя на польскихъ старостъ чрезъ одного изъ ихъ среды графа Кейзерлинга. Привлеченный еще прежде на сторону короля, Кейзерлингъ первый отказался принести присягу на прусское подданство и своимъ примѣромъ увлекъ за собой другихъ; это только и нужно было королю, который, по отобраніи староствъ, въ томъ числѣ и у Кейзерлинга, въ послѣдствіи времени довольно щедро наградилъ послѣдняго (стр. 189). Но и у тѣхъ, которые изъявили согласіе на присягу, все-таки были отобраны земли, съ вознагражденіемъ впрочемъ за нихъ (стр. 190). Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого послѣдовало новое повелѣніе объ отобраніи въ казенное управленіе всѣхъ имѣній римско-католическаго духовенства въ пріобрѣтенныхъ отъ Польши областяхъ, причемъ правительство на счетъ же духовенства улучшило хозяйство въ прежнихъ духовныхъ имѣніяхъ, но лишило духовенство права пользоваться плодами этихъ улучшеній, т. е. увеличенныхъ доходовъ (стр. 193). Одновременно съ этимъ принимались энергическія мѣры къ экономическому устройству пріобрѣтенной страны. Висла соединилась съ Нетцою каналомъ, который, кромѣ прямаго своего назначенія, принесъ еще ту пользу, что осушилъ болота на огромномъ пространствѣ земли; въ другихъ мѣстахъ почва тоже осушаема была канавами; непроизводительные пески превращаемы были постепенно въ плодородныя земли посредствомъ посѣвовъ на нихъ особаго рода свекловицы, которая, сгнивая въ пескѣ, давала на первый случай растительность для скота и тѣмъ полагала начало къ обращенію почвы, дальнѣйшимъ удобреніемъ, въ плодородныя нивы; разваливавшіяся въ большихъ староствахъ хозяйственныя постройки приведены въ порядокъ на счетъ правительства; польскіе города, находившіеся въ плачевномъ состояніи, обстраивались (стр. 185 и 186). Но, понятно, всѣ эти и другія улучшенія предпринимались не для крамольныхъ подданныхъ, какими считалъ Фридрихъ Великій польскихъ помѣщиковъ; осушенныя болота и сдѣланныя пригодными песчаныя земли отдавались однимъ нѣмецкимъ переселенцамъ; казенныя земли сдаваемы были въ аренду только нѣмцамъ,— вмѣстѣ съ тѣмъ правительство наполняло страну нѣмецкими аптекарями, кузнецами, портными и т. п. Чтобы опростать больше мѣста для нѣмецкаго элемента, правительство, съ одной стороны, выпровадило обратно въ Польшу изъ

вновь пріобрѣтенной страны 4000 еврейскихъ семействъ, съ другой предприняло рядъ мѣръ, которыя должны были побудить польскій элементъ къ добровольному удаленію изъ страны. Съ этою цѣлію имѣнія польскихъ помѣщиковъ (за признакъ польцизны принято было латинское исповѣданіе) обложены были 25% сборомъ. А чтобы еще болѣе уменьшить доходность польскихъ имѣній, употреблена другая мѣра, дававшая, повидимому, преимущество шляхетству передъ крестьянами и падавшая, казалось, всею своею тяжестію только на этихъ послѣднихъ, а на самомъ дѣлѣ подрывавшая въ самомъ основаніи польское землевладѣніе; мѣра эта $33^1/_3$ процентный налогъ на крестьянъ безъ различія исповѣданій. Доселѣ польскій крестьянинъ платилъ въ казну по одному злотому съ дыма. «При такой ничтожной подати, говоритъ авторъ, паны дѣйствительно могли вести свое хозяйство такъ, чтобы собственность крестьянина заключалась вся въ томъ, что онъ пропиваетъ. Съ установленіемъ налога на крестьянъ, различнаго отъ панскаго, паны были поставлены въ необходимость выдѣлить и особою чертою обозначить крестьянскіе участки и такимъ образомъ на всю сумму этихъ участковъ уменьшилось землевладѣніе представителей польцизма.» Съ тою же цѣлію королевскимъ приказомъ запрещено арендаторамъ тѣхъ имѣній, владѣльцы которыхъ жили за границей, платить арендныя деньги впередъ болѣе, чѣмъ за три мѣсяца (стр. 191); а черезъ четыре года послѣдовала петербургская конвенція, по которой польскіе помѣщики, имѣвшіе помѣстья въ нѣсколькихъ государствахъ, должны были объявить, къ какому государству они желаютъ принадлежать, и обязывались затѣмъ продать помѣстья, находящіяся внѣ избраннаго ими отечества (стр. 192).

Между тѣмъ какъ эти административныя мѣры убѣждали пановъ въ невыгодности владѣнія землею въ прусскихъ предѣлахъ и заставляли ихъ продавать свои помѣстья, учрежденный правительствомъ банкъ велъ къ той же цѣли, т. е. уменьшенію польскаго землевладѣнія съ другой стороны: паны брали подъ залогъ своихъ имѣній ссуды изъ банка, расточали ихъ на пиры и разныя фанцеціи, а затѣмъ имѣнія ихъ шли съ молотка и переходили къ нѣмцамъ, которые получали ссуды на весьма выгодныхъ условіяхъ (стр. 191). Король усердно заботился о привлеченіи во вновь пріобрѣтенный край нѣмецкихъ помѣщиковъ и позволилъ даже покупать польскія

мѣнія нѣмецкимъ мѣщанамъ, тогда не имѣвшимъ на то права въ коренныхъ прусскихъ областяхъ, потому что «королю дороже тамъ (въ восточной Пруссіи) одинъ добрый бюргеръ, чѣмъ весь этотъ польскій людъ.» (стр. 192).

Вытѣсненіе польскаго элемента не ограничивалось однимъ землевладѣніемъ; оно уже при Фридрихѣ распространено было также на администрацію и школу. «Вся администрація, говоритъ авторъ, была передана нѣмецкимъ чиновникамъ; поляки помѣщаемы были только на низшихъ должностяхъ почтовыхъ и земской полиціи, подъ строгимъ надзоромъ надъ ними поставленныхъ чиновниковъ нѣмцевъ.» Король отклонилъ всякія домогательства поляковъ къ тому, чтобы добыть своими совѣтами и предложеніями вліяніе на образъ дѣйствій прусскаго правительства. «Вы хорошо сдѣлаете, писалъ онъ правителю восточной Пруссіи, если устраните отъ всѣхъ промеморій польскихъ князей, воеводъ, старостъ, которыхъ болѣе готовъ я отдалять отъ себя, чѣмъ приближать» (стр. 198). Школу Фридрихъ сдѣлалъ однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ перевоспитанію новыхъ своихъ подданныхъ. Зная огромное значеніе полекъ въ общественной и политической жизни, король началъ съ нихъ и открылъ въ Кульмѣ училище на 50 дѣвицъ съ строгимъ выборомъ учителей для него; затѣмъ по вновь пріобрѣтеннымъ областямъ разсѣяно было 187 училищъ, изъ коихъ только 83 были полу-польскія, а остальныя 104 были чисто-нѣмецкія. Прусское правительство руководилось при этомъ тѣмъ правиломъ, что если въ какой-либо мѣстности было хотя небольшое число нѣмцевъ, при несравненно большемъ количествѣ польскаго населенія, оно назначало въ школу учителя нѣмца; а польскія школы открывались единственно тамъ, гдѣ было сплошное польское населеніе. Король усиленно заботился о назначеніи въ школы учителей—нѣмцевъ и, устрояя больше нѣмецкихъ, чѣмъ польскихъ школъ, желалъ через это доставить большее развитіе жителямъ нѣмцамъ и тѣмъ усилить ихъ нѣмецкое вліяніе на польскій людъ.

Вліяніе школы на польское населеніе усиливалось и продолжалось дѣйствіемъ другихъ мѣръ, которыя должны были расположить сельское населеніе къ прусскому владычеству и вмѣстѣ онѣмечивать его. Къ числу этихъ мѣръ принадлежатъ: освобожденіе крестьянъ въ старостскихъ имѣніяхъ, принятіе какъ ихъ, такъ и крестьянъ, оставшихся еще въ холопствѣ у пановъ, подъ сильною защиту

правительства (каравшаго одинаково за преступленія пана и хлопа и вскорѣ по присоединеніи польскихъ областей къ Пруссіи, къ великому ужасу пановъ и неменьшему, конечно, удивленію хлоповъ, казнившаго смертію польскаго помѣщика за убійство хлопа (стр. 197),—перемѣшка «польскихъ людишекъ», какъ выражался Фридрихъ, съ нѣмцами, о чемъ усердно заботился король, приказывавшій поселять на первый случай по два или по три нѣмецкихъ семейства въ польскихъ селеніяхъ; это считалъ онъ весьма пригоднымъ средствомъ къ введенію среди невольничьихъ людишекъ лучшихъ понятій и исправленія ихъ нравовъ.

Такъ дѣйствовалъ Фридрихъ Великій для закрѣпленія за Пруссіею новыхъ ея областей и совершеннаго поглощенія польской національности нѣмецкою. Правительство постепенно оттѣсняло туземцевъ сперва отъ границъ, потомъ отъ путей сообщенія во внутрь страны. Польское населеніе разъединялось нѣмецкими поселеніями, охватывалось со всѣхъ сторонъ сильнѣйшимъ нѣмецкимъ элементомъ и естественно должно было заглохнуть (стр. 562). И не ошибся великій король въ своихъ разсчетахъ: пріобрѣтенныя области сильно онѣмечились; при немъ уже въ польскихъ протестантскихъ семействахъ нѣмецкій языкъ сдѣлался домашнимъ языкомъ; и когда въ 1807 году французскія войска проходили черезъ области, пріобрѣтенныя отъ Польши, то оказалась огромная разница въ настроеніи жителей этихъ областей: тогда какъ жители областей, пріобрѣтенныхъ по второму и третьему раздѣламъ, встрѣчали французовъ какъ избавителей отъ прусскаго господства и возстановителей Польши, значительно онѣмечившееся населеніе областей, пріобрѣтенныхъ при Фридирхѣ Великомъ, выказало мало сочувствія къ французскимъ войскамъ и готовности къ мятежу противъ Пруссіи (стр. 308).

Замѣчательнѣйшими дѣятелями въ духѣ Фридриха Великаго противъ полонизма были графъ Гоймъ (отъ 1794—1798) и Флотвель съ (1830,—1841 г.). Они дали системѣ Фридриха дальнѣйшее развитіе и приложеніе введеніемъ новыхъ мѣръ, направленныхъ къ ослабленію полонизма. Между ними прежде всего обращаютъ на себя вниманіе мѣры къ уменьшенію и искорененію польскаго землевладѣнія. Не ограничиваясь приглашеніемъ нѣмецкихъ помѣщиковъ для покупки имѣній въ пріобрѣтенныхъ областяхъ и отдачей казенныхъ земель арендаторамъ и колонистамъ-нѣмцамъ, Гоймъ счелъ нужнымъ усилить нѣмецкій элементъ въ

бывшихъ польскихъ областяхъ посредствомъ раздачи надежнымъ пруссакамъ участковъ земли. Когда послѣдовало третье и послѣднее присоединеніе къ Пруссіи польскихъ областей, то, отчасти подъ вліяніемъ Гойма, немедленно приступлено было къ отобранію въ казну всѣхъ духовныхъ имуществъ, не исключая и имѣній «эдукаціоннаго фундуша»; всѣ эти земли, равно какъ и староства, подѣлены были на участки. До 1000 этихъ участковъ отдано въ аренду нѣмцамъ, болѣе 241 продано съ разсрочкою платежей и 241 пожаловано надежнымъ пруссакамъ. Въ послѣднемъ случаѣ правительство останавливало свой выборъ особенно на тѣхъ, которые не имѣли въ старыхъ областяхъ помѣстьевъ, ожидая, естественно, отъ такихъ лицъ болѣе привязанности къ пожалованнымъ помѣстьямъ. Съ цѣлію также болѣе привязать нѣмцевъ къ получаемымъ ими участкамъ и дать средства завести хорошее хозяйство, правительство чрезвычайно понизило цѣнность отчуждаемыхъ отъ казны имѣній, такъ что, вмѣсто 20 милліоновъ настоящей стоимости, 241 пожалованныя имѣнія оцѣнены были въ 3 милліона. Для предотвращенія перехода этихъ имѣній опять въ польскія руки правительство воспретило пожалованныя имѣнія продавать кому-либо кромѣ уроженцевъ коренныхъ прусскихъ областей (стр. 225).

Флотвель, въ вопросѣ о землевладѣніи, пошелъ еще дальше. При немъ прусское правительство, содѣйствуя нѣмцамъ усиленными пособіями изъ банка въ покупкѣ польскихъ имѣній, въ тоже время приступило еще къ новой мѣрѣ для достиженія тойже цѣли,— именно Флотвелю разрѣшено было пріобрѣтать на счетъ казны продаваемыя поляками большія имѣнія, если не находилось для нихъ частныхъ покупателей; а затѣмъ эти имѣнія правительство перепродавало нѣмцамъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, или въ цѣломъ ихъ составѣ, или раздробляя ихъ на значительные участки. А если неудобно было въ хозяйственномъ отношеніи дѣлить имѣніе на большіе участки, въ такомъ случаѣ имѣніе раздроблялось на небольшія крестьянскія усадьбы, которыя уступались нѣмецкимъ переселенцамъ. Казна отъ такой операціи не осталась въ убыткѣ, а число польскихъ большихъ имѣній, находящихъ всегда менѣе покупателей, значительно сократилось (стр. 325). Переходъ изъ польскихъ рукъ большихъ имѣній особенно важенъ въ польскомъ вопросѣ вслѣдствіе указаннаго прежде значенія магнатовъ въ польской справѣ.—Единовременно съ привлеченіемъ въ

польскія области помѣщиковъ нѣмцевъ или переселеніе сюда простаго нѣмецкаго люда; правительство не щадило издержекъ на это важное дѣло. Переселеніе каждаго семейства обходилось казнѣ въ 1000 талеровъ; кромѣ ежегодно отпускаемыхъ на переселеніе изъ доходовъ познанской области 16,000 талеровъ, правительство съ 1794 по 1807 году израсходовало на тотъ же предметъ болѣе двухъ милліоновъ талеровъ (стр. 241).

Въ области общественной жизни, администраціи и школы, Гейтъ и Флотвель съ энергіею Фридриха Великаго продолжали вести дѣло ослабленія полонизма. Введеніе нѣмецкаго языка было предметомъ величайшей ихъ заботливости; преподаватели, знавшіе одинъ польскій языкъ, были удаляемы изъ школъ (стр. 318), польскія названія улицъ и селеній перемѣнены на нѣмецкія (стр. 325), всѣ имена областей, городовъ, мѣстностей, представлявшія хотя малѣйшее затрудненіе для произношенія нѣмца и носившія на себѣ признаки польской инициативы, передѣланы на нѣмецкій ладъ (Познань измѣнилась въ Позенъ, Гнезно—Гнезенъ, Хельмо—Кульмъ, Михи—Эихенъ *). Для болѣе успѣшняго путемъ школы распространенія

*) У насъ первая попытка въ перемѣнѣ польскихъ названій городовъ, улицъ и т. п. на русскія сдѣлана была только при графѣ М. Н. Муравьевѣ; а села и деревни сѣверо-западнаго края начинаютъ *отчасти возвращать* себѣ русскія названія только въ настоящее время (См. Литов. Епар. Вѣд. за 1869 г. № 8); говоримъ: отчасти возвращать: при чтеніи напечатаннаго списка прежнихъ польскихъ и возстановляемыхъ русскихъ названій селъ виленскаго и отчасти трокскаго уѣздовъ нельзя не замѣтить, что вся перемѣна здѣсь состоитъ только въ уничтоженіи, *даже не полномъ*—(напр. названіе Будзили измѣнено въ Будзильи) фонетическихъ особенностей польскаго языка (дз, зе, ци, рже и т. п.), послѣ чего названія эти продолжаютъ все-таки обличать въ себѣ нерусское происхожденіе или корнемъ слова, или окончаніемъ, напр. Крыжовка (изъ Кржыжувки), Бодилово (Бодзилово), Медвѣдишки (изъ Мѣдзвѣдзишки) и т. п.—Возстановленіе дѣйствительныхъ названій мѣстности западной Россіи не должно останавливаться на этомъ первомъ опытѣ,—слѣдуетъ возстановить настоящія русскія названія, какія носили извѣстныя мѣстности въ старину, до времени полонизаціи края. Уже въ существующихъ теперь изданіяхъ древнихъ актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи, находится значительное количество древнихъ русскихъ и отчасти литовскихъ названій различныхъ мѣстностей; въ 18 тысячахъ волюмовъ виленскаго центральнаго архива найдется, безъ сомнѣнія, большая,

нѣмецкаго языка между польскимъ населеніемъ графъ Гойнъ назначилъ особыя преміи учителямъ за обученіе нѣмецкомуязыку: за обученіе каждыхъ 12 мальчиковъ свободному разговору и письму по нѣмецки въ одинъ годъ назначено 10 талеровъ; а учитель сельской школы, у котораго всѣ ученики говорили и читали по нѣмецки, получалъ преміи 50 талеровъ*) (стр. 604). А при Флотвелѣ преподаваніе нѣмецкаго языка усилено до такой степени, что въ нѣкоторыхъ школахъ на обученіе этому языку посвящено было до 26 часовъ въ недѣлю (стр. 327). Для болѣе правильнаго веденія германизаціи посредствомъ школы, устрояемы были съѣзды учителей, и состоявшіяся на этихъ съѣздахъ постановленія дѣлались обязательными для всѣхъ школъ области (стр. 328). Во времена Флотвеля польскій языкъ вытѣсненъ былъ равнымъ образомъ нѣмецкимъ языкомъ и изъ богослуженія евангелическаго исповѣданія прусскихъ подданныхъ въ восточной Пруссіи (стр. 327).

по крайней мѣрѣ, часть древнихъ русскихъ названій селъ, деревень и мѣстностей. Это работа, конечно, трудная и продолжительная, но за то и болѣе плодотворная; это было бы не зачеркиваніе, подъ разъ ни на чемъ не основанное, польскихъ звуковъ изъ продолжающихъ оставаться въ сущности дѣла польскихъ названій, а дѣйствительное возстановленіе повсюдныхъ въ этомъ краѣ словесныхъ памятниковъ жившей, мыслившей и дѣйствовавшей здѣсь русской жизни,—возстановленіе, которое на самомъ дѣлѣ смыло бы еще новые слѣды польскаго господства здѣсь и представило бы мѣстному населенію новое неопровержимое нравственное право Россіи на этотъ край. Если бы работа повелась такимъ образомъ, въ такомъ случаѣ вѣроятно Крыжовка превратилась бы въ село или деревню Крестовую, Медвѣдишки,—Медвѣдовку, или просто Медвѣдь, какъ встрѣчается это названіе въ нѣкоторыхъ актахъ, Бодилово—въ Будилово или Будилиху и т. п.—

*) Назначеніе особыхъ наградъ учителямъ за обученіе русскому языку было бы также не лишнимъ и въ сѣверо-западномъ краѣ, особенно въ областяхъ, не освободившихся еще отъ польскаго вліянія, каковы напр. Ковенская губернія и другія мѣстности. Здѣсь русскому учителю приходится преодолѣвать не меньшія трудности, чѣмъ нѣмецкому учителю въ Познанской области. Назначеніе особаго опредѣленнаго вознагражденія за дѣйствительное обученіе русскому разговору и письму увеличило бы, конечно, энергію многихъ учителей и ввело бы въ исполненіе оффиціальнаго казеннаго дѣла личный, живой интересъ.

Очищеніе администраціи отъ польскаго элемента продолжалось своимъ чередомъ. Въ 1825 году введено было въ присоединенныхъ областяхъ новое судоустройство, совершенно одинаковое съ судоустройствомъ прочихъ областей государства и при этомъ большая часть поляковъ должна была оставить судебное вѣдомство (стр. 328). Польское дворянство не пріохочивали пруссаки и къ военной службѣ, а если кто поступалъ въ ряды прусскихъ войскъ, тому не давали хода и держали въ низшихъ чинахъ (стр. 225),— примѣръ достойный подражанія. Не принимая поляковъ на службу, прусское правительство обвиняло въ этомъ самихъ же поляковъ, указывая на то, что они не хотятъ усвоить себѣ нѣмецкое образованіе, которое одно даетъ право на достиженіе высшихъ должностей въ государствѣ (стр. 331).

Всѣ эти мѣры тѣмъ вѣрнѣе вели къ предположенной цѣли, что Флотвель своею дѣятельностію старался разсѣять всякія сомнѣнія въ польскомъ и нѣмецкомъ обществахъ относительно твердости и неизмѣнности системы дѣйствій правительства въ бывшихъ польскихъ областяхъ; онъ понималъ, что *всякое сомнѣніе въ возможности возвращенія въ провинціи прежнихъ учрежденій ведетъ только къ колебанію довѣрія и ослабляетъ въ нѣмцахъ бодрость къ дѣятельности, которая тогда только пріобрѣтаетъ значеніе для государства, когда общество не страшится никакого перелома и увѣрено въ настойчивой силѣ правительства* (стр. 340).

Только въ одномъ случаѣ ошибся Флотвель,—это въ своей попыткѣ измѣнить настроеніе латино-польскаго духовенства и уничтожить въ немъ польскій патріотизмъ. Флотвель думалъ, что при большей развитости римско-католическое духовенство перемѣнитъ свои понятія, когда оно лучше ознакомится съ дѣйствительною жизнію давней Польши, со всею уродливостію полонизма. Болѣе серьезное и глубокое религіозное образованіе, по мысли Флотвеля, должно естественно уничтожитъ безразсудный польскій фанатизмъ и освѣтить предъ духовенствомъ путь къ его истинному призванію и обязанностямъ. Флотвель принялся дѣятельно за устройство воспитанія польскаго духовенства; семинаріи были преобразованы при самыхъ щедрыхъ пособіяхъ правительства, значительно увеличенъ штатъ казенныхъ воспитанниковъ въ алумнатахъ, преподавателями назначены отличнѣйшіе учителя изъ дру-

гихъ провинцій. Но эти заботы принесли Пруссіи не пользу, а вредъ. Замѣняя невѣжественныхъ преподавателей въ латинскихъ семинаріяхъ людьми просвѣщенными, Флотвель не успѣлъ при этомъ устранить духовное начальство отъ администраціи и внутренняго управленія семинарій, и тѣмъ погубилъ всѣ свои труды. Успѣхи, достигаемые избранными профессорами въ научно-образовательномъ отношеніи, подрывались и поглощались болѣе сильнымъ клерикальнымъ вліяніемъ воспитателей и начальствующихъ, успѣвавшихъ переливать свой польскій патріотизмъ въ сердца молодыхъ клериковъ и обращать учебныя заведенія въ академіи революціонеровъ. Вышло то, что увеличенный штатъ латинскихъ алюмнатовъ повлекъ за собою увеличеніе ксендзовъ и что ксендзы, вышедшіе изъ преобразованныхъ школъ, ставъ свѣтски благовоспитаннѣе и образованнѣе прежняго, пріобрѣли большее вліяніе на высшіе слои общества, сдѣлались болѣе искусными и опасными антагонистами мѣръ правительства и явились проповѣдниками польской ойчизны какъ среди сельскаго населенія, такъ въ будуарахъ, въ салонахъ, собраніяхъ и на сходкахъ (стр. 335, 565, 611).

Но если Пруссія не успѣла перевоспитать латинское духовенство и пріобрѣсти въ немъ вѣрное свое орудіе, то дѣятельность его, по крайней мѣрѣ, не можетѣ развиваться широко вслѣдствіе бдительнаго, въ собственномъ смыслѣ, надзора за всѣми его оборотами прусской полиціи и нѣмецкаго общества въ бывшихъ польскихъ областяхъ. Прусская полиція молчаливо, незамѣтно слѣдитъ за всякимъ малѣйшимъ движеніемъ польскаго населенія; сотни подмѣченныхъ маловажныхъ случаевъ, группируемыхъ вмѣстѣ, выясняютъ ей личности вліятельныя на массу польскаго населенія. «При полномъ къ ней сочувствіи нѣмецкаго населенія, прусская полиція поставила себя такъ, что нѣмцы видятъ въ ней усерднаго покровителя, который ни на минуту не выпускаетъ изъ глазъ всѣ внѣшніе и внутренніе обороты полонизма и ведетъ его лѣтопись до вчерашняго дня.» Замѣчательно, между прочимъ, изображаемое авторомъ устройство въ Пруссіи полицейскаго надзора за корчмами; для сокращенія пьянства и большаго удобства наблюденія, прусскою администраціею, во-первыхъ, значительно сокращено число корчмъ и содержателями ихъ назначаются люди вполнѣ благонадежные и по преимуществу нѣмцы. Затѣмъ надзоръ за извѣстнымъ числомъ корчмъ вручается жандарму, который обязанъ постоянно посѣщать ихъ въ

разные часы сутокъ и заносить въ имѣющуюся въ корчмѣ книгу время каждаго своего посѣщенія. Для прекращенія различныхъ слуховъ, въ корчмѣ выставляются на видъ правительственныя распоряженія, относящіяся до крестьанскаго сословія; если эти распоряженія возбуждаютъ какія либо недоумѣнія въ посѣтителяхъ корчмы, въ такомъ случаѣ недоумѣнія разъясняются жандармомъ и корчмаремъ,— всегда готовыми толкователями правительственныхъ распоряженій. При подобномъ устройствѣ корчмъ, естественно не легко распространять въ народѣ ложные слухи. «Всякій (польскій) эмиссаръ знаетъ, говоритъ авторъ, что въ Познани его первая публичная лекція будетъ послѣднею и предастъ его въ руки полиціи. Если же разгульная голова, подъ пьяную руку, болтаетъ двусмысленныя рѣчи, въ такомъ случаѣ полиція молчаливо слѣдитъ за нимъ и доходитъ до того, подъ чьимъ вліяніемъ болтаетъ этотъ подгулявшій человѣкъ» (стр. 648).

Не вдаваясь въ болѣе подробный обзоръ мѣръ прусскаго правительства, направленныхъ къ онѣмеченію бывшихъ польскихъ областей, мы обратимъ вниманіе еще на результаты этихъ мѣръ и на средства употребленныя поляками для противодѣйствія имъ.

Пруссія умной системой своихъ дѣйствій, не смотря даже на значительные перерывы ихъ, какъ увидимъ ниже, достигла такого ослабленія полонизма и упроченія пруссицизма въ присоединенныхъ къ ней польскихъ областяхъ, что нынѣ, поддерживая только духъ нѣмецкаго населенія правительственнымъ вліяніемъ, «*она можетъ предоставить дальнѣйшую борьбу между германизмомъ и полонизмомъ дѣйствію частныхъ интерессовъ.*» Прусское правительство нынѣ уже спокойно можетъ выжидать послѣдовательнаго изнеможенія полонизма; а на всякія попытки поляковъ къ тому, чтобы хотя робко напомнить, что въ Пруссіи есть особая польская національность, она отвѣчаетъ, что Пруссія въ своихъ предѣлахъ не знаетъ никакихъ поляковъ, а знаетъ только однихъ пруссаковъ (стр. 175). И не ошибается въ своихъ надеждахъ прусское правительство. Въ 1861 году, во время приготовленій поляковъ къ мятежу, *познанскіе нѣмцы сбирались усмирять мятежниковъ и ксендзовъ собственными силами,* посредствомъ вольныхъ дружинъ (стр. 739). Конечно, этихъ вольныхъ не потребовалось; но за то весьма важны были услуги, оказанныя нѣмцами—помѣщиками, ремесленниками и т. п. прусской админи-

страціи. Авторъ представляетъ нѣсколько примѣровъ того, какъ мѣстные нѣмцы своею бдительностію помогали властямъ уничтожать приготовленія поляковъ къ мятежу. Разъ, напримѣръ, ксендзъ вернулся ночью изъ объѣзда по приходу домой и съ кучеромъ прямо понесъ въ костелъ тяжелую ношу; нѣмцу столяру показалось страннымъ, что ксендзъ не подъѣхалъ къ дому,— и дѣйствительно, на другой день въ костелѣ найдено оружіе и заарестовано (стр. 742) Нѣмецкое землевладѣніе вполнѣ окрѣпло; число помѣщиковъ нѣмцевъ въ Познанской области особенно стало возрастать со времени Флотвеля; въ 1857 году изъ 1662 дворянскихъ имѣній въ Познани 628 принадлежали уже нѣмцамъ, а въ 1861 году число нѣмецкихъ и польскихъ помѣщиковъ уравнялось; сами поляки уже заявили, что если подобный переходъ имѣній будетъ продолжаться, то не позже 30 лѣтъ всѣ польскія имѣнія перейдутъ въ нѣмецкія руки (стр. 624 и 625). Трудолюбіе и экономія нѣмцевъ, окончательно переводятъ богатства въ ихъ руки, что видно, между прочимъ, изъ таблицъ подоходнаго налога. Такъ напримѣръ, въ Бромбергскомъ округѣ нѣмцы вносятъ этого налога 19,700 тал., а поляки только 1,300 талеровъ; или, напримѣръ, въ Познани изъ 47,540 жителей 16,749 польскаго происхожденія, но изъ нихъ платятъ налогъ съ дохода только 80, а изъ нѣмцевъ 437 (налогъ падаетъ только на людей достаточныхъ).

Прусская система такъ постоянна и настойчива, что нѣкоторые изъ самихъ поляковъ пришли къ убѣжденію въ необходимости привыкнуть къ новому отечеству и въ безразсудности польскихъ мятежей. Въ руки прусскихъ слѣдственныхъ коммиссій попадали письменныя доказательства, что руководителямъ польскаго мятежа приходилось уже въ своихъ спискахъ отмѣчать пановъ и ксендзовъ, удерживаемыхъ въ лагерѣ польской справы только страхомъ польскаго общественнаго мнѣнія (ттр. 687). Но находились и такіе паны, которыхъ не удерживалъ и польскій терроръ. Такъ, одинъ изъ пановъ совершенно отказался отъ взноса пожертвованій на мятежъ, а слѣдуемый съ него налогъ подписалъ на празднованіе 50-лѣтняго юбилея прусскаго чиновника (стр. 727). Администрація въ польскихъ областяхъ до такой степени очищена въ настоящее время (1861 г.) отъ польскаго элемента, что даже въ судейскихъ должностяхъ, которыхъ всегда преимущественно искали поляки, *остается не болѣе 70 поляковъ;* даже и тѣ должности, которыя требуютъ

знанія польскаго языка, замѣщаются нынѣ уроженцами познанской области—нѣмцами. И это вовсе не вслѣдствіе повидимому, запрещенія принимать поляковъ на службу, а вслѣдствіе того, говорятъ пруссаки, что поляки сами не желаютъ служить, а если и желаютъ, то не выдерживаютъ установленныхъ экзаменовъ, а это отъ того, что они не усвоиваютъ надлежащимъ образомъ положительной науки, такъ что большая часть учениковъ польскаго происхожденія оставляетъ гимназіи въ среднихъ классахъ (стр. 640). А о томъ, какъ мало сочувствуетъ полонизму сельское населеніе, говорено уже было прежде; это видно также и изъ того, что во время приготовленій къ мятежу 1862—1863 годахъ, разсчеты полонизма оказались въ Познани въ 13 разъ менѣе дѣйствительнаго: вмѣсто 54,000 повстанцевъ успѣли здѣсь навербовать только 4000 и притомъ изъ разряда или людей, непосредственно зависѣвшихъ отъ пановъ, или людей бездомныхъ, или разгульныхъ, которымъ нужны были деньги, а терять было нечего.

Прусское правительство такимъ образомъ достигло своей цѣли и можетъ безошибочно сказать, что въ Пруссіи польскаго вопроса не существуетъ болѣе.

Въ утѣшеніе себѣ, впрочемъ, можемъ мы указать на то, что и Пруссія не всегда оставалась вѣрною системѣ Фридриха Великаго, что и въ ней бывали времена, когда въ правительственныхъ сферахъ царило полонофильство, когда мѣры Фридриха Великаго признавались несостоятельными и замѣнялись совершенно противоположными имъ. Даже по вычисленіямъ прусскихъ статистиковъ, времени, прожитаго Пруссіею безъ всякой пользы для рѣшенія польскаго вопроса, вдвое болѣе, чѣмъ употребленнаго съ пользою; такъ что въ продолженіи 53 лѣтъ (отъ 1795—1848 года), безполезное время относится къ полезному, какъ 3: 1. Въ теченіи этого времени, три раза поляки успѣвали опутывать своими внушеніями высшихъ представителей прусской власти, и привлекать къ себѣ ихъ расположеніе; три раза Пруссія замѣняла строгую систему Фридриха Великаго совершенно противоположною ей— примирительною системою управленія, и три раза пришлось ей жестоко поплатиться за это уклоненіе отъ вѣрныхъ воззрѣній великаго короля и послѣ данныхъ польскими мятежами кровавыхъ уроковъ—снова возвращаться къ единственно вѣрной и разумной системѣ Фридриха.

Какимъ образомъ удавалось полякамъ кружить по временамъ головы систематическимъ и расчетливымъ пруссакамъ, для объясненія этого укажемъ въ немногихъ словахъ самыя главныя обстоятельства.— До 1848 года, пруссаки не понимали стремленій поляковъ, поэтому каждый мятежъ они объясняли случайными обстоятельствами и по усмиреніи каждаго мятежа думали, что это послѣдній. Этимъ незнаніемъ съ успѣхомъ пользовался полонизмъ, противопоставлявъ тьмѣ и мглѣ, покрывавшей до 1848 года для большинства прусскаго общества польскія дѣла, строгую систему съ опредѣленною цѣлью и обдуманными средствами и приводилъ въ исполненіе эту систему черезъ многочисленный и сильный связями, богатствомъ и выработанною способностью къ интригѣ аристократическій элементъ. Паны отличались и отличаются необыкновеннымъ умѣньемъ втираться въ милость къ тѣмъ, кого они считаютъ полезными. Въ этомъ отношеніи полякамъ удавалось иногда одерживать побѣды даже надъ такими людьми, которые извѣстны были, какъ политическіе борцы за интересы Пруссіи. Такъ имъ удалось, напримѣръ, привлечь къ себѣ сочувствіе и соболѣзнованіе извѣстнаго прусскаго патріота фельдмаршала Гнейзенау (стр. 567); удалось имъ даже пріобрѣсти сочувствіе къ возстановленію Польши въ томъ самомъ принцѣ Генрихѣ, который извѣстенъ за дѣятельнаго участника въ дѣлѣ о раздѣлѣ Польши. Связи и богатство открывали полякамъ доступъ въ самыя высшія сферы прусскаго государства. Фамиліи Радзивилловъ удалось даже породниться съ прусскимъ королевскимъ домомъ (стр. 255). Проникнувъ въ кругъ вліятельнаго прусскаго общества, польскіе аристократы пускали въ ходъ всевозможныя заискиванья, интриги, клеветы противъ лицъ въ родѣ Гойма и Флотвеля и имъ подобныхъ и достигали того, что подобные дѣятели или сами отказывались отъ своихъ должностей, пресытившись до тошноты всѣми польскими дрязгами, какъ это сдѣлалъ напримѣръ эрцгерцогъ Фердинандъ, бывшій правителемъ Галиціи (стр. 103), или увольняемы были правительственною властію, если не съ опозореніемъ, то далеко и съ небезукоризненнымъ именемъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, какъ это испытали на себѣ Гоймъ и Флотвель (стр. 322 и 338). Изъ мщенія ихъ и нынѣ незаслуженно позорятъ поляки названіями сатрапа и палача; про Гойма распускается молва, что онъ грабитъ казну при раздачѣ имѣній и, мало того, входитъ въ сдѣлки съ жидами и посредниками

контрабанду; его управленіе представляютъ верхомъ своеволія и безурядицы, собирая, а чаще вымышляя, разные служебные скандальчики (стр. 236). Чиновники-нѣмцы, вызванные Гойномъ на службу въ Познань, изображаются оборванцами, разбогатѣвшими теперь посредствомъ взятокъ и утопающими въ роскоши и разврате; про одного разсказывалось, что онъ занимался поджогами и разбоями по дорогамъ; другой обвинялся въ убійствѣ ксендза, третій во взяткахъ и т. п. (стр. 242). Въ Галиціи паны даже намѣренно старались развратить коронныхъ чиновниковъ-нѣмцевъ, пріучая ихъ къ взяткамъ (стр. 73 и 91). Политическія убѣжденія высшихъ и низшихъ чиновниковъ-нѣмцевъ въ бывшихъ польскихъ областяхъ выставляются равнымъ образомъ въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ: въ Пруссіи ихъ называютъ истыми якобинцами (стр. 244), въ австрійской Галиціи демократами, удаляющими отъ правительства сердца подданныхъ преслѣдованіями поляковъ (стр. 78).

Для того, чтобы придать клеветѣ больше правдоподобія, поляки говорили все это не сами, а черезъ нѣмцевъ же, которыхъ они всячески привлекали къ себѣ и затѣмъ обращали ихъ въ свои угодливыя орудія. Изъ этихъ одураченныхъ полономановъ самую печальную репутацію пріобрѣли своей клеветой на честныхъ дѣятелей Гельдъ, Цербони и Гольше. Сколько было намѣренной лжи въ нареканіяхъ, взводимыхъ этими лицами на Гойна и его сотрудниковъ, это между прочимъ видно изъ того, что въ числѣ лицъ, признанныхъ Гельдомъ *негодяями*, совершенно недостойно получившими при Гойнѣ помѣстья въ бывшихъ польскихъ областяхъ, находится и имя извѣстнаго впослѣдствіи прусскаго фельдмаршала графа Блюхера (стр. 248).

Но особеннымъ заискиваньемъ и усиленными интригами польскіе аристократы окружали наслѣдниковъ прусскаго престола. Указанная выше трехкратная перемѣна въ прусской системѣ совпадаетъ съ послѣдовательнымъ вступленіемъ на прусскій престолъ трехъ Вильгельмовъ, изъ коихъ каждаго поляки вводили въ обманъ и сами къ концу ихъ царствованія выводили изъ этого обмана путемъ кроваваго опыта. Такъ, преемника Фридриха Великаго, Вильгельма II успѣли расположить въ пользу полонизма Чарторыйскіе въ то время, когда онъ былъ еще кронъ-принцемъ. По вступленіи на престолъ, онъ отмѣнилъ многія распоряженія своего отца и управленіе новою польскою областью, полученною по второму раздѣлу, ввѣрилъ Фоссу,

держивается того воззрѣнія на польскія дѣла, что не разставливаніемъ ловушекъ польскимъ землевладѣльцамъ и духовенству, не докучливымъ надзоромъ за поляками можно слить польскія области съ коренными прусскими областями, но довѣріемъ къ полякамъ и равноправностію прусскаго дворянства и польскаго шляхетства. Сообразно съ своими воззрѣніями Фоссъ, вопреки системѣ Фридриха, оставилъ старостскія и духовныя имѣнія въ управленіи ихъ прежнихъ владѣльцевъ. Къ счастію для Пруссіи, это полонофильство длилось недолго: поляки сами вразумили прусское правительство неожиданнымъ своимъ мятежемъ 1794 г. Король измѣнилъ взглядъ на поляковъ и управленіе вновь присоединенными отъ Польши областями передано графу Гойму (стр. 202, 209 и 215). Вильгельмъ III предубѣжденъ былъ равнымъ образомъ въ пользу поляковъ въ то время, когда онъ былъ кронъ-принцемъ. Польскіе аристократы воспользовались удаленіемъ кронъ-принца отъ государственныхъ дѣлъ и возбуждали въ немъ желаніе измѣнить существующій порядокъ управленія его отца, представляя это управленіе въ мрачномъ видѣ. По вступленіи на престолъ, Вильгельмъ III тотчасъ удалилъ Гойма, измѣнилъ составъ и систему администраціи въ пользу полонизма и ввѣрилъ управленіе бывшими польскими областями прежнему министру Фоссу. Польскій мятежъ 1806 года еще недостаточно вразумилъ короля и послѣ 1807 года онъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же направленіи: назначилъ намѣстникомъ Познани князя Радзивилла и жаловалъ ордена польскимъ магнатамъ. Только участіе прусскихъ поляковъ въ мятежѣ 1830 года разочаровало, наконецъ, короля въ надеждѣ привязать поляковъ къ новому отечеству довѣріемъ и благодѣяніями имъ; послѣ тридцатыхъ годовъ правителемъ Познани назначенъ Флотвель (стр. 231, 241 и 303). Вильгельму IV пришлось идти тѣмъ же самымъ путемъ. Будучи кронъ-принцемъ, онъ повѣрилъ іеремиіадамъ польскихъ аристократовъ, что тяжело жить въ Познани подъ управленіемъ Флотвеля, что поляковъ тамъ угнетаютъ за то только, что они поляки, и пришелъ къ тому заключенію, что новыя права, одинаково распространенныя на всѣ области прусской монархіи, прекратятъ всѣ польскія волны. По вступленіи на престолъ Вильгельма IV, Флотвель былъ удаленъ и прусское правительство еще разъ попробовало предупредительностію къ польскому дворянству примирить его съ прусскимъ владычествомъ. (стр. 345). Присоединенный къ По-

[illegible] въ 1846 году польскій бунтъ былъ первымъ предостереженіемъ народу о непрочности его предположеній; но наказаніе это не оказалось довольно вразумительнымъ; послѣдовало болѣе сильное предостереженіе, — въ 1848 году произошелъ новый польскій мятежъ. Этотъ мятежъ окончательно раскрылъ глаза прусскому правительству. Послѣднимъ прусскимъ администраторомъ, одураченнымъ польскою интригой, является Виллизенъ. Дѣятельность Виллизена очень подробно изложена авторомъ; разсказъ объ немъ занимаетъ 155 страницъ (отъ 385—540 стр.) и разсказъ этотъ въ высшей степени поучителенъ. Виллизенъ назначенъ былъ правителемъ Познани въ 1848 году, въ тотъ именно моментъ, когда въ этой области началъ обнаруживаться польскій мятежъ. Пруссія имѣла достаточно средствъ для прекращенія начавшагося броженія; прусскія войска находились подъ начальствомъ умнаго генерала Коломба; нужно было только дѣйствовать быстро и рѣшительно противъ начинавшагося броженія, употребляя въ дѣло войско и опираясь на мѣстный нѣмецкій элементъ, который былъ уже въ Познани на столько силенъ, что могъ оказать дѣйствительную помощь администраціи. Виллизенъ сообразилъ иначе: увлекшись, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, ходячими въ то время понятіями о свободѣ національностей, онъ признавалъ незаконнымъ онѣмечивать полонизмъ и думалъ примирить его съ Пруссіей возвращеніемъ правъ польской національности, не прибѣгая къ употребленію военной силы. «По его понятіямъ, Пруссія должна была любовью, милостями, постоянными прощеніями и забвеніями прошедшаго заставить забыть свою вину предъ поляками и привести ихъ къ примиренію съ безнравственнымъ и несправедливымъ отношеніемъ силы.» Дарованіемъ познанскимъ полякамъ національнаго правительства, войска и суда на польскомъ языкѣ онъ надѣялся примирить поляковъ съ Пруссіею, между тѣмъ какъ поляки, по обыкновенію, хотѣли совсѣмъ не примиренія, а совершеннаго отдѣленія отъ Пруссіи Познанской области, которая должна была войти въ составъ имѣющей воскреснуть Польши. Вожди поляковъ въ Познани, конечно, восхваляли мудрыя распоряженія Виллизена къ умиротворенію страны и убаюкивали его обѣщаніями въ скорѣйшемъ времени распустить народное войско и возстановить совершенный порядокъ въ странѣ, а на самомъ дѣлѣ, [illegible] они увеличивали повсемѣстное войско при помощи [illegible]; обывателей, а иногда и насиліемъ, обучали ихъ [illegible]

повстанцевъ при помощи прибывавшихъ изъ другихъ странъ офицеровъ и довели ихъ число до 20,000. Поляки увѣряли даже Виллизена, что повстанскія войска расходятся и вся область въ скорѣйшемъ времени умиротворится, лишь бы не мѣшали этому прусскія войска. Напрасно нѣмцы, жиды и даже сами поляки являлись къ нему съ жалобами на страшныя притѣсненія отъ повстанцевъ; напрасно доносили ему о грабежахъ и невѣроятныхъ насиліяхъ повстанцевъ въ городахъ, даже о нападеніяхъ народоваго войска на прусскіе отряды. Виллизенъ не вѣрилъ всему этому, хохоталъ, слыша отчаянныя жалобы на насилія, и оставался при прежней увѣренности, что въ порученной ему области водворяется порядокъ, какъ увѣряли его въ этомъ паны. Но въ то самое время, когда Виллизенъ, по увѣреніямъ всевозможныхъ, надѣялся донести въ Берлинъ объ окончательномъ успокоеніи страны, онъ во время объѣзда области убѣдился, что мятежъ въ полномъ разгарѣ и что даже его личность не безопасна ни отъ повстанцевъ, ни отъ оскорбленій самихъ нѣмцевъ, раздраженныхъ его безумнымъ полонофильствомъ, и по этому нашелъ нужнымъ оставить Познань. Послѣ его удаленія, повстанье въ Познани чрезвычайно скоро было подавлено.

Дѣятельность Виллизена такъ выпукло представила невозможность привязать поляковъ къ Пруссіи какими либо иными средствами, кромѣ ослабленія и онѣмеченія полонизма, что съ 1848 г. прусское правительство уже болѣе не возвращалось къ примирительной системѣ. Съ этого времени пруссаки, пораженные примѣромъ возмутительнаго одурачения своего соотечественника, принялись за серьезное изученіе стремленій и дѣятельности полонизма; научныя изслѣдованія вполнѣ подтвердили вѣрность системы Фридриха Великаго и его послѣдователей — Гойма и Флотвеля; и съ тѣхъ поръ Пруссія систематически, ровно, безъ перерывовъ ведетъ дѣло ослабленія полонизма и теперь достигла того, что польскаго вопроса для нея болѣе не существуетъ.

Сущность всего сказаннаго въ разсматриваемомъ сочиненіи о системѣ дѣйствій Пруссіи въ прежнихъ польскихъ областяхъ, можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Пруссія обрекла полонизмъ на постепенное вымираніе.

2) Средства для достиженія этой цѣли слѣдующія: а) постепенное ослабленіе и подавленіе всего влiятельнаго въ полонизмѣ чрезъ удаленіе его изъ области землевладѣнія, администраціи и школы; б) возвышеніе матеріальнаго и нравственнаго положенія простаго польскаго населенія и вообще заботы объ экономическомъ развитіи страны и в) водвореніе нѣмецкаго элемента въ сферахъ землевладѣнія, администраціи, школы, ремеслъ и т. п.

3) Система прусскаго правительства увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

4) За отступленіе отъ указанной системы и обращеніе къ системѣ примиренія съ полонизмомъ Пруссія нѣсколько разъ жестоко поплатилась и путемъ кровавыхъ опытовъ принуждаема была возвращаться къ системѣ Фридриха Великаго.

Мы довольно подробно изложили всѣ существенныя стороны въ разсматриваемомъ сочиненіи для тѣхъ читателей, которымъ не удастся самимъ прочитать это интересное сочиненіе. Достоинства его видны изъ изложеннаго нами содержанія. Не можемъ только не высказать сожалѣнія о томъ, что къ сочиненію не приложено указателя, который облегчилъ бы пользованіе имъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить желаніе и надежду, что почтенный авторъ, съ оставленіемъ службы въ сѣверо-западномъ краѣ, не прекратитъ своей литературной службы русскимъ интересамъ этого края и что не замедлятъ явиться слѣдующіе томы предпринятаго имъ обширнаго труда, обѣщающіе не меньшій, если не большій, интересъ сравнительно съ предыдущими томами, такъ какъ въ нихъ будетъ излагаться дѣятельность полонизма въ предѣлахъ Россіи и мѣры противъ него русскаго правительства.

Ѳ. Елеонскій.

НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

(*Повѣсть изъ еврейскаго быта*).

Окончаніе *).

ГЛАВА VIII.

Отверженная и обманутыя надежды.

Грустно было Динцѣ послѣ той страшной сцены, о которой мы говорили въ предидущей главѣ. Какъ тѣнь она бродила по своей комнатѣ съ утра до вечера и съ вечера до утра, не видя вокругъ себя ни одной живой души. Всѣ въ домѣ ее оставили: мать съ нею уже не говорила,— но отъ этого ей нисколько не было легче: первая цѣлый день сидѣла въ своемъ углу, прилежно изобрѣтала разнаго рода ужасающія проклятія и безустали сыпала ихъ на голову своей отверженной дочери. Отецъ боялся, или лучше, стыдился входить къ своей заключенной дочери и такимъ образомъ Динца нѣсколько дней была какъ подъ арестомъ. Повязку жемчуга сейчасъ у Ицихи выкупили, не скупясь на проценты, и просили ее сохранить тайну. Ициха, по обыкновенію, обѣщала, но въ тотъ же самый день всѣ въ городѣ говорили о Динцѣ. Скоро исторія о Динцѣ сдѣлалась предметомъ общихъ разговоровъ и бесѣдъ для старыхъ и молодыхъ. Разумѣется, что переходя изъ устъ въ уста, исторія эта неимовѣрно разрослась и совершенно измѣнила свое первоначальное содержаніе. Каждая старуха, каждый мальчикъ прилагалъ къ ней хоть маленькій, но за то ужъ очень интересный для слушателей, отрывочекъ; каждый снабжалъ ее особымъ толкованіемъ и вставлялъ въ нее свои замѣчанія. Тѣ старухи, которыя, благодаря своему длинному и ловкому языку—мастеру на подобнаго рода сплетни — пріобрѣли себѣ въ городѣ громадную извѣстность, начали теперь работать съ особеннымъ стараніемъ. Прошло нѣсколько дней и людскіе толки сдѣлали изъ Ицихи сваху Динцы, изъ повязки жемчуга—приданное, изъ вдовы—тещу, а другія, у которыхъ языкъ погибче, сдѣлали уже изъ нея и бабушку Динцы, изъ ея сына солдата—жениха или даже мужа. Сореле не могла и носа показать на улицѣ: всѣ ее утѣшали, но не съ намѣреніемъ утѣшать,

*) См. 4 кн. Вѣстника Зап. Россіи.

состра[illegible] съ[illegible]ъ [illegible]ично понимала [illegible] ута[illegible] та[illegible] ушла отъ всѣхъ старухъ и, слѣдовательно, это ремесло было ей очень хорошо знакомо. Для облегченія своего сердца, она вымѣщала гнѣвъ свой на Динцу. «Вотъ, смотри, извергъ, что ты надѣлала, кричала она къ своей дочери, стоя за дверью ея комнаты.» Выростила я змѣю ядовитую у своей груди! О, лучше бы тебѣ, маленькой, совсѣмъ бы тебѣ не родиться,—я бы до такого горя не дожила...» Динца все это слушала и молчала: человѣческія чувства имѣютъ предѣлъ, преступивъ который они становятся совершенно бездѣйственными, тупыми. Есть граница и чувствамъ радости, есть граница и чувствамъ страданій. Динца перешла уже границу послѣднихъ, уже не имѣла силы чувствовать, говорить, ни даже плакать. Всѣ человѣческія чувства были въ ней такъ жестоко ужалены, такъ глубоко поражены, что она дѣйствительно ничего уже не замѣчала, ничѣмъ не тревожилась, ничѣмъ не интересовалась, словно камень безчувственный. Такое положеніе Динцы продолжалось нѣсколько дней. Однажды панна Ядвига тайно (съ того дня, какъ Сореле узнала о сношеніяхъ дочери своей съ Ицихой, она не пускала Ядвиги въ свой домъ) пришла къ своей подругѣ. Она взялась утѣшать послѣднюю, но нисколько въ этомъ не успѣла: утѣшать могутъ только одни несчастные, злополучные страдальцы. Панна Ядвига, счастливая во всѣхъ отношеніяхъ, однимъ появленіемъ своимъ еще болѣе растравляла раны своей подруги—страдалицы, возбудила въ ея груди адскія муки, а своимъ утѣшеніемъ еще большія. Горько и тяжело было Динцѣ смотрѣть на свою подругу, на ея счастье, на ея довольство. Страшныя мысли проснулись въ ея давно успокоившейся груди. Мысли, которыя она до сихъ поръ мужественно отъ себя прогоняла,—мысли, которыя заставляли ее содрогаться всякій разъ, когда входили ей въ голову, появились теперь съ тройною силою, и довольно кстати. Динца была внѣ себя отъ тревоги и сомнѣнія. Она еще разъ отразила эти черныя мысли, отразила ихъ всею силою своей разсудительности, своего желѣзнаго терпѣнія, своей привязанности къ родителямъ. «Нѣтъ, подумала она, посмотрѣвъ на панну Ядвигу, которая теперь служила предметомъ раздраженія ея отравленныхъ чувствъ,—нѣтъ, не бывать этому», и рѣшилась на всегда покончить съ своею подругою,—которая до сихъ поръ была очень дорога ея сердцу. Вслѣдствіе

этого, она ее приняла очень холодно, говорила съ нею очень неохотно, хотя это стоило ей громадныхъ усилій. Ядвига ее поняла и съ больнымъ, уязвленнымъ сердцемъ убралась домой, а Динца была этому очень рада и стала придумывать средство, какъ избѣгнуть дальнѣйшій встрѣчи съ нею. Но скоро Динца убѣдилась, что это средство совершенно излишнее. Ядвига больше къ ней не появлялась. Съ этого времени только одна мысль занимала Динцу— мысль о бѣдной вдовѣ, о ея сынѣ. «Дай, Господи, чтобы труды ея не пропали даромъ, постоянно твердила она про себя: дай, Господи, чтобы его освободили; тогда я совершенно успокоюсь. Есть же, утѣшала она себя, на свѣтѣ правосудіе, есть справедливость, законъ; слезы бѣдныхъ вдовъ и сиротъ не пропадаютъ даромъ.» Динца еще очень мало жила и еще меньше знала свѣтъ и людей. Какъ мы говорили выше, Динца сдѣлалась равнодушна ко всему тому, что около нея происходило. Но одно только наполняло ея сердце огнемъ, одно только не давало ей успокоиться. Это мысль о старомъ своемъ отцѣ, котораго она особенно любила, и желанія котораго для нея были особенно дороги. Отецъ, въ свою очередь, также крѣпко любилъ ее и постоянно былъ ея защитникомъ предъ матерью, злою, сварливою и до безумія набожною бабой. Теперь же и онъ сдѣлался врагомъ ея—по крайней мѣрѣ такъ думала Динца. И за что? За то, что она дала 30 руб. бѣдной женщинѣ, которой для нея лишили всего счастья въ жизни. Однажды Сореле не была дома. День былъ на отходѣ. Динца, одна въ своей комнатѣ, сидѣла у раствореннаго окна и задумчиво глядѣла въ даль. Взоръ ея остановился на краю горизонта и она увидѣла на немъ нѣсколько облаковъ, огненный цвѣтъ которыхъ съ каждою минутою дѣлался страшнѣе и грознѣе. «Это адъ» прошептала про себя простодушная и наивная Динца. «Тамъ караютъ грѣшниковъ за бѣдныхъ сиротъ и вдовъ, которыхъ они мучили и угнетали...» О, за чѣмъ же ты, Господи, *имъ* такъ долго щадишь! За чѣмъ не караешь ихъ прежде, чѣмъ они успѣютъ пролить кровь невинныхъ! Или зачѣмъ такіе раждаются на Твой прекрасный свѣтъ, о Господи!...»

Въ это время отворилась дверь ея комнаты... въ продолженіе цѣлой недѣли ея никто, кромѣ Динцы, не отворялъ, а поэтому Динца теперь страшно испугалась и отскочила отъ своего мѣста... Возлѣ нея вдругъ очутился отецъ... «Батюшка! вскрикнула она

и опять замолчила, словно онѣмѣла. Она опустила голову на грудь, не смѣя прямо смотрѣть въ лице своему отцу, котораго она такъ горячо любила, и котораго она, хоть невольно, такъ много огорчила... «Нѣтъ, я еще не пропала, блеснула вдругъ у нея свѣтлая мысль, мое дѣло, еще не проиграно, если дорогой отецъ мой еще на моей сторонѣ...» съ этими мыслями она бросилась къ нему на шею и оба горько зарыдали...

— «Батюшка, за что это я страдаю? Говорила она не переставая плакать. Чѣмъ я согрѣшила, что мать такъ жестоко тиранитъ меня? Чѣмъ я согрѣшила?...

— Не плачь, Динчуню, не плачь, душенька, уговаривалъ ее старикъ, напрасно стараясь удержать свои слезы. Развѣ мать тебѣ чужая? Она твоя мать, ей, бѣдной, горько слушать злые толки...

— Но чѣмъ же я виновата? Что я тутъ сдѣлала худаго? Ты бы развѣ не такъ поступилъ? Если бы ты видѣлъ, какъ у бѣдной, больной вдовы отнимаютъ послѣднюю надежду жизни и все это для тебя, развѣ ты не сжалился бы надъ нею, не помогъ бы ей?...

— Ну довольно уже, сердце! Довольно плакать, теперь все кончено. Знай я это прежде, до того бы не дошло, а теперь уже все кончено, отъ партіи отказаться невозможно.

— Да, невозможно, а похищать у вдовъ единственныхъ сыновей можно!... И въ такомъ домѣ я должна буду жить! и тебѣ это все равно!...—Что же сдѣлать доченька! куда Богъ указываетъ туда надо идти.. Богъ того хочетъ!

— Богъ того хочетъ? И *ты* это говоришь?... Какъ?! Несчастіе Хайцы—вдовы отъ Бога?... Нѣтъ, отецъ, ты меня неубѣдишь въ этомъ! Богъ не терпитъ такихъ мерзостей. Его не обманутъ набожнымъ лицомъ, какъ обманываетъ васъ вѣфхъ ребъ Зорахъ, кровопійца!... Батюшка, вступись ты за меня, вырви меня изъ этихъ разбойничьихъ рукъ! Я не хочу къ ребъ Зораху, я боюсь его! Лучше мнѣ въ землю сойдти, чѣмъ идти въ его домъ! Я не хочу, чтобы вы потомъ оплакивали меня живую. Надѣнь на меня лучше смертное платье, чѣмъ вѣнчальное!.....

— Динчуню, мое сердце, моя душа, умолялъ ее отецъ, сжалься надо мною, перестань плакать, ты мнѣ сердце разрываешь, сокращаешь мнѣ жизнь! Что я могу сдѣлать? Все кончено!... Богъ такъ хотѣлъ, такъ надо повиноваться. Я бы всю свою жизнь отдалъ, что бы только помочь тебѣ... Но это уже невозможно!

Я ужъ самъ того не хотѣлъ, но что дѣлать! Ребе никакъ не позволяетъ: «нельзя, говоритъ, отказаться отъ этой партіи...

— Кто?! Ребе?! Какой ребе? Ребе у тебя дороже твоей дочери, твоей единственной дочери, твоей плоти и крови! Меня похоронитъ живую съ тѣмъ только, чтобы угодить Ребе?! Нѣтъ, отецъ, если Ребе неволитъ остаться при этой партіи, то онъ не Ребе, онъ нисколько нелучше ребъ Зораха—душегуба,—онъ самъ ребъ Зорахъ!...

— Что, что говоришь ты!? вспыхнулъ отецъ, задрожавши всѣмъ тѣломъ. Что говоришь ты, Дина?

— То, что ты отъ меня теперь слыхалъ, отвѣчала Динца смѣло. Я говорю, повторила она, что такой святой, такой цадикъ, какъ твой ребе, не долженъ былъ допускать такихъ мерзостей; а если онъ согласенъ на мою погибель, то онъ не лучше ребъ Зораха—злодѣя, онъ самъ также торгуетъ человѣческимъ мясомъ...

— Динке! крикнулъ отецъ у котораго уже лопнуло терпѣніе, и затопталъ ногами... Замолчишь-ли или нѣтъ? Динца хотѣла еще что-то сказать; отецъ это замѣтилъ, толкнулъ ее отъ себя и выбѣжалъ вонъ изъ комнаты...

Въ этотъ же самый вечеръ Сореле была у ребъ Зораха. Тамъ происходило серіозное засѣданіе. Сореле разсказала ребъ Зораху, что вдова отправилась въ губернію съ прошеніемъ къ начальству и съ деньгами. Слѣдствіемъ этого засѣданія было то, что въ тотъ же самый вечеръ въ губернію отправленъ былъ нарочной отъ ребъ Зораха.

Прошло съ того времени двѣ недѣли. Въ одинъ прекрасный, весенный день Динца вышла за городъ погулять въ маленькомъ кустарникѣ, который находился при самой шоссейной дорогѣ. Глубоко пораженная своимъ горемъ, одинокая, отвергнутая всѣми, сидѣла она подъ большимъ деревомъ и безсмысленно смотрѣла на дорогу. Долго она сидѣла и смотрѣла—ни одной живой души на ней не показалось. Вдругъ она издали замѣтила приближающагося человѣка, сгорбленнаго, съ сумой за плечами и костылемъ въ рукахъ... Она всмотрѣлась повнимательнѣе... «Хайца!» вскрикнула она по прошествіи минуты, и бросилась бѣжать къ ней.

— Да, Хайца, Хайца, это я, я одна, безъ Мойселе, нѣту Мойсея! Увели его далеко, далеко! За реба Зораха, за его сына, твоего жениха!.. Нѣтъ! видно, больная, бѣдная и старая вдова не смѣетъ имѣть сына! Что ты стоишь тутъ? Иди, иди скорѣе, иди и поздравь съ успѣхомъ своего тестя!!!..»

Такъ говорила вдова страшнымъ голосомъ, а потухшіе глаза ея горѣли пламенемъ. Она направилась къ городу, а Дина, молча, послѣдовала за нею.

ГЛАВА IX.

(Мщеніе).

Кто въ дѣтствѣ своемъ не наслушался отъ своихъ бабушекъ и нянюшекъ множества чудесныхъ и фантастическихъ сказокъ, о вѣдьмахъ, колдунахъ и колдуньяхъ, царевичахъ и царевнахъ, благодѣтельныхъ феяхъ и т. п.? Кто въ дѣтствѣ своемъ простодушно не удивлялся тому, что колдунья въ одинъ мигъ превращаетъ чувствительную нѣжную царевну въ хищного звѣря, въ безчувственный камень? Кто наконецъ, выросши, не смѣялся надъ этими превращеніями, не издѣвался надъ самимъ собою за то, что въ дѣтствѣ наивно вѣрилъ этимъ пустякамъ, принималъ ихъ за дѣйствительность? Но, несмотря на все это, человѣкъ и въ взрослыхъ лѣтахъ очень часто слушаетъ подобнаго рода сказки съ того только разницею, что ихъ не разсказываетъ бабушка или нянушка, а разсказываетъ горькая жизнь, подтверждая свои сказки многочисленными, безотрадными опытами. Какъ часто случается намъ видѣть, что человѣкъ самый чувствительный, самый добродѣтельный,—человѣкъ который не можетъ равнодушно смотрѣть на слезу, не можетъ равнодушно слушать малѣйшаго вздоха, благодаря жизни, обращается вдругъ въ камень, или въ лютого звѣря, дѣлается слѣпъ, глухъ и нѣмъ для страждующаго. Но человѣкъ, какъ добрый такъ и злой многое переиспытаетъ, многое перенесетъ, прежде чѣмъ въ немъ произойдетъ эта перемѣна. Человѣкъ истинно добрый и нравственный долгое время можетъ видѣть вокругъ себя низости, неблагодарности и притѣсненія, и долго все таки не ожесточится на жизнь и людей; въ немъ не отразу изсякнетъ врожденная ему доброта, врожденная нравственность; окружающая его нравственная грязь къ нему, сло-

ко, что и тамъ нѣтъ. Тоже бываетъ и съ человѣческимъ: иной, прежде дни и тогда онъ можетъ равнодушно видѣть кровавыя следы, слушать сердце раздирающіе стоны и оставаться холоднымъ и безучастнымъ. Но это только до времени. Часто одинъ эпизодъ жизни, одно слово подѣйствуетъ на человѣка такъ глубоко и сильно, произведетъ въ немъ такую перемѣну, какой не удалось произвести многолѣтнимъ стараніямъ добрыхъ людей: человѣкъ превращается въ дьявола, а дьяволъ въ человѣка. Въ человѣческомъ сердцѣ есть одна нить, къ которой, какъ бы прикрѣплены всѣ его чувства, есть одна струна, больше всѣхъ натянутая. Ударить по этой струнѣ слишкомъ сильно,—и она лопнетъ, и тогда—прости прежній человѣкъ!

Наша Динца много перетерпѣла, много переносила мукъ и страданій лютыхъ, адскихъ. Каждое страданіе, каждая происшедшая при ея глазахъ низость могла окончательно задавить въ ея сердцѣ всякое благородное чувство, заглушить ни чѣмъ еще не запятнанную ея совѣсть. Но на ея нѣжное и мягкое сердце ничего до сихъ поръ не производило такого вліянія. Она видѣла, что продаютъ ея молодость, ея надежды, продаютъ ихъ за ничто, хоронятъ ее живую... Но она молчала, хотя сердце ея каждую минуту неугасимый жегъ пламень. Но дошла очередь и до нея, и Динца наконецъ измѣнилась. Чувство новое сильнѣе прежнихъ, наконецъ взволновало всю ея молодую душу, одолѣло ее окончательно въ одну минуту... Динца однакожъ, скорѣе рѣшилась бы растерзать себѣ сердце собственными своими руками, чѣмъ огорчать своихъ родителей. Вообще—рѣдко найдти такую смирную и безмолвную жертву, какою бываетъ еврейская женщина, если только дѣло идетъ объ угожденіи родителямъ. Всю свою жизнь, все свое счастье она готова принести въ жертву родительской воли и никогда не захочетъ купить ихъ слишкомъ дорогою цѣною сопротивленія родителямъ. И наша Динца была-бы способна на такое самопожертвованіе, и она свыклась бы съ своимъ горемъ, какъ свыклись тысячи ея прочихъ сестеръ... Она сама бы очень хладнокровно смотрѣла, еслибъ то было возможно, какъ кладутъ ея молодую жизнь на погребальныя носилки, зарываютъ въ землю; она утѣшала бы себя тою мыслію, что она не первая и не послѣдняя, а родительской волѣ она не прекословила бы. Но мѣра страданій переполнилась, ея сердцу сообщенъ былъ новый, слишкомъ сильный

толчокъ... Хайца—вдова вернулась изъ губерніи, не достигнувъ своей цѣли, Мойсей пропалъ, мать ея сама этому содѣйствовала, отецъ все это зналъ и молчалъ—послѣдняя струна, наконецъ, лопнула,—Диница сдѣлалась другимъ человѣкомъ. Пламя, которое она такъ долго тушила и давила, вспыхнуло теперь съ исполинскою силою и зажгло все ея ретивое, всѣ ея чувства, которыя теперь сводились къ двумъ: непримиримой, вѣчной ненависти и кровавому мщенію... Или она съ тѣхъ поръ постоянно дышала, или она жила, или занималась денно и нощно...

— Нѣтъ довольно! говорила про себя Диница въ день свадьбы, утромъ, сидя, не одѣвшись, на постели въ своей комнатѣ, и закрывши себѣ лицо обѣими руками. Нѣтъ, довольно, довольно страдать!.. Сегодня, сегодня, а завтра уже будетъ поздно... Завтра я уже буду не своя... Завтра я уже принадлежу другому, а этотъ другой, бѣдный, ни въ чемъ невиноватъ. Нѣтъ, непремѣнно сегодня!... Безъ всякаго отлагательства!... Сегодня это совершится... Ужасно!... вскрикнула она вдругъ, бросилась съ постели и морозъ пробѣжалъ по ея изнуренному тѣлу. Ужасно! кричала она, дрожа, какъ будто пугаясь собственныхъ своихъ мыслей. Ужасно! однимъ взмахомъ, оторваться отъ отца, отъ матери, своего народа, своей вѣры... однимъ взмахомъ стереть всю свою прошедшую жизнь, и написать себѣ новую... Нѣтъ! не надо новой жизни!.. Не хочу ея. нехочу!... Довольно жить, пора умереть... лучше умереть! Умереть! нѣтъ, не хочу умереть!... Еще не время, еще мало я жила, мало страдала... Что значитъ умереть?!.. поплачутъ, да и забудутъ... Нѣтъ!... И Хайца—вдова желала - бы что бы сынъ ея лучше умеръ, но онъ живетъ, живетъ для свѣта, а умеръ для своей только бѣдной матери... Такъ и я сдѣлаю... буду жива для свѣта, а мертва для своихъ безжалостныхъ родителей и единовѣрцевъ... Каждый день буду умирать, а они будутъ меня оплакивать... Боже!.. Но чтожъ дѣлать?... Пусть Онъ меня накажетъ за это... Ничего, я сама себя достойно наказываю: мнѣ не будетъ лучше, меня будутъ преслѣдовать други и не други, даже тѣ, которые прежде уговаривали... Съ негодованіемъ и насмѣшкой будутъ указывать на меня пальцами, говоря: «вотъ идетъ прещенная...» Я буду у евреевъ нарочно печки топить, свѣчи зажигать, подсвѣчники снимать въ субботу... Прекрасно!... Родители будутъ это знать, будутъ адски страдать... прекрасно!... Это настоящее мщеніе, но-

торого я хочу... Этимъ я свою невинную кровь Хайцы... Да! Сегодня я покончу, сегодня безъ всякаго отлагательства!.. Теперь давай убраться пышно, красиво... Вѣдь, я сегодня невѣста... да невѣста!.. Поздравляю тебя невѣстой...» Диница еще сидѣла на постели, какъ въ ея комнату вошла мать и, не говоря ни слова, подала ей платье. Диница молча одѣлась.

Съ того времени, какъ Хайца—вдова вернулась изъ губерніи, она забилась въ своей темной хижинкѣ, и никогда оттуда не выходила. Тамъ сидѣла она цѣлые дни и ночи, валялась на землѣ,—держала неутѣшный долгій трауръ по своемъ единственномъ сынѣ. Къ ней никто не приходилъ: кому нужда въ бѣдной, беззащитной вдовѣ?! Только однажды утромъ къ ней вошла Диница, сѣла возлѣ нея на землю и вдоволь наплакалась. Вдова на нее и не взглянула. Диница не входила съ нею въ разговоръ, еще немного посидѣла, еще немного поплакала и отправилась домой, оставивши предъ уходомъ своимъ нѣсколько рублей на окнѣ. Вдова это замѣтила, схватила деньги, побѣжала за дѣвушкой и бросила ихъ на землю предъ ея глазами, не сказавъ ни слова. Съ того времени Диница никогда больше къ ней не приходила, понимая, что ея присутствіе только растравляетъ жгучія раны страждущей вдовы. Съ этого дня жажда мести загорѣлась въ ней сильнѣе, послѣ чего и послѣдовало ея рѣшеніе. Вдова, видно было, также на что-то уже рѣшилась.

Была мрачная не проглядная ночь; на небѣ не было ни луны, ни единой звѣздочки. Мрачно было и въ хижинѣ Хайцы—вдовы. У печки стояла Хайца и раздувала уголья: каждую минуту вспыхивало то синеватое, то красноватое пламя и мгновеннымъ свѣтомъ озаряло изнуренное лицо вдовы. Ужасна была вся ея наружность: лицо было искривленно, глаза сверкали дико, зубы стиснуты, руки дрожали и вся она тряслась, словно отъ лихорадки.» Мейшуню! гдѣ ты? простонала вдова внезапно такимъ дикимъ и страшнымъ голосомъ, что вся хижинка дрогнула и задребежали розбитыя стекла. Мейшуню—сердце, видишь, видишь, что дѣлаетъ твоя мать?!.. Мейшуню, не плачь!.. Горе твоей матери!.. Ой, сжальтесь надъ нимъ, добрые люди, сжальтесь, не обижайте его—онъ у меня одинъ, другого я не имѣю... И ты еще живешь Хайца!.. Ой-ой! вздохнула

она и начала кулаками бить себя по головѣ, по лицу, куда ни попало, начала щипать клоками свои сѣдые волосы. Ой, ой! это, Боже, видишь и молчишь!... Молчи, молчи видно, за старую вдову, ни кто не хочетъ заступиться!.. Съ этими словами она бросилась къ печкѣ, дрожащими руками загребла въ горшокъ горящіе уголья, спрятала его подъ передникъ и выбѣжала изъ комнаты... Безъ памяти пробѣжала она по всему предмѣстью, пробѣжала длинную, широкую улицу, пока не достигла дома ребъ Зораха. Тамъ она остановилась. Въ домѣ гремѣла веселая музыка, горѣло множество свѣчей, всѣ радовались, ликовали. Хайца нѣсколько минутъ еще стояла подъ окномъ, прислушивалась, всматривалась...

— Чтобъ васъ чортъ побралъ, раздался сзади ея чей-то голосъ. Что бы вы думали. Хайца! Это вы? Что вы тутъ дѣлаете? Мое имя не Ицко—пьяница, если я не принялъ васъ за *недобраго!* Вы пришли свадьбу смотрѣть? Да, кстати, что щенокъ вашъ? Ничего! Такимъ прекраснымъ отцомъ, какъ ребъ Зорахъ, стыдиться нечего! Что вы тутъ несете?.. Ступайте лучше въ комнату, да смотрите, а тутъ, что за мѣсто!» Хайца ничего не отвѣчала и мигомъ исчезла за домомъ. Домъ былъ деревянный, большой со множествомъ примыкавшихъ къ нему пристроекъ для склада соломы, сѣна и дровъ. Прошло еще нѣсколько минутъ въ домѣ сдѣлалось веселѣе, собралось множество гостей, убранныхъ по праздничному, жена ребъ Зораха была въ своей шелковой юбкѣ и съ рожкомъ на головѣ; готовились къ вѣнцу... Вдругъ поднялся страшный крикъ и шумъ, всѣ выбѣжали на улицу... домъ ребъ Зораха обхваченъ былъ со всѣхъ четырехъ сторонъ страшнымъ пламенемъ...

Въ домѣ ребъ Боруха Киновера въ это же время также произошла страшная суматоха: невѣста, въ одну минуту пропала, всѣ бросились ее искать, но нигдѣ ея не было.

ГЛАВА X.

(Всему конецъ).

Прошло два года. День былъ очень холодный и мокрый. Съ самаго ранняго утра хлопьями валилъ густой и не отвязчивый снѣгъ, который сердито хлесталъ каждому въ лице, будто противдуя на то, что въ такую суровую погоду рѣшаются выходить изъ

дому на улицу... «*Милостинья спасаетъ отъ смерти*» раздалось вдругъ на улицѣ. Согбенный, сгорбленный старичокъ, членъ *священнаго братства* (*хебра кадиша*, т. е. братства, занимающагося погребеніемъ усопшихъ) съ двумя лучинами подъ мышкой тащился впредъ, и показывалъ дорогу. За нимъ на погребальныхъ носилькахъ несли усопшаго; позади носилокъ слѣдовала густая толпа мужчинъ и женщинъ, между которыми вели подъ руку убивающуюся женщину, лѣтъ около пятидесяти. Погребальная процессія достигла уже *смертнаго мостика*, (такъ М-скіе евреи называли мостикъ, который былъ не подалеку отъ кладбища) Многіе изъ толпы умыли себѣ руки и отправились домой. Толпа все болѣе и болѣе стала рѣдѣть, такъ, что, когда достигли до кладбищнаго забора, за носильками слѣдовало только человѣкъ десять, не болѣе. Пока присутствующіе помолились за душу почившаго, могильщики приготовились къ исполненію своего долга. Чрезъ часъ мертвое тѣло опустили въ землю, покрыли гробъ досками, засыпали землею, приколотили лопатами и заступами и, помолившись, разбрелись по домамъ, не исключая и могильщиковъ. Послѣдніе послѣ похоронъ, побѣжали въ сосѣдній шинокъ, чтобы залить *тяжелую сцену*, которая имъ однако нисколько не была тяжелою такъ, какъ она имъ была не въ рѣдкость. Могильщики на похоронахъ, что сваха на свадьбѣ, но сами могильщики утверждаютъ, что имъ бы ужъ давно съ ума сойти, благодаря своему печальному ремеслу, если бы не водка, эта благодѣтельная водка, которую они всегда призываютъ къ себѣ на помощъ противъ неизбѣжной меланхоліи. И такъ, они пошли въ шинокъ, выпили по доброй чаркѣ, закусили кренделями и селедками, и самодовольные также разбрелись по домамъ, забывъ уже тяжелую сцену. На кладбищѣ уже никого не было. Снѣгъ изо всѣхъ силъ сталъ работать надъ вновь насыпаннымъ бугромъ, такъ, что чрезъ полчаса свѣжая могила уже покрылась толстымъ слоемъ снѣга и только маленькая еловая вѣточка, которую плачущая женщина, какъ видно, жена усопшаго, поставила въ рыхлый гробовой песокъ для знака, гдѣ лежалъ человѣкъ, недалѣе, какъ три дня тому назадъ находившійхся въ живыхъ. Когда совсѣмъ смерклось и на кладбищѣ уже живой души не было, къ кладбищному забору тихо подошла молодая, бѣдная женщина, нѣсколько разъ робко оглядывалась вокругъ, потомъ, украдкою забравшись на кладбище, начала блу-

ждать по немъ будто что-то отыскивая, и чрезъ нѣсколько минутъ остановилась предъ свѣжею могилою. Долгое время она стояла, не трогаясь съ мѣста, но вдругъ, съ страшнымъ стономъ и воплемъ бросилась на землю....

«Папенька, дорогой папенька! Даже отплакивать тебя не имѣю права, я несчастная! Папенька, продолжала она, прижавшись лицомъ къ самой землѣ, я твой убійца, я причина твоей преждевременной смерти! Долго она лежала, горько рыдая, и кровавыя слезы ея, казалось, проникали, сквозь мягкій снѣгъ и свѣжій песокъ, прямо на грудь усопшаго отца ея. Наконецъ она разомъ двинулась съ могилы, еще нѣсколько минутъ простояла и ушла тихо, тою же дорогою, какою пришла. Задними переулками она пробродила весь городокъ и вошла въ хижину Хайцы—вдовы. Тамъ она засвѣтила за упокой души усопшаго лампадку, и мы узнали въ ней нашу Динцу... Но, какъ она измѣнилась!.. Иссохшая, какъ соломинька, блѣдная, словно мертвецъ, сгорбленная, изломанная, она на прежнюю Динцу нисколько уже не похожа. Одни только глаза ея напоминяютъ прежнюю красоту... Одни только глаза горятъ еще пламенемъ, еще большимъ и сильнѣйшимъ пламенемъ.

Что пережила Динца въ эти два года очень ясно можно догадаться, взглянувши на ея лицо, чахлое, исхудалое. На лицѣ ея вся ея исторія написана крупными, кровавыми буквами. Послѣ той страшной ночи, когда Динца бѣжала изъ родительскаго дому, старая Забрудовская тайкомъ перевезла ее въ одну близкую деревню къ знакомому ксендзу. На другой день утромъ въ городѣ произошла страшная тревога, поднялся крикъ и шумъ; отецъ, мать и всѣ родственники Динцы разсыпались по улицамъ, по сосѣднимъ деревнямъ и бросились искать ее. Искали слишкомъ два дня, но нигдѣ ея не нашли. На третій день панна Ядвига, которая долгое время не видѣла своей подруги, и которая понимала, настоящую причину событія, пошла къ родителямъ Динцы и открыла имъ все. Тутъ начались извѣстныя уже каждому сцены, сцены, которыми обыкновенно сопровождаются такія явленія: отецъ и мать, обливаясь слезами, каждый день бѣгали къ ксендзу, но ихъ къ нему не доспускали, а Динцу начали перевозить съ одного мѣста на другое. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Отцу, наконецъ, таки удалось добиться личнаго свиданія съ своею дочерью. Изнуренное отъ скорби лицо и горючіе слезы стараго отца, распростер-

того въ прахъ предъ ногами своей любимой дочери, хотя тронули Динцу, но не на долго: она рѣшительно отказала отцу и просила ксендза избавить ее отъ его присутствія. Легче воскресить мертваго, чѣмъ избавить человѣка отъ рукъ католическаго ксендза: разъ попался къ нему въ сѣти, такъ ужъ вырваться не надѣйся! Его сѣть все болѣе и болѣе опутываетъ жертву. Ксендзъ и старая пани знали, чѣмъ удерживать свою добычу: въ яркихъ красках они обрисовали предъ Динцей картину ея будущаго, если она снова обратится къ своему прошедшему. «Что тебя ожидаетъ? говорили они ей. Адъ на семъ свѣтѣ, гораздо лютѣйшій чѣмъ на томъ. Вспомни... брань, упреки, колкіе взгляды, мученья и только!» Динца съ ними согласилась, рѣшила, что разъ преступивши границу, не надобно идти назадь, и чрезъ недѣлю она получила уже новое имя, а пани Забрудовская, полное отпущеніе грѣховъ, не только прошедшихъ, но и будущихъ.

Динца достигнула своей цѣли. Надо сознаться, что изъ всѣхъ переступающихъ такую границу, только не многіе имѣютъ цѣль чисто-религіозную, богоугодную,—у большинства—цѣли внѣшнія: одни рѣшаются на перемѣну вѣры единственно для того, чтобы прожить вѣкъ свой въ богатствѣ, въ чести, въ уваженіи, въ спокойствіи; другіе для того, чтобы достать себѣ кусокъ хлѣба, третіи наконецъ, для того, чтобы избавиться отъ страданія. Динца же, наоборотъ, сдѣлала этотъ шагъ для того именно, чтобы страдать, чтобы было ей больше страданій, чтобы страданія эти были ядовитѣе, смертельнѣе для ея юнаго сердца. Этимъ она думала успокоить свою взволнованную совѣсть, днемъ и ночью упрекавшую ее за Хайцу-вдову, за ея единственнаго сына, противъ которыхъ она ничѣмъ, однако, не согрѣшила. Страдать, было единственною ея цѣлью въ этой измѣнѣ, и она нисколько не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ. Съ самаго перваго дня ея перерожденія начался для нея тотъ адъ, который и представили ей ксендзъ и пани Забрудовская. Старая пани хотѣла дать ей платье, деньги, но Динца, отвергнула ихъ съ презрѣніемъ. Этимъ хотятъ вознаградить меня за отца, за мать, за народъ, за все что было дорого моему сердцу. Нѣтъ, продать ихъ я не рѣшусь ни за что въ свѣтѣ. Панна Ядвига перемѣнилась въ отношеніи къ своей подругѣ. Послѣдняя, въ свою очередь, также избѣгала всякой съ нею встрѣчи. Какъ видно,

Динца очень хорошо себя понимала: «я не достойна ея» думала Динца; мой поступокъ, можетъ быть ей не нравится. Бѣдная, безъ всякой помощи, отвергнутая всѣми, она должна была начать свой новый тернистый путь. На первый разъ она вступила въ работницы къ одной прачкѣ и съ трудомъ добывала себѣ насущный кусокъ черпаго хлѣба, въ которомъ она, однако, чувствовала значительный недостатокъ. Переносила голодъ, холодъ, тысячу всякихъ другихъ непріятностей и страданій, и все это не вызывало на ея устахъ ни малѣйшаго ропота. Напротивъ: новыя страданія ее душевно радовали: «я страдаю, думала она, я страдаю, но за то я достигла своей цѣли!» Такое положеніе ея тянулось уже долгое время...

Но тяжкое иго страданій, тяготѣвшее надъ бѣдною Динцею, какъ видно, было еще слишкомъ легкое; горькая чаша страдальческой жизни, которую она въ одинъ годъ успѣла выпить всю до дна какъ видно, была еще слишкомъ сладкою. Наступили новыя тревоги и муки, чтобы окончательно низложить, окончательно доконать бѣдную дѣвицу. Наступило раскаяніе!... Раскаяніе—этотъ грознѣйшій бичь небесъ, эта лютѣйшая кара, какую только можно себѣ представить; это ядовитыя змѣи, гнѣздящіяся во внутренности своей жертвы и точащія его денно и ночно, во снѣ и на яву. Отъ раскаянія некуда скрыться, некуда уйдти. Нельзя забыть о немъ ни на минуту. Рану за раною, язву за язвою сообщаетъ оно человѣку, который ищетъ минувшаго, старается воротить невозвратное, воскресить имъ же давно похороненное. Минувшее стоитъ у него всегда предъ глазами: «вотъ оно, это погибшее, вотъ оно—дай, возьму его обратно... но нѣтъ! Его обратно не возметъ человѣкъ.. Такое именно раскаяніе почувствовала наша Динца... Видно, это-то и есть настоящее мое наказаніе; сказала Динца самой себѣ, какъ только его почувствовала. Хорошо, я и это перенесу твердо.» Но она ошиблась: раскаяніе слишкомъ сильно для того, чтобы противъ него устояла человѣческая натура. Для Динцы, для ея мягкой натуры, это было еще болѣе невозможно, и скоро она въ этомъ убѣдилась. Перемѣнивъ вѣру не по убѣжденію, а изъ отчаянія, случайно, она не нашла въ христіанствѣ того успокоенія, того утѣшенія въ отчаяніи, которое находятъ другіе. Какъ ужаленная начала она бѣгать сюда и туда, но нигдѣ не находила покоя, нигдѣ не находила мѣста. *Еврей, синагога, суббота, празд-

никъ, отецъ, мать, все это стояло ей предъ глазами и не давало ей покою. Одинъ разъ, она уже рѣшилась было оставить городъ, и ушла въ одну далекую деревню. «А вось тамъ успокоюсь, думала она, но словно арканомъ тянуло ее назадъ, къ ея страданіямъ, къ ея мукамъ.» Боже мой, кричала она, что отдѣляетъ меня отъ моего прошедшаго! Какъ далеко между мною и имъ! Отчего же не взять его обратно?.. Злой духъ, какъ бы ей въ огорченіе и въ насмѣшку, постоянно представлялъ предъ нею ея погибшую жизнь, рисовалъ ее самыми очаровательными и заманчивыми красками, и отъ этого еще темнѣе представлялась ей жизненная даль, еще грознѣе казалось ей ея будущее. И такія страданія продолжались уже два года!...

По цѣлымъ часамъ ежедневно стояла Динца подъ окнами родительскаго дома, надѣясь хоть украдкою взглянуть на отца, на мать, хоть разъ услышать ихъ голосъ, но напрасно: ей никогда это не удавалось, и она съ истерзанной душою возвращалась домой. Ее не могла остановить самая суровая погода: ее обливалъ дождь, засыпалъ снѣгъ, морозъ пробиралъ ея изсохшія кости; но она все стояла и ожидала. Однажды, въ сумерки, она, по своему обыкновенію, стояла подъ окошкомъ, облокотившись головою о стѣну... Вдругъ вышелъ отецъ... Взглянувъ на нее, онъ поблѣднѣлъ, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и безъ оглядки побѣжалъ, самъ не зная, куда. Динца начала бить головой о стѣну и также побѣжала. Но Небо услышало, наконецъ, стенанія бѣдной дѣвицы, узрѣло ея страданія и слезы. Холодъ, голодъ, мокрота и другія страданія физическія и душевныя произвели наконецъ свое дѣйствіе и привели Динцу къ страшной болѣзни, исходъ которой могила. Это была чахотка. Динца запрыгала отъ радости, когда докторъ объявилъ ей о ея опасной болѣзни. «Наконецъ-то! проговорила она про себя, наконецъ—то я успокоюсь!...» Всякая капля крови, которую она извергала, ставила ее ближе къ смерти, и Динца душевно тому радовалась...

Однажды Динца стирала бѣлье въ домѣ одного доктора. Стоя за работой, она услыхала чей-то знакомый голосъ: ея мать пришла звать доктора къ своему больному мужу. Узнавъ голосъ своей матери, Динца бросила работу и безъ памяти побѣжала къ родительскому дому, на свое обыкновенное мѣсто. Тамъ она узнала, что отецъ ея очень боленъ, и съ того времени она каждую ночь лежа-

ла на дворѣ, возлѣ окошка, выходившаго изъ отцовской спальни, прислушивалась ко всякому вздоху его, ко всякому слову. Войти въ домъ она не рѣшалась, боясь отравить послѣднія минуты жизни отца. Сквозь окошко Динца замѣтила, какъ въ спальню заранѣе уже вошли могильщики, и сердце у нея болѣзненно сжалось. Она плотно прижалась къ окошку, чтобы хоть, что нибудь услышать отъ умирающаго. «Можетъ быть, думала она про себя, онъ вспомнитъ мое имя, можетъ быть онъ меня проститъ.» Наконецъ, приблизился смертный часъ: у больного отяжелѣлъ языкъ, смерть летала уже надъ изголовьемъ. «Динчуню, моя дочь, простоналъ больной, быть можетъ чуявшій душою, что дочь его слышитъ,—Динчуню! я прощаю тебя!... Динца это услыхала и гора свалилась съ плечъ ея...

«Теперь довольно, сказала она себѣ, теперь я тоже могу уже спокойно умереть!» Съ этими словами она пошла домой. Что было съ нею послѣ той ночи, мы уже знаемъ изъ начала главы. Вернувшись вечеромъ того дня съ кладбища, Динца легла отдохнуть на свое ложе, которое состояло изъ связки, разостланной по землѣ соломы; но цѣлую ночь она не могла уснуть. Вчерашній день не давалъ ей покоя, и она усердно благодарила Бога, когда ночь, наконецъ, прекратилась...

На другой день утромъ Динца встала очень рано, и направилась прямо къ предмѣстью, туда, гдѣ стоялъ прежде домъ ребе Зераха. Тамъ при городской тюрмѣ, собралось множество народа. Отправляли нѣсколько арестантовъ, которые цѣпями были прикованы одинъ къ другому. Между ними, скованная по рукамъ и по ногамъ, въ сермягѣ, съ желтымъ четыреугольникомъ на спинѣ, сгорбленная, опираясь на свой неизмѣнный костыль, стояла Хайца вдова... Дѣло было вотъ какъ: на другой день послѣ пожара, къ Хайцѣ-вдовѣ пришелъ Ицке-ловецъ и потребовалъ отъ нея денегъ. «Не бойся, говорилъ онъ, я все знаю,— я вчера тамъ видѣлъ тебя, вѣдьму.» Хайца вмѣсто отвѣта, угостила его кочергою по плѣшивой головѣ, а сама сейчасъ же побѣжала въ полицію и объявила о своемъ преступленіи. Ея собственное признаніе и ея старость спасли ее отъ позорнаго наказанія на эшафотѣ: ее осудили на семилѣтнюю каторжною работу, и вотъ она отправляется вмѣстѣ съ другими арестантами въ далекій путь. Во все время ея заключенія, Динца носила ей скудную пищу и дѣлилась съ нею послѣднимъ кускомъ хлѣба. Теперь она пришла съ нею проститься. «На семъ

свѣтѣ довольно намъ быть вмѣстѣ, сказала Хайца, крѣпко обнимая ее, авось на томъ еще разъ!» Динца кивнула головою въ знакъ согласія и обѣ онѣ сдержали свое слово: Хайца скончалась на дорогѣ, а Динца—съ появленіемъ весеннихъ цвѣтовъ... За ея гробомъ слѣдовала только панна Ядвига.

Заключеніе.

Что подѣлываютъ остальные наши знакомые? Сореле почти свои глаза выплакала, разъѣзживаетъ по цадикамъ и молится день и ночь, ища духовнаго утѣшенія. Ицке-ловецъ все еще панствуетъ, а во время рекрутскихъ наборовъ важничаетъ. Ребъ Залменъ Ошкесъ все еще тотъ же самый неутомимый сватъ, и еще недавно задумалъ сосватать Сореле за какого то стараго вдовца. Говорятъ, что дѣло подходитъ къ успѣху. Ребъ Зорахъ все еще тотъ же самый *честный* еврей, пожалуй, еще болѣе честный. Онъ женилъ своего сына выгодно: невѣста происходитъ изъ такого рода, въ которомъ, какъ говорятъ, почти всѣ дѣлали *истуканы*. Домъ у него теперь гораздо лучше, больше и красивѣе прежняго, сгорѣвшаго. И не удивительно: со времени пожара въ М. были уже два рекрутскихъ набора, которые и сколотили ребъ Зораху это новое, роскошное жилье. Недавно невѣстка ребъ Зораха подарила ему внука, и его на второй же день записали габаемъ въ большой синагогѣ.

К. В. Скурховичъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЕ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА О ПОЧИВШЕМЪ МИТРОПОЛИТѢ ІОСИФѢ СѢМАШКО.

Онъ (Сѣмашко) такъ горячо трудился, надъ науками (въ главн. семинаріи), что св. римско-католическую церковь или вознесетъ на высочайшую степень, или силою своей превратной науки совершенно ниспровергнетъ ее въ Россіи. (Слова профессора Ходани, Wspomnienia narodowe. Paryż 1861 стр. 167).

Двадцать третьяго мая, литовская паства совершала полугодичное молебственное поминовеніе по въ Бозѣ почившемъ

митрополитъ Іосифъ Сѣмашко. Полгода прошло, какъ угасъ этотъ свѣтильникъ православія. Его отшествіе ко Господу было предметомъ многихъ и тревожныхъ нашихъ думъ; мы такъ привыкли къ нему, что его смерть показалась чѣмъ то роковымъ для насъ. Но Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ и умныхъ людей. Богу угодно было воззвать къ себѣ одного историческаго дѣятеля для того, чтобы уступить мѣсто другому—достойнѣйшему продолжателю его дѣла. Вѣримъ и надѣемся, что Господь не оставитъ насъ и мы подъ опытнымъ руководствомъ новаго архипастыря будемъ продолжать свое дѣло съ тою же энергіею, и съ тѣми же благими послѣдствіями.

Смерть покойнаго митрополита была предметомъ воспоминаній изъ его жизни и его разностороннихъ отношеній къ людямъ, и по преимуществу къ учащемуся духовному юношеству. Въ послѣдней средѣ онъ всегда являлся истинно любимымъ и любящимъ отцемъ. Обстановка и судьба воспитывающагося юношества была всегдашнимъ предметомъ его заботливости. «Не какъ ли отецъ вашъ, говорилъ онъ однажды съ церковной каѳедры воспитанникамъ семинаріи, заботился я объ устройствѣ для васъ многочисленныхъ пріютовъ духовнаго просвѣщенія? Не какъ ли отецъ, призрѣвалъ въ нихъ особенно сиротъ и неимущихъ? Не какъ ли отецъ, радѣлъ я о возможномъ для васъ удобствѣ, при всей ограниченности прежнихъ средствъ содержанія? Не какъ ли отецъ, старался я доставить вамъ достойнѣйшихъ наставниковъ? Не какъ ли отецъ, заботился я обезпечивать участь оканчивавшихъ ученіе соотвѣтственно достоинству каждаго, безъ всякаго лицепріятія?» Эти то проявленія отеческой заботливости почившаго владыки болѣе всего присущи нашей памяти, и мы, что помнимъ, передаемъ печати. Покойный митрополитъ пользовался такимъ преимуществомъ, относительно епархіи, какое чрезвычайно рѣдко бываетъ удѣломъ нынѣшнихъ архипастырей—именно онъ около 30 лѣтъ управлялъ литовскою епархіей: такое долговременное служеніе на одномъ и томъже мѣстѣ—прибавимъ къ тому—и годы его образованія, проведенные тоже въ Вильнѣ, въ кругу товарищей изъ разныхъ мѣстностей края, помогли ему изучить епархію во всѣхъ подробностяхъ. Онъ зналъ образъ мыслей, дѣятельность и пове-

деніе каждаго священника лично, зналъ его отца и дѣда, если не лично, то по разсказамъ другихъ; а потому при посѣщеніи семинаріи, при спросахъ и разговорахъ съ воспитанниками, онъ любилъ вспоминать объ отцахъ ихъ и дѣдахъ. «Ну старайся, братецъ, говорилъ онъ одному ученику: твой отецъ у меня хорошій священникъ; я его люблю и уважаю; смотри и ты будь таковъ». При этомъ владыка долго и внимательно смотрѣлъ на ученика. «А тебя отецъ твой строго держитъ»? спрашивалъ онъ другаго. «Нѣтъ—не строго,» былъ отвѣтъ. «Ну—пользуйся его добротою, а то вашъ дѣдъ былъ человѣкъ строгій, хорошо держалъ и воспитывалъ сыновей, и вывелъ ихъ въ люди». Иной разъ владыка входилъ въ малѣйшія подробности семейной жизни; зналъ напр., какая священница особенно любила чѣмъ заниматься въ хозяйствѣ! Зная характеръ родителей, владыка внимательно слѣдилъ за поведеніемъ дѣтей—учениковъ, часто распрашивалъ у начальства о поведеніи и прилежаніи ихъ и при посѣщеніи семинаріи непремѣнно справлялся о нихъ, спрашивалъ уроки, спрашивалъ о поведеніи и, въ случаѣ неодобрительнаго отзыва, отечески вразумлялъ виновнаго; при этомъ онъ всегда напоминалъ о родителяхъ. Если и родители провинившагося тоже были извѣстны съ невыгодной стороны, то владыка приказывалъ внимательно слѣдить за нимъ. Владыка былъ врагъ исключеній изъ училищъ: онъ внушалъ начальству всѣми силами заботиться объ исправленіи попавшихъ въ третій разрядъ и поддерживать ихъ. Малоуспѣшныхъ по неразвитости онъ почти всегда оставлялъ въ томъ же классѣ: на другихъ же указывалъ, какъ на могущихъ хорошо учиться, потому что отцы ихъ люди способные. Благодаря такому такту, многіе были спасены отъ незавидной доли исключеннаго, и теперь съ честью служатъ въ качествѣ священниковъ. Иногда онъ являлся въ семинарію въ грозномъ видѣ—это когда происходили въ ней какія либо выходки со стороны учениковъ; въ это время невольный страхъ нападалъ на всѣхъ—даже учащихъ. Вразумивши учениковъ и наказавши виновныхъ, онъ не оставлялъ безъ наставленія и начальствующихъ, внушая имъ не оскорблять личности учащихся. Къ концу своего посѣщенія онъ

становился такимъ же добрымъ и любящимъ отцемъ, какъ и въ другое время, и громогласное «исполла» было отвѣтомъ воспитанниковъ на его наставленія. Нерѣдко онъ являлся въ семинаріи вечеромъ, совсѣмъ неожиданно; при этомъ часто садился на ученическій стулъ, спрашивалъ уроки, или же что-либо изъ прочитаннаго: при этомъ серіозно слѣдилъ за логической стороной отвѣта и за тѣмъ указывалъ, какъ надо отвѣчать, какъ надо учить, чтобы это ученіе не было похоже на зазубриванье. Онъ, впрочемъ, любилъ всегда бойкіе, но толковые отвѣты.

Покойный владыка не малое вниманіе обратилъ на преподававшіеся въ то время предметы медицину и сельское хозяйство. Въ изученіи первой онъ видѣлъ ту пользу, что священникъ, по своему положенію среди народа, можетъ быть лучшимъ лекаремъ въ незначительныхъ болѣзняхъ и своими совѣтами удержитъ крестьянъ отъ исканія помощи у жидовъ и знахарей. А сельское хозяйство онъ самъ любилъ и желалъ, чтобы и священники занимались имъ; этимъ онъ думалъ болѣе привязать ихъ къ мѣстамъ служенія и внести кое-что новое въ сферу сельско-хозяйской жизни. Однимъ словомъ, онъ желалъ, чтобы священникъ былъ первый и лучшій человѣкъ въ приходѣ. Такъ называемые публичные экзамены, бывшіе всегда въ іюлѣ мѣсяцѣ, онъ всегда оканчивалъ наставленіемъ, чтобы во время вакацій ученики помогали въ хозяйствѣ своимъ родителямъ. «Я и самъ возилъ снопы» «о ректоръ, говорилъ съ улыбкой разъ владыка, вы не давайте благословенія тѣмъ, у которыхъ по пріѣздѣ въ Вильну будутъ бѣлые руки, это лѣнтяи, а благословляйте тѣхъ, у которыхъ руки загорѣли отъ солнца, они, видно, трудились. Дѣти не забудьте— трудитесь, заканчивалъ онъ. Слово „дѣти" какъ-то особенно звучало въ его устахъ, и единодушное „будемъ" и „исполла" было отвѣтомъ.

Любовь владыки къ сельской обстановкѣ священника такъ была велика, что онъ у себя, въ загородномъ домѣ, въ саду устроилъ хижину, наподобіе той, въ которой провелъ свою молодость. Это—чистый сколокъ малорусской избы. Разъ въ году владыка дѣлалъ на свой счетъ рекреацію ученикамъ семинаріи и училищъ.

Гулянье происходило въ Триноподѣ, загородномъ домѣ, куда ученики являлись въ 9 часовъ утра и возвращались домой въ 10—11 часовъ вечера. Съ 9-ти до 3-хъ часовъ дозволялось посѣщать знаменитые Верки; пользоваться тамошними качелями, осмотромъ дворца и оранжерей и т. п. Затѣмъ въ три часа собирались всѣ въ домъ владыки, гдѣ было угощеніе. Ученикамъ богословія былъ даже чай. Затѣмъ ученики посѣщали садъ, гдѣ, раздѣлившись на нѣсколько группъ, пѣли пѣсни, играли и т. п.,—самъ владыка являлся тутъ же, однимъ словомъ всѣмъ было весело и хорошо.

Владыка внимательно слѣдилъ за судьбою кончившихъ курсъ семинаріи и радовался, когда они вели свое дѣло хорошо. При личномъ съ ними свиданіи онъ высказывалъ имъ свою благодарность; припоминая при этомъ, какъ кто изъ нихъ велъ себя въ семинаріи, какъ отвѣчалъ на экзаменахъ, и обѣщалъ всегда помнить о нихъ. Старцевъ-священниковъ онъ тоже любилъ и защищалъ. Однажды, въ послѣднее время было указано ему на одного 70-ти-лѣтняго священника, говорившаго у себя дома по польски. Владыка просилъ оставлять его въ покоѣ, указывая на то, что его дни недолги, а между тѣмъ и онъ когда-то оказалъ большую услугу тѣмъ, что самъ принялъ православіе и мирно ввелъ его въ своемъ приходѣ. Въ одной нагдробной рѣчи было сказано, что владыка понималъ смыслъ жизни и угадывалъ ея теченіе. Дѣйствительно, онъ былъ чутокъ къ готовящимся въ краѣ событіямъ. Когда въ 1861 году стали угошать поляки нашихъ священниковъ разнаго рода письмами и прокламаціями и духовенство нуждалось въ совѣтѣ и укрѣпленіи, вдругъ явилось окружное посланіе владыки, которое произвело самое благопріятное дѣйствіе на духовенство. Еще болѣе возмутила его прокламація, которая появилась въ стѣнахъ самой семинаріи. Владыка тотчасъ же явился въ семинаріи. Говорятъ, что въ эту минуту онъ былъ величественъ; его слова были такъ сильны и могучи, что тотчасъ успокоили оскорбленныхъ проклямаціею учениковъ, которые тутъ же рѣшились написать свое мнѣніе по этому поводу. Въ свое время эти мнѣнія были напечатаны въ «Епарх. Вѣдомостяхъ».

Покойный владыка всегда заботился не мало о судьбѣ сиротъ и оканчивавшихъ курсъ ученія. Желая казенное содержаніе въ семинаріи и училищахъ доставить нуждающимся и достойнымъ, онъ велѣлъ представлять ему ежегодно въ маѣ вѣдомость о требущихъ казеннаго содержанія. Вѣдомость эта составлялась на основаніи представленій благочинныхъ и частныхъ прошеній. Самъ митрополитъ внимательно просматривалъ эту вѣдомость, сообразуясь съ извѣстнымъ ему состояніямъ и дѣятельностію отцовъ, и полагалъ или свое согласіе или отказъ. Оканчивавшимъ курсъ обыкновенно сообщались изъ канцеляріи свѣдѣнія о вакантныхъ мѣстахъ. Кандидаты священства выбирали себѣ то или другое мѣсто, которое владыка утверждалъ или не утверждалъ за ними, смотря по ихъ поведенію и успѣхамъ. Онъ сердечно любилъ своихъ семинаристовъ и отъ нихъ ожидалъ всегда, больше чѣмъ отъ другихъ. Только недостатокъ своихъ кандидатовъ заставлялъ его принимать окончившихъ курсъ семинарскаго обученія въ другихъ епархіяхъ.

Наше духовенство съ непритворною скорбію слѣдило за развитіемъ его болѣзни, и многіе священники бывали въ Вильнѣ за тѣмъ только, чтобы принять отъ него благословеніе. Смерть митрополита вызвала непритвореныя слезы, и многіе, очень многіе глубоко сожалѣли, что не были извѣщены въ свое время о кончинѣ въ Бозѣ почившаго владыки.

(*Вилен. Вѣст.*).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НЕДАВНО ВЫШЕДШЕЙ КНИГѢ.

Verba Veritatis, czyli Słowo podolanina do moich współbraci Polaków, mieszkaiących w zachodnich guberniach C. R. Кіевъ. 1868 года. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к. Съ требованіями книги обращаться слѣдуетъ въ Кіевъ въ кн. магазинъ С. Литова.

Кто болѣе или менѣе знакомъ съ польской литературой, тотъ хорошо знаетъ, какъ между поляками трудно находить вполнѣ честныхъ и безпристрастныхъ изслѣдователей своей исторіи, правдивыхъ и искреннихъ приверженцевъ истины. Но вовсе не такова по своему характеру недавно вышедшая въ Кіевѣ

на польскомъ языкѣ книга *„Слова правды, или слово подолянина къ моимъ собратьямъ полякамъ, живущимъ въ западныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи.“* Это сочиненіе, хотя тоже вышло изъ-подъ пера неизвѣстнаго писателя польскаго, но тѣмъ не менѣе составляетъ одно изъ немногихъ исключеній въ ряду историческихъ произведеній польской литературы; оно написано съ замѣчательнымъ тактомъ историческаго безпристрастія и истины, и притомъ затрогиваетъ нѣкоторые весьма важные вопросы, до которыхъ, можно сказать, такъ смѣло еще не касался никто изъ поляковъ. Книга Verba Veritatis предполагаетъ себѣ одну главную задачу—дать своимъ читателямъ-полякамъ какъ можно яснѣе и убѣдительнѣе понять, въ чемъ заключаются тѣ причины, которыя привели Польшу къ окончательному паденію, и чѣмъ въ настоящее время поляки могутъ исправить ошибки своихъ предковъ и всего лучше устроить свою будущность. Вотъ цѣль этого сочиненія! Содержаніе книги соотвѣтствуетъ ея цѣли. Авторъ начинаетъ свою рѣчь съ папъ и доказываетъ, что они съ своими служителями были главными виновниками политическихъ бѣдствій и неустройствъ для всѣхъ почти народовъ западной Европы. Польша связала свою судьбу съ папствомъ; естественно, что и на ней должно было скоро отразиться неблагопріятное вліяніе папства. Авторъ указываетъ рядъ самыхъ важнѣйшихъ событій, начиная отъ соединенія Литвы съ Русью и оканчивая церковною уніею, изъ которыхъ всѣ, а въ особенности это послѣднее привело подвластный народъ Польшѣ въ самое горькое и плачевное положеніе. Здѣсь видимъ крестоносцевъ, ливонцевъ, іезуитовъ, вообще все римско-католическое духовенство съ ихъ самымъ враждебнымъ отношеніемъ къ православной русской церкви и другимъ народностямъ тогдашней Польши; они ведутъ во все это время самую ожесточенную и фанатическую борьбу съ иновѣрнымъ народомъ подвластнымъ Польшѣ, съ цѣлію совратить его въ латинство, и тѣмъ самымъ безсознательно для себя подрываютъ существованіе польскаго государства. Кромѣ того, и сами еще поляки съ своей стороны, замѣчаетъ авторъ, не мало приготовили зла своему отечеству. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Польшѣ пресѣкся преемственный родъ законныхъ королей изъ дома Пястовъ, высшее сословіе или польскіе магнаты и шляхта стали какъ бы

умышленно дѣйствовать на погибель своего государства. Начавши съ ограниченія правъ избираемыхъ ими королей, и позволяя себѣ самыя безразсудныя самоуправства и своеволіе презирая и угнетая всѣ низшія сословія и сами не отличаясь ничѣмъ, кромѣ пустаго чванства и спѣси, поляки такимъ образомъ сами привели свое государство къ крайнему ослабленію и разстройству, за которыми уже самымъ естественнымъ образомъ послѣдовала его политическая смерть. Неудивительно, что послѣ всѣхъ такихъ превратностей, какія испытала польша, и послѣ такого медленнаго, но рѣшительнаго упадка ея, авторъ упомянутой книги, глубоко и основательно смотрящій на историческія судьбы своего отечества, можно сказать, съ какою-то желчью въ сердцѣ и съ особеннымъ искреннимъ сочувствіемъ читаетъ весьма назидательный урокъ своимъ собратіямъ, показывая, какъ теперь совершенно неумѣстны и смѣшны ихъ затѣи о будущемъ возстановленіи Польши, и какъ они много похожи на грезы и чаянія народа іудейскаго, доселѣ еще неперстающаго ожидать своего обѣтованнаго Мессіи. Далѣе у автора упомянутой книги слѣдуетъ какъ-бы особый трактатъ, посвященный разсужденію о папствѣ и папскихъ нововведеніяхъ. Здѣсь прежде всего онъ разбираетъ тѣ мѣста священнаго писанія, на которыхъ западные богословы основываютъ свою теорію папства, но замѣчательно, что, вникая въ буквальный смыслъ всѣхъ этихъ мѣстъ писанія и обращая вниманіе на ученіе отцевъ церкви и правила соборовъ, онъ приходитъ къ самому ясному и убѣдительному сознанію, что всѣ доказательства, на которыхъ опирается теорія папства,—не больше—какъ самая своеобразная натяжка и даже наглая ложь усердныхъ папистовъ. Приводя затѣмъ историческія данныя, въ особенности изъ исторіи Польши, авторъ прямо говоритъ, что политика, какой держались папы, не только безславитъ и унижаетъ ихъ въ глазахъ всѣхъ и каждаго, но даже заставляетъ во многихъ случаяхъ смотрѣть на нихъ, какъ на отъявленныхъ и умышленныхъ враговъ христіанской любви и истины. Затѣмъ авторъ разбираетъ другіе отличительные догматы или лучше сказать нововведенія католицизма (такъ-то: объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, о причащеніи подъ однимъ видомъ, и чистилищѣ, объ индульгенціяхъ, о закупныхъ обѣдняхъ) и съ основательностію ученаго

огослова и знатока исторіи приходитъ къ заключеніямъ совсѣмъ еблагопріятнымъ для католицизма. Въ заключеніе авторъ занимается рѣшеніемъ вопроса, насколько справедливы поляки, огда, мечтая о возстановленіи своего государства, заявляютъ ритязанія на чисто-русскія области — Бѣлоруссію, Волынь и 'крайну? Приводя самые несомнѣнные историческіе факты, вторъ замѣчаетъ между прочимъ, что его соплеменники какъ удто хотятъ въ этомъ случаѣ уподобляться мертвецу, который резъ долгое время воставши изъ гроба сталъ бы домагаться ѣхъ имѣній, какія ему могли принадлежать когда-то, но которыя давно уже перешли совершенно въ чужія руки. Авторъ канчиваетъ свое слово задушевнымъ совѣтомъ своимъ соплеменникамъ, чтобы они хотя теперь сознали все свое легкомыліе и, не вѣря пустымъ чужимъ обѣщаніямъ, позаботились учше возстановить порванныя связи съ единоплеменнымъ народомъ русскимъ и этимъ самимъ вступили бы въ общую семью лавянства, чѣмъ они только и могутъ поправить свою будущость. Отъ души желаемъ этой полезной книгѣ самаго счастиваго успѣха!

(Воскр. Чт.)

Твѣты англичанъ и александрійскаго патріарха на риглашеніе ихъ папой прибыть на затѣваемый имъ вселенскій соборъ.

Читатели уже знаютъ, что и въ какомъ тонѣ отвѣтили ію IX на его „апостольское посланіе" патріархи константинопольскій и армянскій. Теперь у насъ находятся подъ уками еще два подобные же отвѣта на папскую энциклику, которыми мы тоже великимъ считаемъ познакомить читалей. Это—отвѣты „александрійской патріархіи" и „англиканской церкви." Такъ какъ оба они довольно велики по ъему (особенно отвѣтъ англиканской церкви), то мы передимъ сокращенно только сущность ихъ

Отвѣтъ англиканцовъ представляетъ нѣчто въ родѣ апологи противъ нападеній папы на ихъ церковь, причомъ, въ отвѣтѣ слышится, по мѣстамъ, довольно заносчивый тонъ, вполнѣ

сообразный съ натурою англичанъ. Впрочемъ, англиканцы, тоже по свойственной имъ практичности, начинаютъ свое „отвѣтное посланіе лестнымъ комплиментомъ Пію IX и даже всей Италіи.“ „Пій IX—пишутъ они папѣ—епископъ города Рима, не пренебрегаетъ обратиться къ намъ съ посланіемъ и заявить отеческое попеченіе о спасеніи душъ нашихъ. Это не могло не быть для насъ пріятнымъ. Затѣмъ, указывается на сходство англиканской церкви съ римско-католическою въ дѣлѣ признаванія и употребленія посланій апостольскихъ и писаній отцовъ западной церкви (Амвросія, Льва вел., Григорія I и Августина), а также символа апостольскаго. Все это составляетъ, такъ сказать, exordium въ отвѣтѣ англиканцовъ. Послѣ этого слѣдуетъ самое дѣло. „Говоря откровенно—продолжаютъ англиканцы—мы поражены были немалою скорбью и возмутились духомъ, когда взяли въ руки и просмотрѣли присланное къ намъ и уже обнародованное по всей вселенной „апостольское посланіе Пія IX.“ „Оно, справедливо заключали мы, должно быть проникнуто духомъ апостольскимъ, въ немъ со всею ясностью обнаружатся: любовь, справедливость и смиреніе. Но ожиданія наши не сбылись. Съ какою суровостью Пій IX, первосвященникъ римскій, нападаетъ на насъ и на все наше, какъ несправедливо судитъ о насъ, какъ жестоко и оскорбительно задѣваетъ насъ, преслѣдуетъ и издѣвается надъ нами, мы Бога призываемъ во свидѣтели.“ Далѣе слѣдуетъ догматическая полемика англиканцовъ съ папою, которая вся сводится къ тому, чтобъ опровергнуть слова Пія IX, будто англиканцы „еретики и схизматики.“ Здѣсь заслуживаютъ особеннаго вниманія, между прочимъ, слѣдующія выраженія англиканцовъ: „Если находиться въ общеніи со Христомъ, съ апостолами, съ апостольскими мужами, которые процвѣтали въ древнѣйшіе и чистѣйшіе вѣка церкви и мирно почили во Христѣ, не значитъ исповѣдывать истинную вѣру Христову, то, право, мы хотѣли бы спросить: чтожъ это за истинная вѣра Христова, которую нынѣ предлагаетъ намъ папа Пій IX? Не явилась ли послѣ Христа какая-нибудь новая вѣра Христова? Не произвелъ ли первосвященникъ римскій какой-либо вѣры Христовой отъ собственнаго чрева?“

Затѣмъ, англиканцы нападаютъ на ученіе о „главенствѣ

епогрѣшимости папы." Они полагаютъ, что римскій первосвященникъ наноситъ таинственному тѣлу Христа и даже самому Христу и святому Духу оскорбленіе, поставляя всю церковь въ зависимость отъ одного человѣка... Каждый человѣкъ ъ церкви, каждая частная церковь можетъ погрѣшать и имѣть едостатки, и одна только вселенская церковь Христова не можетъ погрѣшать. Противъ папы Виктора возсталъ св. Иринеій, епископъ ліонскій; противъ папъ Зефирина и Каллиста возсталъ св. Ипполитъ, епископъ портунскій; противъ папы Стефана возсталъ св. Кипріанъ; противъ папы Зосимы возсталъ блаженный Августинъ. На нашей памяти, въ 1848 году, всѣ патріархи восточной церкви и почти 30 епископовъ возстали противъ папы Пія IX, какъ *покровителя еретическихъ догматовъ*, хотѣвшаго ввести въ церковь тиранію. Св. папа Григорій I сказалъ слѣдующее: „Я смѣло говорю, что всякій, называющій себя или желающій, чтобъ другіе называли его вселенскимъ священникомъ, по своей надменности, есть *предшественникъ антихриста* (св. Григорія, письм., VII, 33). Сами римскіе первосвященники гнушались ереси папы Гонорія и явно подвергали его анаѳемѣ въ торжественной формулѣ, подъ которою подписывались, восходя на папскій престолъ. Итакъ, неужели необходимо было, для спасенія, находиться въ общеніи съ папою Гоноріемъ? Не скорѣе ли находившіеся съ нимъ въ общеніи подвергались опасности *погибнуть?* Духъ святой повелѣваетъ народу своему изыти изъ Вавилона, *да не причастятся грѣхомъ и отъ язвъ его да не вредятся* (Апок. XVIII, 4). Отцы церкви согласно утверждаютъ, что Вавилонъ есть городъ Римъ. Сами паписты, кардиналы и епископы, именно: Беллярминъ, Бароній, Боссюэтъ, не осмѣливаются отвергать этого и даже открыто въ томъ сознаются. Что Вавилонъ есть церковь падшая, искаженная—это довольно ясно для большей части прилежно читающихъ „Апокалипсисъ." Такимъ образомъ, извѣстно, что Вавилонъ есть церковь въ городѣ Римѣ, и изъ нея-то Святый Духъ повелѣваетъ намъ изыти.

Послѣ всего этого—продолжаютъ англиканцы—мы, по праву, отвергли заблужденія римскаго Вавилона. Пусть папа Пій IX не привлекаетъ и не обманываетъ насъ пустыми обѣщаніями; пусть лучше самъ онъ возвратится ко Христу; пусть

самъ представитъ въ своей церкви достойный уваженія образъ церквей апостольскихъ. Тогда мы готовы соединиться съ нимъ въ вѣрѣ чисто-евангельской и въ любви чисто-каѳолической.

Указавши, въ отвѣтъ на хвастливыя похвалы, какія Пій IX щедрою рукою разсыпаетъ своей церкви, на заслуги библейскаго англійскаго общества, англиканцы обращаются къ папѣ съ слѣдующими ѣдкими, но вполнѣ справедливыми словами: „Ты, святѣйшій господинъ нашъ, ты, намѣстникъ Христовъ, ты епископъ епископовъ, ты верховный судія вѣры и рѣшитель всѣхъ споровъ, ты, верховный глава церкви, ты, свѣтъ народовъ, можешь ли показать хотя одинъ экземпляръ ветхозавѣтнаго еврейскаго текста, отпечатанный въ твоемъ городѣ, Римѣ, матери и наставницѣ всѣхъ церквей? Ни одного! Правда, спустя четыреста лѣтъ послѣ изобрѣтенія типографскаго искусства, мы, послѣ долгихъ и томительныхъ ожиданій, съ благодарностью привѣтствовали единственную рецензію новаго греческаго завѣта, съ знаменитаго кодекса ватиканскаго. Но изданія ветхаго или новаго завѣта на языкѣ отечественномъ народъ, ввѣренный твоему пастырскому попеченію, ожидаетъ, кажется, и до настоящаго времени отъ римской типографіи. Ты хвалишься, что Христосъ ввѣрилъ тебѣ всѣ народы, какіе только находятся по всей землѣ, и что они должны получить отъ тебя благовѣствованіе. Но какой экземпляръ священнаго писанія, какую книгу его они даже и теперь получили изъ твоихъ рукъ въ переводѣ на свой родной языкъ? Развѣ не скрывается у тебя подъ спудомъ божественный свѣтъ священнаго писанія, который долженъ былъ стоять на „свѣщницѣ?“ Развѣ не заграждается у тебя назначенный для питья всѣмъ источникъ воды живой, который долженъ былъ течь свободно?

Посмотримъ и на другое преступленіе, въ которомъ ты насъ обвиняешь. Мы, по твоему суду, всегда измѣнчивы, а ты всегда одинъ и тотъ же; мы, въ невѣдѣніи, волнуемся въ какомъ-то проливѣ перемѣнчивыхъ догматовъ, а ты, утвердившись на священномъ якорѣ, непоколебимо стоишь въ тихой пристани вѣры. Къ чему много говорить? Довольно будетъ и одного примѣра. Назначенный тобою соборъ, имѣющій открыться въ Римѣ, въ базиликѣ ватиканской, въ нынѣшнемъ году, долженъ начаться, какъ мы узнали изъ твоей буллы, въ 8-й день мѣсяца

декабря, посвященный непорочному зачатію Богородицы Дѣвы Маріи. Напоминаніе о такомъ днѣ тотчасъ наводитъ на мысль, съ какимъ постоянствомъ римская церковь защищаетъ вѣру Христову... Догматическое опредѣленіе de immaculata conceptione (о непорочномъ зачатіи) обнародовано тобою въ Римѣ за четырнацать лѣтъ до настоящаго времени, въ 8-й день декабря 1854 года. Если этотъ догматъ истиненъ и необходимъ для спасенія, то почему онъ прежде не объявленъ римскою церковью? Ты скажешь: онъ и прежде былъ извѣстенъ, но до сихъ поръ еще не былъ опредѣленъ римскимъ первосвященникомъ 1). Такъ ли, полно? Съ твоего позволенія, далеко не такъ. Св. Григорій Великій, папа римскій, процвѣтавшій въ концѣ VI вѣка по рождествѣ Христовомъ, открыто противорѣчилъ этому догмату... Кому больше вѣрить: святому папѣ Григорію 1-му, или тебѣ, папѣ Пію IX?... Не правда ли: то, чего не проповѣдовали апостолы, не признавали апостольскія церкви, чего, впродолженіи слишкомъ тысячи восьмисотъ лѣтъ не принимала каѳолическая церковь Христова и что противно вѣрѣ вселенской церкви, то теперь, по твоему опредѣленію, всѣ должны принимать и сохранять, какъ необходимое для вѣчнаго спасенія, и если кто иначе будетъ помышлять въ душѣ, тотъ „потерпѣлъ крушеніе въ вѣрѣ и отъ единства вѣры отпалъ." Ужели этими словами ты исключилъ насъ изъ общества вѣрныхъ? Напротивъ, ты *исключилъ себя самого*... Ты *самого себя отторгъ* отъ католической церкви, себя удалилъ отъ общенія съ первыми вѣками, себя отлучилъ отъ своихъ предшественниковъ, отъ апостольскихъ церквей, отъ апостоловъ и отъ Іисуса Христа. Поэтому, тебѣ ли обличать насъ въ легкомысліи? Тебѣ ли поносить насъ за непостоянство въ вѣрѣ и отпаденіе отъ церкви? Смотри, чтобъ не пришлось приложить къ тебѣ старинное изреченіе: „Врачу, исцѣлися самъ"... Посланіе оканчивается молитвеннымъ обращеніемъ англиканцовъ къ Богу о соединеніи всѣхъ христіанъ въ истинной вѣрѣ и евангельской любви."

Прочитавъ этотъ отвѣтъ англиканцовъ къ папѣ, невольно приходишь, между прочимъ, къ слѣдующему заключенію: какая безмѣрная разница какъ во взглядѣ англиканцовъ на церковь

1) Папа Пій IX такъ именно и разсуждаетъ.

восточную и западную католическую, такъ и въ отношеніяхъ ихъ къ христіанамъ обѣихъ этихъ церквей! Отношенія англиканцовъ къ папской церкви пропитаны враждою и даже горделивымъ презрѣніемъ; отношенія же ихъ къ восточной церкви дышатъ искренностью христіанской братской любви 1).

А вотъ и другой отвѣтъ на папское посланіе и на приглашеніе къ затѣваемому Піемъ IX лже-вселенскому собору. Въ воскресенье, 16-го марта, въ 2 часа по полудни, по предварительномъ соглашеніи, пришолъ въ александрійскую патріархію тамошній католическій архіепископъ и папскій уполномоченный, въ сопровожденіи начальника лазаристовъ 2) и двухъ другихъ абатовъ, съ цѣлью вручить мѣстоблюстителю и намѣстнику александрійскаго престола, Нилу, въ присутствіи преосвященныхъ епископовъ пилузійскаго, трипольскаго и киринейскаго, приглашеніе папы на имѣющій быть въ Римѣ вселенскій соборъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, уполномоченный папскій обратился къ мѣстоблюстителю и намѣстнику съ слѣдующею краткою рѣчью на французскомъ языкѣ: „Ваша досточтимость, конечно, знаете цѣль настоящаго моего посѣщенія. По порученію, данному мнѣ его святѣйшествомъ папою, я имѣю вручить вамъ посланіе, которымъ здѣшній престолъ приглашается въ Римъ на вселенскій соборъ." Мѣстоблюститель и намѣстникъ отвѣтилъ на это по французски же: „Посланіе, которое ваше преосвященство имѣете вручить намъ, одинаково съ тѣмъ окружнымъ посланіемъ блаженнѣйшаго папы древняго Рима, которое было напечатано во многихъ газетахъ, или нѣтъ?" Получивши утвердительный отвѣтъ, мѣстоблюститель и намѣстникъ продолжалъ: „Расположеніе его блаженства, римскаго папы, въ возсоединенію вселенской церкви Спасителя нашего поистинѣ весьма похвально; это расположеніе присуще и намъ. Но, къ несчастью, этимъ только и ограничивается общій знакъ согласія; во всемъ же прочемъ существуетъ явное разногласіе. Для примѣра обратимъ вниманіе на „окружное папское посланіе," ко-

---

1) См. „Голосъ" №№ 117-й и 127-й.

2) Лазаристами или лазаритами называются члены французскаго мисіонерскаго общества, основаннаго, въ 1624 г., Винцентомъ де-Паула; названіе свое они получили отъ имени своего пріорства св. Лазаря въ Парижѣ.

торымъ здѣшній достопочтенный престолъ приглашается на имѣющій быть въ Римѣ вселенскій соборъ. По многимъ и особенно по тремъ главнымъ причинамъ, настоящее посланіе рѣшительно не можетъ быть принято. Во первыхъ, потому, что оно нарушаетъ и ниспровергаетъ равенство святыхъ божіихъ церквей и ихъ независимость. Оно утверждаетъ, что римскій престолъ есть владыка и глава прочихъ самостоятельныхъ престоловъ, и въ такомъ тонѣ созываетъ вселенскій соборъ; между тѣмъ римскому престолу, какъ всѣмъ извѣстно, предоставлено святыми вселенскими соборами только преимущество чести, а не главенство надъ другими церквами; съ другой стороны, римскій престолъ самъ собою не можетъ созывать вселенскаго собора безъ предварительнаго согласія прочихъ святѣйшихъ патріарховъ. Во вторыхъ потому, что его блаженство папа старается убѣдить насъ, что только въ Римѣ обитаетъ спасеніе, что лишь тамъ находится средоточіе истинной церкви, тамъ только дѣйствуетъ благодать Божія, по силѣ, какъ говоритъ онъ, дарованнаго Спасителемъ св. Петру особеннаго права; между тѣмъ, благодать Божія и божественное достоинство церкви Христовой не ограничиваются Римомъ или какою-либо другою опредѣленною мѣстностью, но дѣйствовали и дѣйствуютъ по всей вселенной, наполнили и озарили всѣ концы земли, и церковь основана повсюду преемниками боговдохновенныхъ апостоловъ. Въ третьихъ, потому, что вселенскій соборъ онъ созываетъ въ праздникъ непорочнаго зачатія Богородицы; но такого догмата церковь совсѣмъ не знаетъ, и онъ только недавно столь дерзостно введенъ подобно другимъ нововведеніямъ. Зачѣмъ все это? Если блаженный папа древняго Рима искренно желаетъ возсоединенія всей Христовой церкви, то пусть онъ обращается съ своими посланіями, какъ братъ и какъ равный къ равнымъ, къ другимъ святѣйшимъ патріархамъ и независимымъ церквамъ и предварительно совѣщается съ ними относительно изысканія способа для этой цѣли; самымъ же лучшимъ способомъ было бы слѣдовать указанію исторіи и измѣнить настоящее состояніе римской церкви, возстановивъ оное въ древнемъ видѣ. Поступая иначе, папа напрасно тратитъ свои усилія: раздѣляющая насъ бездна увеличивается болѣе и болѣе."

На эти слова мѣстоблюстителя александрійскаго престола

папскій легатъ отвѣтилъ: „Послѣдовавшее, со стороны святѣйшаго отца, созываніе вселенскаго собора законно (?!); онъ имѣетъ на это право, такъ какъ онъ есть глава (?!) и владыка (?!) церкви, преемникъ блаженнаго Петра. Впрочемъ, я пришолъ сюда не спорить, а лишь выполнить возложенное на меня порученіе. Поэтому, я считаю долгомъ прекратить споръ.“ „Мы не принимаемъ—замѣтилъ мѣстоблюститель—такихъ притязаній папы, какъ противныхъ догматамъ церкви, глава которой есть самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ; право же созывать вселенскій соборъ принадлежитъ другому, а не папѣ: неложный свидѣтель этому—исторія церкви... Снова повторяемъ вамъ, что такъ какъ настоящая попытка папы оказалась безуспѣшною, то онъ, если только желаетъ соединенія каѳолической церкви, долженъ написать каждому изъ патріарховъ и сообразоваться съ ихъ общимъ мнѣніемъ относительно того, что должно дѣлать, избѣгая, при этомъ, всякой мысли о главенствѣ и всякаго догмата противнаго церкви. Тогда, можетъ быть, послѣдуетъ какой-нибудь успѣхъ въ этомъ дѣлѣ.“ Послѣ нѣкоторыхъ еще собесѣдованій о настоящемъ предметѣ, легатъ папы удалился вмѣстѣ съ сопровождавшими его, унеся съ собою и папское приглашеніе, такъ какъ оно осталось непринятымъ.

Несмотря, однакожъ, на всѣ подобнаго рода отвѣты, растворенные горькою для папы правдою, Пій IX упорно идетъ къ задуманной имъ цѣли—къ созыванію вселенскаго собора. Но что это будетъ за соборъ, если онъ будетъ состоять только изъ клевретовъ папы, признающихъ за нимъ и главенство, и законность его свѣтской власти, и непогрѣшимость, и авторитетъ высшій вселенскихъ соборовъ, и все, что угодно? Можетъ ли этотъ соборъ присвоивать себѣ названіе вселенскаго, когда на немъ не будетъ ни одного представителя отъ другихъ церквей? Мало этого: слышно, что наше правительство затрудняется даже католическимъ епископамъ—подданнымъ Россіи—дозволить ѣхать на соборъ, такъ какъ папа, повидимому, вовсе не думаетъ внушить подвѣдомому ему духовенству не вмѣшиваться въ наши политическія дѣла и даже хочетъ, чтобъ іезуитамъ снова открытъ былъ доступъ въ католическія губерніи Россіи, чего, конечно, ему никогда не удастся достигнуть.

Горькій опытъ убѣдилъ наше правительство—бѣгать іезуитовъ какъ чумы и моровой язвы.

(*Голосъ*).

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ РИМСКАГО ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА.

Въ нынѣшнемъ году исполнится десять вѣковъ со времени раздѣленія единой церкви христовой на восточную и западную; десять вѣковъ эти церкви существовали вполнѣ самобытно и почти не сносились между собою. Вслѣдствіе этого, случилось то, что неизбѣжно должно было случиться. Различіе въ обрядѣ, сначала совершенно ничтожное, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливалось, и теперь, прослушавъ православную обѣдню и католическую мессу, трудно повѣрить, что оба эти богослуженія составляютъ выраженіе одного и того же религіознаго ученія, завѣщаннаго міру Богочеловѣкомъ. Въ духѣ этихъ исповѣданій одной и той же религіи еще болѣе разницы, чѣмъ въ ихъ обрядѣ: восточная церковь признаетъ своимъ главою Господа Іисуса Христа, торжественно объявившаго человѣкамъ, что „царство его не отъ міра сего"; западная церковь признаетъ своимъ главою римскаго первосвященника, которому придаетъ свойство, присущее только божеству—непогрѣшимость. Сверхъ того, вопреки словамъ Спасителя, она отдала этому первосященнику царство міра сего и возложила на него епископскую митру вмѣстѣ съ двумя царскими коронами.

Такое противное ученію Христа соединеніе духовной власти со свѣтскою совершилось, какъ извѣстно, вовсе не съ согласія вселенской церкви. Большая половина этой церкви, восточная, торжественно протестовала противъ столь явнаго нарушенія заповѣди христовой, и константинопольскій патріахъ Фотій, энергически ратовавшій за неприкосновенность преданія святыхъ отцовъ, согласно церковнымъ канонамъ, отвергъ самовольно присвоенное римскими первосвященниками главенство надъ вселенскою церковью. За это Римъ провозгласилъ его схизматикомъ; но восточная церковь справедливо видитъ въ немъ мужественнаго поборника чистоты христіанскаго ученія. Столь существенное различіе между двумя исповѣданіями, по самому свойству его несогласимо. Невозможно надѣяться, чтобъ

восточная церковь, десять вѣковъ ратовавшая за преданія апостоловъ, отреклась отъ своей тысячелѣтней исторіи и нарушила ту самую заповѣдь Христа, за несоблюденіе которой она отреклась отъ общенія съ Римомъ. Еще менѣе можно ожидать, чтобъ римскій первосвященникъ proprio motu согласился отказаться отъ всѣтской власти, самовольно присвоенной его предмѣстниками. При такихъ условіяхъ истинно вселенскій соборъ является совершенною невозможностью, а между тѣмъ папа Пій IX, неуполномоченный на то другими епископами, равными ему по сану, разослалъ къ нимъ приглашеніе явиться въ Римъ на затѣянный имъ, будто бы, вселенсій соборъ. Какъ же принято это приглашеніе? Епископы, признающіе главенство папы, изъявили полную готовность явиться въ Римъ на соборъ, главная цѣль котораго, говорятъ, заключается въ возведеніи свѣтской власти въ религіозный догматъ. Тѣ же святители, которые не признаютъ другаго главы церкви, кромѣ Іисуса Христа, или вовсе не отвѣтили на папское приглашеніе, или обусловили его предварительнымъ согласіемъ всѣхъ архипастырей, или же отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ.

Тѣмъ не менѣе, такъ называемый вселенскій соборъ, по всей вѣроятности, не встрѣтитъ на Западѣ препятствій къ осуществленію. Но и тутъ есть одно весьма важное обстоятельство, на которое мы намѣрены обратить особенное вниманіе. Справедливо или нѣтъ, папа признается главою римско-католической церкви. Такимъ же, волей-неволей, должны признать его всѣ правительства, признающія или терпящія у себя католическое вѣроисповѣданіе. Политическая мудрость и историческій опытъ воспрещаютъ правительствамъ заниматься богословскими тонкостями, да и самыя цивилизованныя общества, въ нашъ вѣкъ, считаютъ безполезнымъ входить въ препирательство о томъ, „которая вѣра истинная“. Рѣшеніе этого вопроса новѣйшая наука вполнѣ предоставляетъ совѣсти каждаго. Но на этомъ и должна останавливаться государственная вѣротерпимость. Все, что переходитъ за предѣлы собственно религіозныхъ убѣжденій, уже принадлежитъ всецѣло вѣдѣнію свѣтской власти. Вѣровать какъ кому издумается никто никому не вправѣ запретить, подѣйствовать на основаніи этихъ вѣрованій можно и должно позволять только тогда,

когда эти дѣйствія вполнѣ согласны съ существующими въ странѣ порядками. Нельзя запретить индійскому факиру постоянно смотрѣть на кончикъ своего носа, если онъ убѣжденъ, что этимъ онъ угождаетъ Богу; но давить колесами колесницы Ягернота людей, или жечь на кострахъ вдовъ, хотя бы и съ ихъ согласія, обязано запрещать каждое правительство, признающее человѣкоубійство уголовнымъ преступленіемъ. Въ отношеніи собственно католицизма не можетъ быть и рѣчи въ цивилизованной странѣ о безусловномъ его запрещеніи. Ни правительство, ни общество не обязаны 1) критически разбирать его собственно религіозные догматы. Вѣроисповѣданіе это многими мильонами христіанъ признается истиннымъ; въ обрядахъ его нѣтъ ничего такого, что можно было бы признать уголовнымъ предступленіемъ; слѣдовательно, нѣтъ и основанія отказывать ему въ терпимости наравнѣ съ другими христіанскими вѣроисповѣданіями. Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется свѣтская сторона католицизма, которую римскіе первосвященники съ умысломъ стараются сдѣлать нераздѣльною съ его духовною стороною. Римскій папа нетолько пастырь духовный, но и свѣтскій государь; поэтому, овцами его слѣдуетъ признавать всѣхъ католиковъ; но подданными могутъ быть только граждане его собственнаго государства. Католику же другого государства можно дозволить признавать папу только своимъ духовнымъ отцомъ, но никакъ не государемъ и даже не такимъ начальникомъ, приказанія котораго должно исполнять, не принимая въ соображеніе законовъ страны, непризнающей папу своимъ государемъ. Изъ-за этого прискорбнаго смѣшенія въ одномъ лицѣ свѣтской и духовной власти, папамъ приходилось не разъ сталкиваться нетолько съ иновѣрными, но даже съ католическими правительствами. Папа, въ качествѣ главы католицизма, считаетъ себя вправѣ требовать отъ католическаго священника и монаха, подчиненныхъ другимъ правительствамъ, безусловнаго повиновенія ac cadaver. Другіе же правительства, нетолько иновѣрныя, но и католическія, видатъ въ католическихъ духовныхъ, грежде

---

1) На то и преподается „Полемическое богословіе“ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. *Р. В. З. Р.*

всего, граждан и не считают возможным дозволять им то, что запрещено другим гражданам. Поэтому, почти повсюду признается за правило, что никакое папское распоряженіе не может быть ни обнародовано ни приведено въ исполненіе без разрѣшенія мѣстной свѣтской власти. Папам это, конечно, непріятно; но, отвергая законность подобной мѣры, они, все-таки, скрѣпя серце, подчиняются ей, изрѣдка метая безвредные громы против правительствъ, непризнающих их самовластія. Там же, гдѣ слабое правительство боится прогнѣвить римскую курію католическое духовенство дѣлается своего рода правительством, къ явному ущербу настоящаго правительства и государственных интерессовъ.

Присоединив къ своим владѣніям значительную часть бывшей Польши, гдѣ католицизм был господствующим вѣроисповѣданіем, мы тѣм самым вошли въ ближайшія сношенія съ римскою куріею. Отношенія эти были чрезвычайно измѣнчивы. Порою римская курія нахвалиться не могла русским правительством, порою она призывала на него кару небесную и сзывала крестовый поход против русских схизматиковъ. Степень нашей дружбы съ Римом совершенно совпадает со степенью цѣлесообразности нашей внутренней политики. Чѣм разумнѣе поступало наше правительство въ отношеніи русскаго народа, тѣм сильнѣе негодовали против него римскіе папы, съ тою только разницею, что невсегда они признавали удобным изливать на нас свое негодованіе. Когда наше вліяніе бывало сильно на дѣла Европы—папы глотали молча самыя горькія пилюли, предлагаемыя нами; когда же наше вліяніе слабѣло, слезоточивыя іеремiады пап о мнимом гоненіи католической церкви въ Россіи раздавались по всей Европѣ. Но въ минуту уничтоженія, или, по крайней мѣрѣ, крайняго ослабленія латинской пропаганды внутри Россіи наша дружба съ Римом достигла своего апогея. Мы заключили съ папою конкордат и даже обѣщали признать въ Петербургѣ папскаго нунція, то-есть, завести у себя собственнаго папу по образу и по подобію римскаго. Ради чего все это дѣлалось— понять трудно, равно как и многое другое загадочное въ той печальной эпохѣ.

Послѣ неудач крымской войны, когда вліяніе наше на дѣла Европы совсѣм исчезло, отношенія наши къ Риму силь-

но испортились. Тотъ самый Пій IX, который, въ 1847 году, былъ угодливымъ другомъ императора Николая, вдругъ заговорилъ съ петербургскимъ кабинетомъ съ высоты своего величія, и заговорилъ именно въ то время, когда мы нетолько не желали ссориться съ римскою куріею, но неизвѣстно для чего, явно заискивали ея расположеніе. Дѣйствія римской куріи на Востокѣ также радикально измѣнили свой характеръ. Она уже не ограничивалась болѣе тайными происками, а начала дѣйствовать открыто, съ неслыханною дерзостью, опираясь на всемогущее, въ то время, французское правительство.

Передъ послѣднимъ польскимъ возстаніемк Пій IX прямо взялъ на себя роль верховнаго судьи между нашимъ правительствомъ и начинавшимъ организоваться ржондомъ народовымъ. И мы не протестовали противъ этого самозванства, въ надеждѣ, что Пій IX удержитъ польское духовенство отъ участія въ матежѣ. Но имѣли ли мы какое нибудь основаніе питать подобныя надежды, даже въ томъ случаѣ, еслибъ Пій IX былъ дѣйствительно дружески къ намъ расположенъ? Вѣдь предшественникъ его, Григорій XVI питалъ непритворную дружбу въ императору Николаю, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія заподозрить искренность пастырскаго его увѣщанія, отъ 9-го іюня 1832 года, къ латинскому духовенству, какъ и письмо его къ Николаю I, отъ 4-го января 1834 года, которымъ папа торжественно, предъ лицемъ всей Европы, высказывалъ желаніе, чтобъ лалинское духовенство пребывало въ вѣрномъ подданствѣ императору всероссійскому; но развѣ это помѣшало такъ-называемымъ „резуррекціонистамъ" и „братьямъ св. Викентія" подготовлять матежъ, который долженъ былъ вспыхнуть въ 1863 году во всѣхъ бывшихъ владѣніяхъ Рѣчи Посполитой?

Пій IX не торопился исполнить даже эту прямую обязанность каждаго пастыря духовнаго. Вмѣсто того, чтобъ, по примѣру Григорія XVI, обратиться къ польскому католическому духовенству съ увѣщаніемъ не вмѣшиваться въ политическія дѣла, онъ пожелалъ воспользоваться нашими затрудненіями и изъявилъ согласіе принять на себя отвѣтственность за дѣйствія польскихъ ксендзовъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ ихъ отдали ему въ полное распоряженіе. Мысль эта выражена имъ

въ письмѣ къ Государю Императору съ безпримѣрною дерзостью, болѣе приличествующею пылкому поручику Мастаи-Феррети, чѣмъ его святѣйшеству папѣ Пію IX. И только послѣ этой грубой и въ высшей степени безтактной выходки римской куріи мы начали убѣждаться, что на содѣйствіе ея нигдѣ, никогда не можемъ разсчитывать. Затѣмъ, произошолъ формальный разрывъ между Россіею и Римомъ, и нашъ представитель въ Ватиканѣ былъ отозванъ. Разрывъ этотъ съ римскимъ *государемъ*, какъ извѣстно, нисколько не повредилъ ни нашимъ международнымъ сношеніямъ, ни отправленію католическаго богослуженія въ Россіи. Все шло совершенно такъ, какъ, и до разрыва; поэтому, нашему правительству не было причины желать, во что бы то ни стало, возобновленія сношеній съ римскою куріею. Тѣмъ не менѣе, иностранныя газеты постоянно наполняются слухами о какихъ-то заискиваніяхъ Россіи въ Римѣ. Такъ, пребываніе г. Валуева въ Римѣ иностранные вѣстовщики объясняли порученіемъ, будто бы даннымъ ему отъ нашего кабинета, хлопотать о возобновленіи конкордата (?) между Россіею и Римомъ. Недавнему посѣщенію Рима великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ тоже приписываютъ подобную цѣль... Едва ли нужно пояснять, что всѣ эти слухи не имѣютъ вѣроятія. Разрывъ нашъ съ Римомъ нетолько ничему не вредилъ, но даже принесъ ту несомнѣнную пользу, что папа, уставъ плакаться безполезно на мнимое гоненіе католической церкви въ Россіи, въ послѣднее время началъ-было склоняться на сторону болѣе разумныхъ отношеній къ своей русской паствѣ. Польская національность, отстаивать которую наравнѣ съ католическою религіей считалось до сихъ поръ въ Римѣ дѣломъ богоугоднымъ, начала, повидимому, терять прежнюю свою прелесть для римской куріи. Пій IX призналъ необходимымъ—къ сожалѣнію, нѣсколько поздно—осудить „часть" польскаго духовенства, занимавшагося, во время послѣдняго возстанія, дѣлами, неимѣвшими ничего общаго съ духовными требами. Великому князю Владиміру Александровичу сдѣланъ былъ въ Римѣ необыкновенно ласковый пріемъ; нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ фактовъ тоже намекали на измѣненіе взгляда римской куріи на польское дѣло... Причина всей этой услужливости папы не замедлила выясниться. Его свя-

тѣйшество поручилъ своему нунцію въ Вѣнѣ развѣдать, чрезъ нашего представителя при вѣнскомъ дворѣ, мнѣніе русскаго правительства о поѣздкѣ русскихъ католическихъ епископовъ въ Римъ. Отвѣтъ послѣдовалъ самый благопріятный: правительство наше позволило, говорятъ, католическимъ епископамъ отправиться на римскій соборъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, выразило, будто бы, желаніе, чтобъ папа далъ этимъ духовнымъ особамъ отеческій совѣтъ не мѣшаться въ политическія дѣла, вовсе до нихъ некасающіяся. Эта оговорка, какъ слышно, была очень дурно принята въ Римѣ и даже послужила поводомъ, будто бы, къ довольно рѣзкому посланію, въ которомъ вновь говорится, что наше правительство само виновато въ томъ, что польскіе ксендзы, кромѣ исполненія требъ, занимались во время мятежа еще и вѣшаньемъ! Въ то же время, дошло до свѣдѣнія правительства, что папа, вопреки существующимъ постановленіямъ, тайнымъ образомъ передалъ приглашеніе на соборъ нѣкоторымъ изъ русскихъ католическихъ епископовъ. Все это неминуемо должно было затруднить выдачу разрѣшенія нашимъ епископамъ на поѣздку въ Римъ, и затрудненія эти, говорятъ, до сихъ поръ еще не устранены совершенно.

Сама по себѣ, поѣздка русскихъ католическихъ епископовъ въ Римъ на мнимо-вселенскій соборъ не заключаетъ въ себѣ ничего ни вреднаго, ни опаснаго. Все дѣло ограничилось бы тѣмъ, что эти епископы, купно съ товарищами, пролили бы на соборѣ слезы надъ „бѣдственнымъ положеніемъ католической церкви въ Крулевствѣ Польскомъ"; папа посовѣтовалъ бы имъ возложить всѣ упованія на Господа и молиться почаще недавно канонизованному имъ Кунцевичу; клерикальныя и полонофильскія газеты написали бы, по этому поводу, нѣсколько ярыхъ статей противъ „русскаго варварства",—затѣмъ, все снова пошло бы постарому. Заставить же римскую курію отдѣлять въ отношеніи нашихъ католиковъ, вопросъ національный отъ вопроса религіознаго есть у насъ только одно средство. Сначала сама свѣтская власть должна строго и безповоротно раздѣлить эти два вопроса, такъ, чтобъ римская курія увѣрилась въ неуклонности и безповоротности этого раздѣленія.

(*Голосъ*).

ПО ПОВОДУ ВЫШЕДШЕЙ КНИГИ «ІЕЗУИТЫ ВЪ РОССІИ». соч. Морошкина.

Монашескіе ордена на западѣ всегда составляли непоколебимую опору и силу римско-католической церкви. До XVI вѣка такою силою для папизма были преимущественно доминиканцы и францисканцы. Въ XVI вѣкѣ (именно въ 1540 году), полуразвалившаяся храмина римскаго католицизма нашла себѣ болѣе сильную поддержку во вновь возникшемъ на западѣ орденѣ іезуитовъ, который, въ этомъ отношеніи, превзошолъ всѣ прочіе ордена, сталъ главнымъ двигателемъ судьбы папизма, а также послѣднимъ развитіемъ и выраженіемъ его духа и характера. Вліяніе іезуитизма весьма сильно, а можетъ быть, даже больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, отразилось на католичествѣ въ Россіи. Безнравственность римскаго духовенства въ Россіи и ослабленіе въ немъ вѣры, офиціально засвидѣтельствованныя предшественникомъ современнаго намъ папы, папою Григоріемъ XVI, и дѣлавшія изъ этого духовенства какой-то лагерь бандитовъ въ государствѣ и гнѣздо всѣхъ возможныхъ преступниковъ, начиная отъ политическаго заговорщика до самаго обыкновеннаго шулера—поддѣлывателя фальшивыхъ асигнацій, все это плоды той системы іезуитскаго воспитанія, которая по преданію сохранялась и понынѣ сохраняется вообще въ римскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а до тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія существовала даже въ греко-уніатскихъ духовныхъ заведеніяхъ.

Вредное вліяніе іезуитовъ не ограничивалось одною только средою пастырей: оно проникало и въ ихъ паству, въ народную жизнь. Самые безпристрастные польскіе историки, напримѣръ: Бандите. Кондратовичъ и Шмидтъ, приписываютъ пороки, свойственные, по преимуществу, польской націи, какъ-то: склонность къ анархіи, отвращеніе отъ всякаго порядка и законности, лживость, склонность къ клеветѣ, подлость въ характерѣ — все это приписываютъ вліянію іезуитскихъ школъ и конфесаловъ. Кровавыя явленія въ родѣ тѣхъ, которыя недавно совершались предъ нашими глазами въ привислинскихъ и западныхъ губерніяхъ, по справедливому замѣчанію о. Морошкина (см. его «Іезуиты въ

нія», Спб., 1867 г., стр. VI—X), красноречиво говорятъ о
тъ, какъ хорошо была обработана и приготовлена іезуитами
ва въ этой мѣстности для подобныхъ событій и на сколько
нихъ можно осязать и чувствовать явное и тайное присут-
іе руки членовъ и воспитанниковъ знаменитаго общества Лой-
і. Мало этого: нѣкоторая часть даже православнаго русскаго
цества подверглась вліянію іезуитовъ, іезуитская академія въ
юцкѣ, знаменитый іезуитскій college des nobles въ Петербургѣ,
сіонъ Николя, проповѣди и рѣчи Розавена, блестящіе и про-
анные самою непримиримою злобою къ православію софизмы
фа де-Местра, внушенія, нашептыванія и махинаціи Грубера
и чувствовать себя въ Россіи, какъ въ административной,
ъ и въ политической, умственной, религіозно-нравственной и,
онецъ, даже въ семейной жизни нѣкоторой части русскаго об-
тва... Наши административныя бюро нѣкогда полны были во-
танниками и учениками Каро, Вихерта, Ржевускаго, Чижа,
кевича и другихъ. Этого мало: іезуитская пропаганда въ
сіи, начавшаяся со временъ Петра I, производитъ и до насто-
щаго времени свои опустошительныя дѣйствія среди извѣстной
ти русскаго общества: члены нѣкоторыхъ такъ-называемыхъ
стократическихъ русскихъ фамилій нерѣдко переходятъ въ ла-
ство. Проказа совращенія, коснувшись одного члена семей-
, иногда заражаетъ цѣлое семейство и даже родственниковъ
го семейства: мать усиливается совратить своего сына, отецъ—
ихъ дочерей, тетка — племянниковъ, сестра — брата и т. п.
ербургъ, Москва, Вѣна, Римъ, Парижъ и Флоренція дѣлаются
щыми мастерскими, гдѣ мастерами-іезуитами переработовались
вославные люди изъ высшихъ русскихъ фамилій въ самыхъ
хъ враговъ русской церкви и русской народности. Русскія
ги, добытыя русскимъ кровавымъ потомъ, шли на обогаще-
іезуитскихъ коллегій, на украшеніе іезуитскихъ монастырей,
реимущественно на утучненіе римскихъ аббатовъ, имѣющихъ
я мягкія манеры, говорящихъ такъ вкрадчиво, такъ нѣжно
а такомъ прекрасномъ языкѣ, какъ—игривый и легкій фран-
зскій, или музыкальный—итальянскій, одѣтыхъ въ изящную

сутану, а не въ широкую рясу, какую носятъ русскіе священники. Наконецъ, бывшіе русскіе православные, но перешедшіе въ латинство, не только дѣлаются членами общества Лойолы, но и основываютъ въ Парижѣ кирилло-мееодіевское общество, состоящее преимущественно изъ іезуитовъ, русскихъ по происхожденію, и съ единственною цѣлью — уловлять въ сѣти латинства другихъ русскихъ... Кому неизвѣстны дѣйствія іезуитовъ Гагарина, Мартынова, Голицына и другихъ!

Главными пунктами педагогической дѣятельности іезуитовъ у нась были сѣверо западный край и бывшее Царство Польское. Но для того, чтобъ рельефнѣе выяснить характеръ іезуитской дѣятельности въ означенныхъ пунктахъ, мы должны напередъ, хотя слегка, познакомить читателей съ цѣлою системою іезуитскаго воспитанія вообще.

Лойола, основывая орденъ іезуитовъ, имѣлъ, по замѣчанію Гетто („Histoire des Jesuites," par Guettée, p. 101 т. I), добрую цѣль: «распространять и утверждать ученіе Христово въ душахъ вѣрующихъ посредствомъ проповѣди и воспитанія юношества». Но его послѣдователи довели его мысли и предначертанія до крайности, а вмѣстѣ, измѣнили и самую задачу ордена. Просвѣщеніе людей и спасеніе ближнихъ отодвинуто было на второй планъ, а на первый поставлено преслѣдованіе личныхъ интерессовъ ордена: эгоизмъ заступилъ мѣсто служенія благу человѣчества. Изъ проповѣди іезуиты сдѣлали гибкое орудіе для проведенія своихъ задушевныхъ мыслей, чувствъ и стремленій; изъ посѣщенія больницъ и темницъ—средство для лукаваго выраженія своего участія и сочувствія къ нуждѣ и страданію ближняго, покупая своею мнимою заботливостью душу и тѣло этого ближняго; изъ пастырскихъ бесѣдъ и наставленій—подслащенный ядъ *), разру-

*) Въ брюссельскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ найдены весьма интересныя письма генерала Риччи, въ которыхъ онъ даетъ наставленіе своимъ подчиненнымъ, „какъ они должны вести себя въ отношеніи къ молодымъ и богатымъ вдовамъ." Именно: они должны всѣми мѣрами отклонять ихъ отъ вступленія во второй бракъ, представляя всѣ трудности, неприличіе и даже опасность для спасенія души, могущія произойти отъ этого брака. Но если,

вающій нравственный организмъ человѣка; изъ исповѣди сдѣлали употребленіе, пугающее христіанское чувство своею крайнею безцеремонною меркантильностью, и, наконецъ, изъ воспитанія— воспитаніе не человѣка вообще, а іезуита, похожаго, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, на своихъ воспитателей. Словомъ, въ рукахъ іезуитовъ все сдѣлалось могущественнымъ и послушнымъ средствомъ для преслѣдованія одной цѣли — интерессовъ ордена.

Но ничѣмъ инымъ съ такою успѣшностью и дѣйствительностью не достигали іезуиты своей цѣли, какъ воспитаніемъ юношества. При помощи именно воспитанія, они приготовляли такихъ людей, которые слушались своего начальника, какъ намѣстника Іисуса Христа, хотя бы этотъ начальникъ не отличался ни мудростью, ни другими качествами, приготовляли людей, которые въ рукахъ своего начальника являлись мягкимъ воскомъ, принимающимъ какую угодно форму—статуэткою, которую ставятъ гдѣ хотятъ, трупомъ, необнаруживающимъ никакого движенія, и т. п.

Іезуитская педагогика шла въ совершенный разрѣзъ со всякою здоровою педагогикой. Цѣль воспитанія умышленно и систематически была извращена; всестороннее и гармоническое развитіе человѣка во всѣхъ лучшихъ его способностяхъ замѣнялось монотонною и безжизненною схоластикою, убившею безжалостно и въ конецъ все, что есть въ человѣкѣ лучшаго, живого, дорогого и свободнаго. Молодыя и впечатлительныя натуры, подъ гнетомъ этой схоластики, преждевременно старѣли; гибли дарованія, гасли благородные порывы. Отъ этого, во все время существованія іезуитскаго ордена, изъ его среды не вышло ни одного геніаль-

---

не смотря на всѣ эти наставленія, вдовы остаются непреклонными и рѣшаются вступить во второй бракъ, тогда благоразумный и скромный духовный отецъ *долженъ предложить имъ свои услуги для удовлетворенія ихъ плотскихъ желаній*, съ такимъ изъясненіемъ, что это менѣе опасно, чѣмъ второй бракъ, и что этого брака можно избѣжать, удовлетворяя естественной потребности *другимъ (?!) способомъ*... (См. „Geschichte der Jesuiten, von Volf, T. III, Seit. 290. Bemerk. 2; также: T. IV, S. 41).

наго человѣка. Іезуиты мало обращали вниманія на телеологіи воспитанія. Въ ихъ рукахъ воспитаніе было не цѣлью, а средствомъ—средствомъ сдѣлать изъ своихъ питомцовъ людей, вполнѣ преданныхъ интерессамъ ордена. А этого они вполнѣ и достигали при помощи своего образованія, путемъ своей оригинальной педагогики.

Разсадниками іезуитскаго образованія были такъ-называемыя коллегіи. Устройство коллегій отличалось такою стереотипностью, что малѣйшее отступленіе отъ заведеннаго порядка, отъ обычаевъ и преданій ордена требовало непосредственнаго разрѣшенія и санкціи генерала. Школьная система іезуитовъ, со времени Аквавивы (передавшаго іезуитамъ методу обученія), твердо установившаго ее, как бы застыла и навсегда лишилась возможности измѣняться и развиваться. Латинскій языкъ признавался такимъ необходимымъ и важнымъ предметомъ образованія, что іезуиты обязывали своихъ питомцовъ употреблять его и въ ихъ интимныхъ отношеніяхъ, вмѣсто языка отечественнаго. Дозволявшіе себѣ употреблять родной языкъ подвергались нѣкотораго рода наказанію: на нихъ надѣвали какой-нибудь внѣшній знакъ для общаго позора и посмѣянія: Свѣтскія науки—математика, географія, исторія, отечественная словесность — были въ полномъ пренебреженіи. Но, чтобъ ученики не оставались безъ всякихъ свѣдѣній по этимъ наукамъ, іезуиты выдумали особую науку, обнимавшую собою историческія, этнографическія и археологическія свѣдѣнія и названную ими «эрудиціей»... Учебники, обыкновенно, составлялись самими іезуитами и приспособлялись къ цѣлямъ ордена: искажались факты и выдумывались новые, если это было въ интересахъ ордена. Учители, при чтеніи лекцій, тщательно избѣгали всего, что могло просвѣтить умъ и развить способности ученика, затрудняли пріобрѣтеніе познаній и все образованіе приспособляли къ цѣлямъ ордена. Правда, преподавалась и логика, но не съ тѣмъ, чтобъ пріучить молодые умы къ строгому и систематическому мышленію, а съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать ихъ способными къ спорамъ и диспутамъ о всякомъ предметѣ. Умѣнье спорить считалось, въ глазахъ іезуитовъ, ученостью и несомнѣннымъ признакомъ хорошаго образованія..

На богословском курсѣ читалось священное писаніе и богословіе по Ѳомѣ Аквинату. Профессоръ богословія не смѣлъ придить ничего такого, что не согласовалось съ установленіемъ мской церкви. Наконецъ, профессоръ казуистики обучалъ всему, о относилось къ обрядовой сторонѣ и совершенію таинствъ. имъ и ограничивалось образованіе въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Non multa sed multum, съ самоуслажденіемъ говорили іезуиты.

Чтобы сдѣлать свое образованіе еще болѣе безплодным, іезуиты ли полный просторъ схоластикѣ и обскурантизму. Несмотря а движеніе гуманизма и реформаціи, принесшихъ съ собою вѣяніе новаго духа, іезуиты упорно оставались вѣрными рутинѣ и аглухо затворили двери своихъ школъ отъ наплыва новыхъ ией. Отсюда, новый взглядъ науки никогда не проникалъ въ іезуитскія школы; безъ дозволенія и разрѣшенія генерала ордена нельзя было ни переводить, ни печатать новыхъ книгъ, ни измѣнять строя образованія.

Іезуитская педагогика особенно замѣчательна своею дисциплиною. Эта дисциплина сковывала іезуитскаго воспитанника такъ, что онъ не могъ сдѣлать ни одного шага свободно и безконтрольно. Съ скрупулезною точностью опредѣлялось далѣе каждое его движеніе, каждое положеніе его тѣла. По инструкціи, начертанной самимъ Лойолою, поза іезуита такова: «голова должна быть нѣсколько опущена на грудь, но не наклонена ни на ту, ни на другую сторону; глазъ совсѣмъ не поднимать, а напротивъ, опускать всегда предъ тѣми лицами, съ которыми приходится говорить, и смотрѣть на нихъ лишь косвенно; не морщить ни лба, ни носа, и видъ имѣть скорѣе любезный и довольный, чѣмъ печальный; идти величественно и съ достоинствомъ» (см. «Portrait du Jesuite. Histoire des Jesuites» стр. 41-я, т. I-й). Воспитанникъ іезуитскій, съ утра до ночи, былъ на глазахъ своихъ воспитателей. Инструкція не дозволяла ему ни на одинъ мигъ оставаться наединѣ съ самимъ собою, съ своими думами и мечтами: «nunquam unus, raro—duo, semper tres,“ гласила, на этотъ разъ, іезуитская инструкція. Обязывая своихъ питомцовъ постоянно быть вмѣстѣ, іезуиты развивали въ нихъ, вмѣстѣ съ этимъ, шпіонство, дохо-

дившее часто до ужасающихъ размѣровъ. Каждый воспитанникъ іезуитскій наблюдалъ за своимъ товарищемъ, наблюдалъ каждый его шагъ, каждое движеніе и доносилъ о томъ кому слѣдовало. А шпіонство, въ свою очередь, развивало скрытность, лицемѣріе, лукавство, подлость и ханжество. Не менѣе зоркая опека была и надъ приходящими учениками. Іезуиты старались проникнуть въ ихъ семейства, изучить направленіе ихъ родителей, особенно матерей, складъ ихъ семейной жизни и т. п. Если они замѣчали въ мальчикѣ особенныя способности, которыя, почему-либо, казались имъ пригодными, то старались заглушить въ немъ естественное чувство къ роднымъ и переманить его къ себѣ. Вообще, родственныя чувства іезуиты старались охлаждать въ своихъ питомцахъ, развивая въ нихъ сердитую жестокость и холодность и поставляя ихъ, такимъ образомъ, во враждебныя отношенія къ тому самому обществу, которое дало имъ существованіе. Неудивительно, если, послѣ этого, нѣкоторые несчастные родители въ своемъ родномъ сынѣ нерѣдко встрѣчали себѣ непримиримаго врага...

Главное педагогическое средство, употреблявшееся іезуитами для возбужденія въ своихъ питомцахъ энергіи и прилежанія къ мертвой наукѣ (какою она сдѣлана была у нихъ при помощи схоластики), было «соревнованіе». Духъ соревнованія поддерживался и развивался преимущественно дѣленіемъ воспитанниковъ на преторовъ, цензоровъ, декуріоновъ, магистратовъ и другіе школьные чины. Всякій ученикъ, разумѣется, не прочь былъ имѣть почотное титло цензора, претора и проч., и вотъ, подстрекаемый самолюбіемъ, онъ напрягалъ всѣ усилія добиться желаннаго чина, тѣмъ болѣе, что къ цензорамъ и другимъ школьнымъ чинамъ воспитатели были особенно добры, внимательны и предупредительны. Притомъ, съ титломъ цензора, декуріона, магистрата и друг. неразрывно была соединена мысль о наградахъ и отличіяхъ, раздача которыхъ совершалась съ особенною торжественностью, при огромномъ стеченіи народа. Имена награждаемыхъ торжественно провозглашались и, затѣмъ, красовались на доскѣ на показъ всѣмъ и каждому. Съ другой стороны,

малоуспѣшность и лѣность, заграждая путь къ полученію титла цензора, декуріона и т. п., очень дѣятельно преслѣдовались іезуитскою педагогикою; правда, въ іезуитскихъ школахъ не было тѣлеснаго наказанія, но зато его замѣняла молитва; нерѣдко на провинившагося надѣвали также дурацкій колпакъ, ослиныя уши и т. п. Если наказываемый и послѣ того не исправлялся, т. е. продолжалъ лѣниться и не успѣвать, то іезуиты не безпокоились больше о немъ: имъ и такіе люди были нужны. Изъ нихъ они составляли полки своихъ кліентовъ, готовыхъ въ огонь и воду по мановенію своихъ патроновъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ серьезность іезуитскаго воспитанія. Послѣ этого, понятнѣе будетъ педагогическая дѣятельность и, вообще, вліяніе іезуитовъ въ предѣлахъ Россіи.

(Голосъ.)

ПО ПОВОДУ ИЗДАНІЯ ВЪ ПАРИЖѢ БРОШЮРЫ „LA VERITE SUR L'INSURRECTION POLONAISE DE 1863 AN. (ИСТИНА О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ 1863 г.)

Между множествомъ политическихъ брошюръ, выходящихъ въ Парижѣ, явилась недавно „La vérté sur l'insurrection polonaise de 1863," написанная французомъ, принимавшимъ, съ титуломъ полковника, дѣятельное участіе въ подвигахъ повстанцовъ. Эта брошюра не сообщаетъ ни одного новаго факта, съ которымъ не были бы знакомы читатели нашихъ газетъ; но нѣкоторыя сближенія автора довольно любопытны. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, устроена бѣглыми поляками особая счетная палата для повѣрки издержекъ послѣдняго повстанья. Эта счетная палата обѣщала совершить предпринятую работу въ теченіи трехъ мѣсяцовъ; но вотъ прошло пять лѣтъ, а результатовъ повѣрки не видно. Въ повстанскую кассу поступило 78,750,000 франковъ; извѣстно, куда израсходованы 27,144,920 франковъ, а куда дѣвались остальные 51,605,080 франковъ—никто не вѣдаетъ. Видимъ только, что одни предводители и распорядители обвиняютъ другихъ, а въ итого, всетаки, оказывается, что 51 мильйонъ разворованъ доб-

рыми патріотами. Послѣ стычки подъ Мѣховымъ, диктаторъ Лангевичъ бѣжалъ за границу и *спасъ* повстанскую кассу, то есть, увезъ ее съ собою. Съ тѣхъ поръ оказалось, что деньги, собранныя съ ойчизны посредствомъ вооруженныхъ сборщиковъ, были ему вовсе нелишнія, потому что диктаторъ, выпущенный изъ австрійской тюрьмы, не перестаетъ путешествовать и до сихъ поръ живетъ бариномъ. Другіе предводители, спасаясь съ «поля чести», конечно, точно такъ же *спасали* деньги ввѣренныя имъ ржондомъ народовымъ. Но гражданскіе распорядители не очень щедро надѣляли деньгами людей, предназначенныхъ на убой, потому что они, повидимому, ни на минуту не питали несбыточной надежды одержать побѣду надъ русскими войсками. Они имѣли полное право разсчитывать, что въ ихъ рукахъ деньги будутъ цѣлѣе, и въ самомъ дѣлѣ сберегли ихъ въ свою пользу. Конечно, ни одна счетная палата въ свѣтѣ не въ состояніи усчитать, сколько именно украденныхъ денегъ въ чей карманъ поступило, не говоря уже, что и въ 27 издержанныхъ мильонахъ есть преувеличенныя цифры. Такъ, напримѣръ, на однѣ только путевыя издержки изъ Привислинскаго края въ Парижъ и обратно записана громадная сумма въ 1,600,000 франковъ. На одежду 6,000 повстанцовъ и на кавалерійскія сѣдла насчитано 3,000,000 фр., или по 500 фр. на человѣка. Впрочемъ, диктаторъ Мѣрославскій, въ своихъ оправдательныхъ и объяснительныхъ запискахъ, говоритъ, что добрые патріоты разворовали не 51, а цѣлыхъ 60 мильоновъ франковъ. Принимая въ соображеніе, что 60 мильоновъ—деньги хорошія и что коноводамъ онѣ достались очень дешево, надо полагать, что они не откажутся еще и еще попробовать столь же выгодной операціи. Едва ли только тѣ бараны, которыхъ они стригли, захотятъ вторично подставлять свою шкуру для того только, чтобъ коноводы вкусно обѣдали и содержали шикарныхъ возлюбленныхъ.

Къ украденнымъ мильонамъ слѣдуетъ прибавить 1,371 человѣческую душу, украденную повстанцами у своей родины. Дѣйствительно, по приговорамъ ржонда народоваго, а также разныхъ, будто бы, народныхъ комитетовъ и начальниковъ, повѣшено, за-

рѣзано и частью отравлено 1,371 человѣкъ, и въ томъ числѣ 1,315 крестьянъ. Это крайне поучительная цифра, если принять въ соображеніе, что законнымъ правительстомъ казнено было 36 дворянъ, 14 ксендзовъ, 26 человѣкъ мелкой шляхты, 20 мастеровыхъ, 23 крестьянина, 22 дезертира и 75 лицъ, неимѣвшихъ опредѣленныхъ занятій.

Какія почтенныя лица участвовали въ дѣлѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что одинъ изъ нихъ, знаменитый ксендзъ Котковскій, помощникъ ксендза Микошевскаго, въ дѣлѣ учрежденія жандармовъ вѣшателей, въ недавнее время даже въ Парижѣ былъ осужденъ на двухлѣтнее тюремное заключеніе за поддѣлку русскихъ кредитныхъ билетовъ. Другой ксендзъ, Еловицкій, укралъ 100,000 франковъ изъ числа собранныхъ въ Парижѣ по подпискѣ въ пользу пострадавшихъ поляковъ, и подарилъ эти деньги святому отцу въ Римѣ. Хорошъ жертвователь, но хорошъ и тотъ, кто принялъ краденую жертву!

Едва ли въ какомъ-либо періодѣ исторіи какого бы то ни было народа найдется столько безобразій, уродства и мерзостей, приходящихся на одинъ годъ, какъ въ 1863 году въ Привислинскомъ краѣ. Это страшное время пронеслось надъ народомъ, который въ недавнее время имѣлъ еще право называться польскимъ, и нетолько оставило на немъ глубокій слѣдъ, но и произвело въ немъ потрясеніе, проникающее его до мозга костей, и законченное послѣднимъ толчкомъ законнаго правительства. Бывшее польское общество подверглось такому перевороту, который поколебалъ, расшаталъ и изломалъ всѣ его суставы и узлы. Въ концѣ 1863 года, всѣ чувства и убѣжденія, всѣ обязанности и права личныя и семейныя, общественныя и религіозныя, онѣмѣли и исчезли въ присутствіи одного только закона, диктуемаго тайною властью повстанья, и въ присутствіи одной только обязанности: повиновенія этой власти. Это желѣзное послушаніе, это напряженіе всѣхъ нравственныхъ силъ къ одной только цѣли могло имѣть свое политическое величіе, но въ смыслѣ соціальномъ—это было ужасною конвульсіею народнаго тѣла, при чемъ всѣ суставы и всѣ кости были повывихнуты и поломаны. Об-

щество, которое, частью въ патріотическомъ увлеченіи, частью изъ страха, рѣшилось слушаться тайныхъ властей, въ которомъ политическое убійство было однимъ изъ главныхъ средствъ агитаціи, которое, наконецъ, до такой степени одеревенѣло, что смерть человѣка не вызывала ни одной человѣческой слезы, а на людское мученіе не отзывался ни одинъ вздохъ—такое общество не въ годъ, не въ два года возвратитъ себѣ нормальное кровообращеніе и въ состояніи возвратиться къ пробужденію обыкновенныхъ, честныхъ общественныхъ чувствъ. Послѣ чрезвычайныхъ усилій наступила апатія, сонливость, обморокъ, среди котораго ударилъ, какъ громъ, указъ 19-го февраля 1864 года, исправляющій вѣковую неправду въ отношеніяхъ землевладѣльцовъ и крестьянъ. Картина выходитъ поразительная, и наше правительство сдѣлаетъ неисправимую ошибку, если не воспользуется нынѣшнимъ состояніемъ бывшаго польскаго общества, чтобъ *въ трехсотлѣтнюю годовщину люблинской уніи* не покончить навсегда съ послѣдними остатками польщизны и съ самымъ именемъ польскимъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ ошеломленная змѣя можетъ ожить и опять будетъ стараться ужалить.

Но возвратимся къ брошюрѣ экс-повстанца. Между напечатанными имъ документами о разныхъ кражахъ польскихъ коноводовъ, есть чрезвычайно комическое письмо ксендза Микошевскаго къ кардиналу Патрицци. Бывшій членъ ржонда народоваго, первый организаторъ жандармовъ-вѣшателей, какъ видно, не былъ принятъ кардиналомъ и не получилъ позволенія отслужить обѣдню. Глубоко оскорбленный ксендзъ, въ этомъ письмѣ, отъ 13 февраля 1869 года, называетъ кардинала человѣкомъ гордымъ, несправедливымъ, невѣжливымъ, другомъ интригановъ и подлецовъ. Вѣроятно, старый кардиналъ, такъ-называемый князь церкви, не мало былъ удивленъ, читая такое посланіе.

Изъ другого приложенія узнаемъ, что поляки, въ своихъ донесеніяхъ къ дипломатическому агенту ржонда народоваго въ Парижѣ, Владиславу Чарторыйскому, называютъ его не иначе, какъ вашимъ высочествомъ. Повидимому, правда, что его отецъ, князь Адамъ, секретнымъ образомъ короновался въ Парижѣ, въ своей домашней церкви отеля Ламберъ.

Наконецъ, анекдотъ. Авторъ, экспповстанецъ, разсказываетъ, что въ апрѣлѣ 1864 года онъ бѣжалъ изъ Привислинскаго края и, проѣздомъ во Францію, остановился въ Познани у одного помѣщика. Тамъ встрѣтился онъ со многими господами изъ варшавскихъ своихъ знакомыхъ. Обниманія, цѣлованія и радость великая.—«Ну—говоритъ панъ Слюбицкій, помѣщикъ Влоцлавскаго уѣзда—такъ правда, что больше нѣтъ надежды? Пріѣдете въ Парижъ, любезный полковникъ, не забудьте же разсказать обо всемъ, что мы сдѣлали для повстанья! Господи Боже мой! Однѣхъ лошадей сколько у насъ пропало!»...

(Голосъ).

РѢЧЬ ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ФИЛАДЕЛЬФІИ Г. КУРТИНОМЪ, НАЗНАЧЕННЫМЪ ПОСЛАННИКОМЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Намъ доставленъ изъ Лондона англійскій текстъ рѣчи, произнесенной въ Филадельфіи (въ Соединенныхъ Штатахъ) достопочтеннымъ Андру Куртиномъ, назначеннымъ нынѣ посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ. Рѣчь эта была произнесена ораторомъ передъ 400 солдатами, его сослуживцами въ послѣднюю американскую войну, и нѣсколькими изъ его друзей. Вотъ ея переводъ: „Еслибъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ предложилъ мнѣ выборъ изъ мѣстъ, которыми онъ располагаетъ, я непремѣнно и не задумавшись выбралъ бы посольство въ Россію. Ни мои привычки, ни моя научная подготовка не дѣлаютъ меня пригоднымъ для двухъ другихъ важнѣйшихъ посольствъ (т. е. въ Англію и во Францію). При этихъ дворахъ приходится разрѣшать важные и сложные вопросы, созданные образомъ ихъ дѣйствій во время нашей междоусобной войны, и рѣшеніе это можетъ повести къ торжеству или къ пораженію септ-джемскаго министерства... Странное, право, дѣло, что народъ, живущій подъ наиболѣе монархическимъ правленіемъ во вселенной, и народъ, живущій подъ единственнымъ истинно-свободнымъ правительствомъ въ мірѣ могутъ такъ долго быть друзьями! Русскій и американскій народы были всегда друзьями. Мы питаемъ особенное сочув

ствіе къ нынѣшнему монарху Россіи, потому что, стоя лицемъ къ лицу съ сильною и богатою аристократіею, онъ въ одинъ день, декретомъ, исходившимъ изъ его собственной воли, разбилъ оковы рабства въ Россіи и сдѣлалъ всѣхъ людей свободными. Но это еще не все, друзья мои и согражданe. Въ самые мрачные дни войны 1863 года, когда рекрутскій наборъ повсюду искалъ солдатъ для пополненія обезлюдѣвшихъ армій республики, искалъ ихъ во всѣхъ городахъ и селахъ оставшихся вѣрными штатовъ, когда лажъ на золото достигъ высшихъ размѣровъ, когда мы трепетали отъ боязни, что двѣ великія европейскія державы признаютъ независимость мятежниковъ, вдругъ неожиданно появился, въ декабрѣ 1863 года, на нью-йоркскомъ рейдѣ русскій флотъ, состоявшій изъ вооруженныхъ судовъ, и провелъ цѣлую зиму въ нашихъ водахъ. Безъ всякихъ тирадъ и риторическихъ цвѣтовъ, этимъ было сдѣлано безмолвное предостереженіе иностраннымъ державамъ, что если онѣ намѣрены признать мятежъ, русскій царь стоитъ на сторонѣ свободнаго правительства. И нетолько поэтому, друзья мои, пріятно мнѣ ѣхать въ Россію: мнѣ пріятно ѣхать къ дружественному народу, и потому-то я съ меньшимъ сожалѣніемъ оставляю Пенсильванію. Правда, въ Россіи холодно, очень холодно, но тамъ живетъ народъ съ теплымъ сердцемъ, и я смѣло объявляю вамъ, что русскіе снѣга вовсе не пугаютъ меня".

(Голосъ).

ПРАЗДНОВАНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 11 МАЯ ПАМЯТИ СВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

11-го мая, происходило празднованіе памяти св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ. Программа празднованія этого дня здѣшнимъ славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ, уже извѣстная читателямъ, была выполнена, можно сказать, весьма удачно. День начался торжественнымъ богослуженіемъ въ исаакіевскомъ соборѣ, на которое собралось огромное множество народа и явились почти всѣ члены славянскаго комитета. Соборъ, *какъ это всегда дѣлается во время архіерейскаго служенія,*

былъ раздѣленъ рѣшоткою на двѣ части: въ передней помѣщались, около амвона, члены комитета и приглашенныя на празднество лица; направо отъ амвона высилась хоругвь Кирилла и Меѳодія, возлѣ которой на этотъ разъ, къ сожалѣнію, не было ея соорудителя, извѣстнаго слѣпца Г. И. Ширяева, заболѣвшаго за нѣсколько времени передъ этимъ и находящагося въ настоящую минуту въ весьма опасномъ положеніи. Божественную литургію совершалъ преосвященный Павелъ, епископъ выборгскій, викарій санктпетербургсій. Во время проскомидіи происходило посвященіе въ санъ іерея. За обѣднею, во время причастна, произнесено было приличное торжеству слово ректоромъ здѣшней духовной академіи, протоіереемъ Іоанномъ Леонтьевичемъ Янышевымъ. Слово составлено на текстъ: «вы свѣтъ міра; не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы» (Мѳ. 5, 14). Приложивши эти слова сначала къ апостоламъ, святителямъ и, затѣмъ, къ просвѣтителямъ славянъ, св. Кириллу и Меѳодію, проповѣдникъ, потомъ, примѣнилъ ихъ и ко всѣмъ вообще христіанамъ, которые должны отличаться ясностью мысли, теплотою любви и чистотою намѣреній. Чрезъ всю проповѣдь проведена одна основная мысль: «о необходимомъ и животворномъ вліяніи христіанства на жизнь, развитіе и воспитаніе человѣчества». Мысль эта была развита въ проповѣди съ надлежащею полнотою, ясностію и простотою; вся вообще проповѣдь была изложена рѣчью бойкою и сильною, и произнесена наизустъ со всѣмъ ораторскимъ искусствомъ талантливаго проповѣдника, какимъ мы давно привыкли считать о. Янышева. По окончаніи обѣдни, торжественно совершено было молебствіе св. Кириллу и Меѳодію, цѣлымъ соборомъ нашихъ іерарховъ, въ сослуженіи шести архимандритовъ и до двадцати священныхъ лицъ изъ бѣлаго духовенства. Въ числѣ іерарховъ были слѣдующіе: высокопреосвященные митрополиты: *Исидоръ*, санктпетербургскій, *Арсеній*, кіевскій и *Инокентій*, московскій; архіепископы: *Василій*, членъ святѣйшаго синода, *Макарій*, литовскій, *Нектарій*, харьковскій и епископъ *Павелъ*, выборгскій, викарій санктпетербургскій. Послѣ молебна, членами славянскаго комитета принесена была служившимъ іерархамъ бла-

годарность за то, что, по приглашенію комитета, они почтили всеславянское торжество своимъ участіемъ.

Послѣ обѣдни большинство членовъ славянскаго комитета отправились въ гостиницу Демута на скромный завтракъ по подпискѣ. Въ большой залѣ гостиницы былъ накрытъ длинный столъ, за которымъ помѣстилось до полутораста участниковъ завтрака. Общество было самое разнородное. Тутъ сливались въ одну дружную семью высокопоставленные въ администраціи лица, военные, литераторы, ученые, духовные, художники—словомъ представители почти всѣхъ классовъ нашего мыслящаго общества. Предсѣдателемъ завтрака, начавшагося молитвою, прочитанною о. Янышевымъ, былъ избранъ А. Н. Поповъ, который и провозгласилъ первую здравицу за Государя Императора, принятую, какъ всегда принимается она во всякомъ собраніи русскихъ людей—съ восторженными кликами. Такой же восторгъ возбудила здравица за Государя Наслѣдника, Государыню Цесаревну и весь августѣйшій домъ. За этими здравицами попросилъ слова А. Б. Иваницкій. Напомнивъ присутствовавшимъ о краснорѣчивой проповѣди о. Янышева, только что слышанной въ исакіевскомъ соборѣ, ораторъ сказалъ нѣсколько горячихъ словъ о благотворномъ вліяніи, которое можетъ имѣть общеніе между нашимъ обществомъ и духовенствомъ и предложилъ здравицу за сближеніе между ними. Слова А. Б. Иваницкаго были приняты съ горячимъ одобреніемъ. Въ отвѣтъ на нихъ о. Янышевъ, просивъ позволенія начать свою рѣчь словами «братіе!» какъ наиболѣе приличными его сану, поблагодарилъ предшествовавшаго оратора и всѣхъ присутствовавшихъ за выраженное ему сочувствіе и, затѣмъ, указалъ на всегдашнюю готовность духовенства къ сближенію съ обществомъ. Если это сближеніе до сихъ поръ еще не совершилось вполнѣ, то виною этого было, по словамъ оратора, приниженное положеніе духовенства, условія его воспитанія и обстановки и вызываемое отчасти ими, а, отчасти и другими причинами недовѣрчивое отношеніе общества къ духовенству; покончить съ такимъ положеніемъ вещей вполнѣ зависитъ отъ общества. Духовенство же, съ своей стороны, вполнѣ готово къ

ближенію..., Небольшая рѣчь о. Янышева, произнесенная съ необыкновенною простотою и задушевностью, была выслушана съ величайшимъ сочувствіемъ и вызвала громкое ободреніе. По окончаніи ея, всѣ присутствовавшіе оставили свои мѣста и сгруппировались около оратора, выражая полное ему сочувствіе.

Затѣмъ, были предложены здравицы за угнетенныхъ славянъ и славянскихъ дѣятелей, въ честь предсѣдателя петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, въ честь отсуствующаго Г. И. Ширяева и нѣсколько другихъ. Въ концѣ завтрака, И. П. Корниловъ (бывшій попечитель виленскаго учебнаго округа) предложилъ здравицу въ честь И. С. Аксакова и Ю. Ѳ. Самарина, которая была принята съ восторгомъ и тутъ же было рѣшено отправить въ Москву къ упомянутымъ лицамъ телеграмму... Около трехъ часовъ присутствовавшіе разошлись, вынеся самое пріятное впечатлѣніе съ этого скромнаго пира.

Вечеромъ, въ девять часовъ, члены комитета собрались на торжественное засѣданіе (послѣднее передъ лѣтнимъ перерывомъ дѣятельности комитета въ общемъ его составѣ).

Предсѣдатель отдѣла, А. Ѳ. Гильфердингъ, открылъ засѣданіе слѣдующими словами:

«Сегодняшнимъ засѣданіемъ оканчивается первый годъ дѣятельности петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета. Тѣ изъ васъ, господа, которые принимали участіе въ учрежденіи нашего общества, припомнятъ, что послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ совѣщаній, первое засѣданіе нашего отдѣла происходило 7-го мая прошлаго года. Первое дѣйствіе, которымъ мы тогда же проявили наше существованіе, было устройство торжественнаго богослуженія въ память Кирилла и Меѳодія. Какъ и слѣдовало, поминовеніемъ нашихъ первоучителей, которыхъ священное имя составляетъ символъ единства славянскихъ народовъ, начался и оканчивается первый годъ существованія нашего славянскаго собранія. Много ли или мало мы сдѣлали въ этотъ первый годъ, я объ этомъ разсуждать не буду. У васъ всѣхъ въ рукахъ подробный отчетъ о нашей дѣятельности. Смѣю сказать только одно: если сдѣланное нами въ этотъ годъ микроско-

пически мало по сравненію съ великостью нашей задачи, то оно не такъ ничтожно, если принять въ соображеніе средства, съ которыми мы начали. Когда мы, въ прошедшемъ году, рѣшились образовать здѣсь отдѣлъ московскаго славянскаго комитета, насъ было человѣкъ десять; теперь отдѣлъ нашъ имѣетъ до 240 членовъ. Когда мы приступили къ нашей дѣятельности, капиталъ нашъ не превышалъ, кажется, ста рублей, а въ теченіи года собралось болѣе десяти тысячъ, и уже основанъ неприкосновенный фондъ, столь необходимый для всякаго общественнаго предпріятія, разчитывающаго на то, чтобъ быть прочнымъ. Такимъ образомъ, господа, мы имѣемъ право сказать, что первый годъ не былъ для насъ неудаченъ. Напротивъ, мы можемъ теперь заявить смѣло, что мысль учредить въ Петербургѣ отдѣлъ славянскаго комитета-мысль, первымъ возбужденіемъ которой мы обязаны, если не ошибаюсь, Вл. Ив. Ламанскому—что эта мысль встрѣтила въ русскомъ обществѣ Петербурга искреннее сочувствіе и горячую поддержку со стороны многихъ и многихъ. Нашъ первый годовой отчетъ выяснилъ также весьма опредѣлительно и самый характеръ дѣятельности, которую себѣ усвоилъ нашъ комитетъ.

«Славянскій благотворительный комитетъ въ Москвѣ, какъ вамъ извѣстно, не имѣетъ подробнаго устава, и это, по моему мнѣнію, счастіе. Задача комитета такъ проста и, въ то же время, такъ обширна, что при исполненіи ея нужно руководствоваться наличными средствами, а не искуственною регламентаціею какихъ-нибудь, параграфовъ. Десятилѣтній опытъ московскаго комитета передъ нами. Десять лѣтъ онъ дѣйсвуетъ, расширая или сокращая свои дѣйствія, смотря по состоянію денежныхъ средствъ, и отъ отсутствія рагламентаціи и параграфовъ не происходитъ въ немъ ни замѣшательства, ни розни. Того же самаго начала и мы придерживаемся. Но отъ неимѣнія устава происходитъ то, что мы часто слышимъ отъ новоприбывающихъ членовъ вопросъ: въ чемъ собственно заключается задача нашего комитета? каковъ характеръ его дѣятельности? Первый годъ существованія нашего собранія свидѣтелсствуетъ объ этомъ. Задача наша была и я

адѣюсь, всегда будетъ, вопервыхъ, помогать, по мѣрѣ нашихъ едствъ, духовнымъ нуждамъ славянскихъ народовъ заграницею, къ церквамъ, училищамъ и литературнымъ предпріятіямъ и тѣмъ зъ молодыхъ людей, которыхъ они присылаютъ къ намъ учиться, , вовторыхъ, содѣйствовать взаимному сближенію и ознакомленію между русскимъ обществомъ и славянами. Ни болѣе, ни енѣе. Все, что касается собственно нуждъ въ нашемъ отечествѣ, о находится внѣ круга дѣятельности нашего комитета: на то сть особыя благотворительныя и всякія другія общества. Если ы взяли на себя содѣйствовать распространенію евангелій въ русскомъ народѣ, то сдѣлали это не въ нарушеніе предѣловъ нашей дѣятельности, а въ память тѣхъ людей, чрезъ которыхъ русскій народъ получилъ евангеліе на родномъ языкѣ и имя которыхъ должно напоминать ему о его единствѣ съ славянскимъ міромъ. Съ другой стороны, что касается собственно славянскихъ народовъ заграницею, то тутъ все, что выходитъ изъ нашей чисто духовной и общественной программы, все это намъ чуждо и неподвѣдомо. Потому мы всегда останавливаемся тамъ, гдѣ начинается область политики, и отъ нея отступаемъ. И это мы дѣлаемъ не изъ какихъ-нибудь видовъ и разсчетовъ, а потому, что такова самая сущность нашего комитета, общества *благотворительнаго*. Еслибъ къ дѣятельности его примѣшивался въ чемъ-либо политическій оттѣнокъ, то она должна была бы и сообразоваться съ политокой: одинъ день нужно бы было поступить такъ, а на другой день иначе, смотря по указанію политическаго барометра. А мы, напротивъ, какую бы погоду ни показывалъ барометръ, откуда бы вѣтеръ ни дулъ, должны идти и идемъ своею прямою дорогою. Насъ собрало и насъ ведетъ одно начало— братская любовь къ единоплеменнымъ братьямъ нашимъ, а любовь политики не знаетъ и знать не должна.»

Затѣмъ прочитанъ секретаромъ Н. А. Кирѣевымъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 4-го мая.

Предсѣдатель прочелъ письмо почетнаго члена комитета слѣпца Г. И. Ширяева, слѣдующаго содержанія: «Прилагая при семъ 300 экземпляровъ брошюры, изданной къ сегодняшнему дню въ

память славянскихъ просвѣтителей *), покорнѣйше прошу предложить изъ оныхъ по экземпляру всѣмъ членамъ комитета, собравшимся на торжественное сего 11-го мая засѣданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить, что тяжкая болѣзнь лишаетъ меня возможности лично явиться въ настоящее засѣданіе съ всеусерднѣйшимъ моимъ приношеніемъ». Брошюра роздана всѣмъ присутствовавшимъ и положено благодарить Г. И. Ширяева за это приношеніе.

Доложены сообщенныя московскимъ комитетомъ подробныя свѣдѣнія о нуждахъ церквей и училищъ въ Босніи и Галиціи. Положено изъ суммъ комитета ассигновать тысячу рублей на удовлетвореніе самымъ настоятельнымъ изъ сихъ нуждъ, предоставивъ распоряженіе этою суммою, по предварительномъ соглашеніи съ московскимъ комитетомъ, исполнительному присутствію петербургскаго отдѣла (состоящему изъ предсѣдателя, секретаря и казначея отдѣла и нѣкоторыхъ другихъ членовъ комитета).

Прочитано заявленіе этого же Г. К. Ширяева о постройкѣ на древней новогородской почвѣ, въ градѣ св. Петра, храма во имя святыхъ равноапостольныхъ просвѣтителей нашихъ, Кирилла и *Меѳодія*, причомъ Г. И. Ширяевъ приглашалъ славянскій комитетъ оказать возможное содѣйствіе осуществленію этого дѣла. Выражено единодушное сочувствіе этому предложенію, и многіе изъ членовъ заявили желаніе подписать на немъ свои имена; къ обсужденію мѣръ, которыя должны быть приняты комитетомъ по сему предмету рѣшено приступить при возобновленіи собраній комитета въ сентябрѣ.

---

*) Заглавіе брошюры: „Три присно памятныя слова въ память всеславянскихъ просвѣтителей, единокровнымъ и единоплеменнымъ братіямъ предлагаемыя". Въ брошюрѣ помѣщены: 1) слово ректора санктпетербургской духовной академіи протоіерея Янышева, сказанное въ исаакіевскомъ соборѣ въ день св. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, въ присутствіи славянскихъ гостей 11-го мая 1867 г.; 2) привѣтственное слово въ Бозѣ почившаго Филарета, митрополита московскаго, къ посѣтившей его депутаціи отъ славянскихъ гостей 17-го мая 1867 года; 3) слово ректора санктпетербургской духовной академіи, протоіерея Янышева, сказанное въ исаакіевскомъ соборѣ въ день тысячелѣтія кончины св. Кирилла великаго апостола и первоучителя славянъ, 14-го февраля 1869 года.

Прочитанъ докладъ исполнительнаго присутствія о засѣданіи его 24-го апрѣля слѣдующаго содержанія:

«Петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго комитета, въ засѣданіи своемъ 23-го марта сего года, слушалъ докладъ коммисіи, обсуждавшей сдѣланное на торжественномъ собраніи 14-го февраля сего года, предложеніе О. Ѳ. Миллера и постановилъ: собранные на торжественномъ собраніи 14-го февраля сего года 325 руб. сер., а также и тѣ деньги, которыя ежегодно будутъ собираемы въ день памяти св. Кирилла и Меѳодія употреблять на покупку евангелій, для разсылки въ русскія сельскія школы отъ имени славянскаго благотворительнаго комитета. При семъ опредѣленіе способа закупки и разсылки евангелій возложено на исполнительное присутствіе, по соглашенію съ А. И. Георгіевскимъ. Вслѣдствіе этого, исполнительное присутствіе, войдя въ разсмотрѣніе подлежащаго ему вопроса, прежде всего выслушало письмо Т. И. Филиппа къ А. И. Георгіевскому, въ которомъ объяснялось, что необходимо рѣшить, какое изъ трехъ изданій евангелія: на русскомъ, на славянскомъ, или на обоихъ языкахъ должно быть избрано для разсылки, и указывалось, что славянскій текстъ долженъ быть предложенъ народу ради его церковнаго значенія и высокаго литературнаго достоинства и ради того, что это тотъ самый текстъ, хотя и видоизмѣненный, который церковь получила отъ св. Кирилла и Меѳодія; русскій же текстъ необходимъ при этомъ для облегченія уразумѣнія текста славянскаго. Посему предлагалось избрать для разсылки изданіе въ два текста: славянскій и русскій. Соглашаясь съ симъ, присутствіе единогласно постановило разсылать въ сельскія школы евангелія въ два текста: славянскій и русскій. Затѣмъ, присутствіе рѣшило: 1) просить Н. П. Ладыженскаго навести справки о возможно дешовой закупкѣ евангелій и, затѣмъ, произвести таковую закупку на имѣющуюся въ настоящее время сумму; 2) посылать экземпляры евангелій въ распоряженіе земскихъ управъ и 3) на первый разъ разослать книги эти въ губерніи: Петербургскую, Олонецкую, Новгородскую и Псковскую, распредѣливъ между сими губерніями поровну то количество экземпляровъ, ко-

торое окажется возможнымъ пріобрѣсти на имѣющіяся въ настоящее время средства.

Затѣмъ, А. Б. Иваницкій предложилъ продолжать, согласно принятому въ торжественномъ засѣданіи 14-го февраля рѣшенію, сборъ на дальнѣйшую закупку евангелій (сборъ и былъ тутъ же произведенъ), а Н. Н. Ладыженскій заявилъ, что независимо отъ этого, онъ жертвуетъ 100 руб., чтобъ положить началю образованію фонда на изданіе новаго завѣта паралельно на двухъ языкахъ, церковно-славянскомъ и польскомъ, съ тѣмъ, чтобъ: 1) польскій текстъ былъ во всей строгости точенъ и вѣренъ, какъ въ отношеніи правильности перевода съ греческихъ подлинниковъ, такъ и въ отношеніи филологическомъ, т. е. съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ и духа польскаго языка, и 2) чтобъ польскій текстъ былъ напечатанъ не латинскими буквами, а кирилицею. Н. Н. Ладыженскій присовокупилъ: «Если это святое дѣло доставленія польскимъ простолюдинамъ возможности читать слово Божіе на ихъ родномъ языкѣ, это внесеніе свѣта въ душу того, кого польскій панъ и ксендзъ называли *«быдло»*, т. е. *«скотъ»*—это первое движеніе на встрѣчу народу, уже тысячу лѣтъ отторгнутому отъ единокровной всеславянской семьи, если это дѣло удостоится братскаго благословенія и соучастія славянскаго благотворительнаго комитета, то я питаю надежду, что существующая нынѣ при нашемъ отдѣленіи издательская коммисія не откажетъ предлагаемому нынѣ изданію въ своемъ содѣйствіи и руководствѣ. Польскій текстъ Новаго Завѣта уже существуетъ; церкви протестантскія, какъ реформатская, такъ и лютеранская, имѣютъ своихъ последователей въ числѣ нашихъ соотечественниковъ, уроженцевъ губерній западныхъ и привислянскихъ; съ увѣренностью можно полагать, что польскій текстъ Новаго Завѣта, которымъ они пользуются въ своемъ богослуженіи, довольно вѣренъ и, во всякомъ случаѣ, не будетъ требовать большихъ поправокъ. Польскій переводъ Новаго Завѣта можетъ быть найденъ также въ числѣ изданій лондонскаго библейскаго общества. Что же касается напечатанія польскаго текста не латинской, а кирилицей, то на это мы уже имѣемъ блистательный примѣръ: мы говоримъ о польской сельской хресто-

матіи и польской ариеметикѣ, изданныхъ въ Варшавѣ въ 1866 г. и напечатанныхъ русскимъ алфавитомъ, примѣненнымъ къ звукамъ польскаго языка.» Предложеніе Н. Н. Ладыженскаго встрѣчено съ сочувствіемъ и вызвало нѣсколько пожертвованій на тотъ же предметъ; обсужденіе же способа исполненія этого дѣла поручено издательской коммисіи.

Затѣмъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ бесѣдѣ, возбудившей живѣйшій интересъ слушателей, представилъ краткую характеристику исторіи галицкой Руси до присоединенія ея къ Польшѣ. Этотъ историческій очеркъ показалъ, что существенная причина, помѣшавшая галицкой Руси дѣйствовать притягательно на другія русскія княжества и повлекшая ее къ отторженію отъ русскаго единства, заключалась въ аристократической стихіи, развившейся въ тамошнемъ боярствѣ. Комитетъ единодушно выразилъ желаніе, чтобъ этотъ очеркъ исторіи Галицкой Руси былъ скорѣе напечатанъ.

А. П. Нарановичъ представилъ краткій отчетъ объ исполненіи имъ, въ бытность его въ Прагѣ возложенныхъ на него комитетомъ порученій. Онъ сказалъ слѣдующее: «Въ засѣданіи своемъ, 23-го марта сего года, комитетъ опредѣлилъ въ мое распоряженіе 500 руб., предоставивъ мнѣ употребить ихъ въ Прагѣ на дѣло, которое наиболѣе соотвѣтствовало бы цѣлямъ комитета. Распорядился я этими деньгами слѣдующимъ образомъ: 1) Имѣя въ виду постановленіе, состоявшееся въ то же засѣданіе, 23-го марта, я, прежде всего, приступилъ къ изданію брошюры о праздновавіи тысячелѣтія памяти св. Кирилла въ Петербургѣ и Москвѣ, вмѣстѣ съ *словами*, сказанными въ этотъ день нашими извѣстными проповѣдниками. Издавая ихъ, комитетъ желалъ непосредственно познакомить чеховъ съ воззрѣніями просвѣщенныхъ представителей православной церкви, тѣмъ болѣе, что послѣдняя до сихъ поръ была имъ извѣстна только по отзывамъ заграничной печати, которая всегда извращала настоящій смыслъ православія, подступая къ нему съ предвзятыми взглядами западной церкви. Брошюра эта сдана уже мною въ печать и появится въ концѣ этого или въ началѣ будущаго мѣсяца. Она печатается въ два-

столбца, паралельно на русскомъ и чешскомъ языкахъ. Могу сказать, что, знакомя чеховъ съ поученіями русскихъ пастырей, комитетъ отчасти предупреждаетъ желаніе чешскаго духовенства, потому что въ средѣ его, какъ я имѣлъ случай удостовѣриться, начинаютъ интересоваться тѣмъ, что составляетъ предметъ проповѣди въ русскихъ православныхъ церквахъ. 2) Такъ какъ между чехами и другими славянами интересъ къ русскому языку постоянно возрастаетъ, число обучающихся увеличивается и всѣ они встрѣчаютъ главнѣйшее препятствіе не въ пониманіи значенія словъ, а въ неправильности удареній, которыя въ нашемъ языкѣ дѣйствительно неуловимы, то оказывается положительно необходимымъ издать нѣсколько русскихъ книгъ, небольшаго объема, съ обозначеніемъ удареній на всѣхъ словахъ. Чтобъ не откладывать исполненія этого желанія, которое постоянно высказывается и учащимися и преподавателями, я на первый разъ остановился на разсказахъ любимой и дѣйствительно талантливой чешской писательницы Божены Нѣмцовой. Ея разсказъ, «Въ Шумовскихъ Горахъ», уже печатается въ русскомъ переводѣ съ удареніями и стоить будетъ менѣе полгульдена (около 30 коп. сер.). Деньги вырученныя этимъ изданіемъ, могутъ быть употреблены на слѣдующія подобныя. Я избралъ Божену Нѣмцову, прежде всего, потому, что она дѣйствительно интересна нетолько чеху, но и каждому читателю, а, сверхъ того, и потому, что 30-го мая нынѣшняго года открывается въ Прагѣ памятникъ этой писательницѣ. Издавая ея сочиненія славянскій комитетъ, съ своей стороны, воздаетъ достойную честь славянскому таланту, избирая произведенія его орудіемъ для распространенія русскаго языка между чехами и другими. 3) Переговоры объ устройствѣ торговли русскими книгами въ Прагѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Эта торговля откроется съ будущаго октября или ноября, на условіяхъ, которыя будутъ своевременно подробно изложены въ комитетѣ. Подробный отчетъ объ изросходованіи денегъ будетъ присланъ Николаемъ Сергѣевичемъ Киселевымъ, который тоже состоитъ членомъ нашего комитета и проживаетъ нынѣ въ Прагѣ; по моей просьбѣ, онъ взялся слѣдить за тщательнымъ исполненіемъ пред-

принятыхъ изданій и съ своей стороны, уполномочилъ меня объявить собранію свою полную готовность содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и возможности, благотворнымъ начинаніямъ комитета».

Послѣ непродолжительнаго перерыва, засѣданіе возобновилось заявленіемъ о томъ, что скопинскій городской голова, г. Рыковъ, жертвуетъ славянскому комитету сто руб., обѣщая вносить такую же сумму въ комитетъ ежегодно. Единогласно постановлено благодарить г. Рыкова.

Секретарь, Н. А. Кирѣевъ заявилъ, что, по желанію членовъ комитета, участвовавшихъ въ завтракѣ, имъ отправлены слѣдующія привѣственныя телеграмы: въ Москву—предсѣдателю славянскаго благотворительнаго комитета, М. П. Погодину; въ Москву же—городскому головѣ, князю Черкаскому, И. С. Аксакову и Ю. Ѳ. Самарину; въ Вильно—Я. Ѳ. Головацкому; во Львовъ—редактору «Слова», Дѣдицкому; въ Прагу—гг. Палацкому и Ригеру и редактору «Народныхъ Листовъ», Грегру; въ Вѣну—протоіерею М. Ѳ. Раевскому; въ Бѣлградъ—сербскому митрополиту Михаилу, и наконецъ, въ Загребъ южнославянской академіи и епископу Штроссмайеру.

И. А. Посоховъ заявилъ, что имъ получены телеграммы съ привѣтствіемъ комитету изъ Ростова-на-Дону и изъ Одессы. Сверхъ того, получена такая телеграма изъ Николаева отъ Ѳ. Н. Минькова, а изъ Одессы прислана слѣдующая телеграмма: «Гильфердингу, въ славянскій комитетъ. Празднуя память славянскихъ первоучителей, святыхъ Кирилла и Меѳодія, обнимаемъ въ лицѣ васъ всѣхъ славянъ и посылаемъ братскій привѣтъ *Тошковъ, Вучетичь, Палаузовъ, Гагаринъ, Муравьевъ, Родославлевичъ, Сепичъ, Катуричъ, Супичичъ*».

Прочитанъ протоколъ перваго засѣданія издательской коммисіи 5-го мая слѣдующаго содержанія:

«Засѣданіе открылось чтеніемъ постановленія санктпетербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета 27-го апрѣля 1869 года, объ утвержденіи программы издательской коммисіи и избраніи членами оной: А. Ѳ. Гильфердинга, А. И. Георгіевскаго, Вл. И. Ламанскаго, А. П. Нарановича, М. О. Кояловича, О.

Θ. Миллера, К. Н. Бестужева-Рюмина и А. Θ. Бычкова. Прочтена было самая программа дѣйствій издательской коммисія, утвержденная санктпетербургскимъ отдѣломъ славянскаго благотворительнаго комитета. Приступлено было къ выбору предсѣдателя коммисіи и, большинствомъ голосовъ, избранъ предсѣдателемъ коммисіи А. Θ. Гильфердингъ. Разсуждаемо было о выборѣ секретаря, причомъ, прежде всего, признано необходимымъ уяснить обязанности, которыя должны быть на него возложены, и постановлено: такъ какъ въ предполагаемыхъ изданіяхъ, которыя будутъ выходить отъ имени славянскаго благотворительнаго комитета, должно быть соблюдаемо единство нетолько по внутреннему направленію, но и во внѣшности, что положительно выражено въ § 17-мъ програмы, то всѣ таковыя изданія, кто бы ни былъ редакторомъ каждаго изъ нихъ, должны быть просматриваемы однимъ лицомъ. Такую общую редакторскую обязанность удобнѣе всего возложить на секретаря, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручить и завѣдываніе всею матеріальною частью изданій. За этимъ, относительно выбора лица въ должность секретаря, постановлено просить извѣстнаго своею литературною и издательскою дѣятельностью, члена славянскаго благотворительнаго комитета Н. В. Гербеля, принять на себя должность секретаря издательской коммисіи. А. Θ. Бычковъ предложилъ открыть рядъ изданій славянскаго котета (независимо отъ брошюры о Гуссѣ, издаваемой въ силу особаго постановленія) жизнеописаніемъ первоучителей славянскихъ, св. Кирилла и Меθодія. Жизнеописаніе это назначается для массы публики, то-есть, для лицъ, неимѣющихъ возможности знакомиться съ учеными трудами о Кириллѣ и Меθодіи, но оно должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть характеръ полной исторической достовѣрности и безпристрастія, и потому должно быть основано на всесторонней разработкѣ источниковъ. А. Θ. Бычковъ указалъ, что профессоромъ московской духовной академіи Голубинскимъ составленъ обширный ученый трудъ о Кириллѣ и Меθодіи, и что было бы желательно предложить г. Голубинскому сдѣлать изъ этого труда общедоступное извлеченіе, которое удовлетворяло бы имѣющейся въ виду цѣли. Постанов-

лаю просить г. Голубинскаго принять на себя составленіе общедоступнаго жизнеописанія Кирилла и Меѳодія. А. Ѳ. Гильфердингъ предложилъ издать рядъ книжекъ отдѣльно по каждой изъ славянскихъ земель для ознакомленія русскихъ читателей съ положеніемъ, статистикою, исторіею и литературою этихъ земель, и для этой цѣли на первый разъ издать переводъ книги: «Чехія», вошедшей въ составъ научнаго словаря Ригера, съ значительными сокращеніями. Предложеніе это принято.

Засимъ заявлено о пожертвованіи В. С. Барыковымъ 100 руб. на изданіе паралельнаго словаря главныхъ славянскихъ языковъ: русскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго, съ тѣмъ, чтобъ слова чешскія и польскія переданы были кирилицей. Къ этому пожертвованію Н. Н. Ладыженскій, И. П. Корниловъ, А Н. Поповъ и М. А. Загуляевъ присоединили по 25 руб. каждый, обѣщая и дальнѣйшую поддержку предпріятію. Выражено сочувствіе предложенію г. Барыкова и благодарность ему и прочимъ жертвователямъ; обсужденіе же способовъ приступить съ изданію передано издательской коммисіи.

А. Н. Майковъ прочелъ разсказъ объ Ермакѣ, долженствующій войдти въ число составляемыхъ имъ очерковъ изъ русской исторіи для народнаго чтенія. Разсказъ этотъ вызвалъ единодушное одобреніе и громкія рукоплесканія слушателей.

Заявлено о пожертвованіи Г. С. Поповымъ, И. П. Корниловымъ, М. М. Лукьяновымъ, А. Н. Поповымъ и М. О. Кояловичемъ книгъ для разсылки въ славянскія земли, и Н. Н. Ладыженскимъ 20 экземпляровъ музыкальнаго сборника русскихъ народныхъ пѣсень Балакирева въ дополненіе къ режде посланнымъ имъ въ славянскія земли 30 экземплярамъ этого изданія.

Въ заключеніе, А. Б. Иваницкій обратился къ членамъ комитета съ краткимъ словомъ, въ которомъ предложилъ тѣмъ изъ присутствовавшихъ, которые на лѣто уѣзжаютъ изъ Петербурга, содѣйствовать распространенію свѣдѣній о славянскомъ благотворительномъ комитетѣ и привлеченію новыхъ силъ къ его дѣятельности.

По окончаніи засѣданія, на столѣ найдено написанное каран-

дашомъ на обороте одной изъ прочитанныхъ въ комитетѣ бумагъ, стихотвореніе, никѣмъ неподписанное. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести это стихотвореніе, предоставляя читателямъ угадать скрывшаго свое имя автора:

Учило ныньче насъ божественное слово.
Въ своей священной простотѣ:
«Не можетъ скрыться градъ отъ зрѣнія людского,
Стоящій градъ на горной высотѣ».
Будь слово это сказано не всуе,
Завѣтомъ будь оно и намъ:
И мы, великій день здѣсь братски торжествуя,
Поставимъ нашъ союзъ на высоту такую,
Чтобъ всѣмъ онъ видѣнъ былъ, всѣмъ братскимъ племенамъ.

(*Голосъ.*)

ТОРЖЕСТВО ВАЗИЛІАНЪ ВЪ ЧЕСТЬ ІОСАФАТА КУНЦЕВИЧА.

Уніаты и католики, особенно іезуиты, дѣйствовавшіе за одно съ уніятами, всѣми силами старались придать измышленному ими дѣлу уніи какъ можно больше законности и святости. Трудно однако имъ было убѣдить православный западно-русскій народъ, что унія въ томъ смыслѣ, какъ они ее понимали, существовала изпоконъ-вѣку, чуть не во времена самаго Іисуса Христа, что они затѣваютъ не что нибудь *новое*, а возобновляютъ только *старое*. Всѣ ученыя дисертаціи, написанныя въ защиту уніи, были доступны не многимъ, исключительно посвятившимъ себя наукѣ. Большинство же, масса, простой народъ и не зналъ даже о существованіи подобныхъ сочиненій. Да и могъ ли онъ понимать тѣ схоластическія тонкости, которыми наполнялись подобныя сочиненія. Народъ въ своей религіозной жизни руководится исключительно *преданіемъ* и религіознымъ *чувствомъ*. Преданіе же въ православномъ западно-русскомъ народѣ было крѣпко: онъ крѣпко помнилъ, что тѣ же духовные его пастыри, которые теперь проповѣдуютъ ему, что безъ святой уніи съ римскою церквію *нельзя спастись*, что *папа непогрѣшимъ*, тѣ же пастыри когда то проповѣдовали ему совершенно противное. *Преданіе* было свѣжо. Народъ чуялъ, что тутъ *дѣло не чисто*. Трудно обмануть

родное чутье, трудно идти противъ здраваго народнаго смы-
а. И потому—то мы видимъ, что унію на первыхъ порахъ
инимаютъ только люди должностные или вообще ищущіе по-
стей или виднаго мѣста. Большинство же и слышать не хо-
тъ объ уніи 1). Между тѣмъ сила въ массѣ— въ народѣ.
жно было какъ нибудь подѣйствовать на его *религіозное* чув-
во, словомъ—убѣдить его въ *святости* уніи. Но и тутъ на
рвыхъ порахъ встрѣтилось не малое затрудненіе: уніаты не
гли представить ни одного святого или мученика за унію, не
гли даже указать такого человѣка, который бы отличался
бенною святостію жизни. Не долго однако же уніаты нахо-
лись въ такомъ затруднительномъ положеніи. Въ средѣ уніат-
аго монашества, преобразованнаго Руцкимъ *въ базиліанскій*
денъ, подготовлялся человѣкъ, который еще при жизни от-
чался необыкновеннымъ аскетизмомъ и особенною ревностью
унiи. Это былъ извѣстный фанатикъ и гонитель православ-
хъ знаменитый Іосафатъ Кунцевичъ. Первыми подвигами
натизма ознаменовалъ себя Іосафатъ еще въ Вильнѣ, когда
ь былъ сначала простымъ монахомъ, а потомъ настоятелемъ
ленскаго Свято-Троицкаго монастыря, отнятаго у православ-
хъ митрополитомъ Поцѣемъ. Въ Вильнѣ всѣ знали Іоса-
та; да и какъ было не знать его, когда онъ, по разсказу у-
тскихъ жизнеописателей его, почти цѣлый день имѣлъ обык-
веніе ходить по улицамъ города Вильны и убѣждать попа-
вшихся ему на встрѣчу ремесленниковъ, нищихъ, стариковъ
старухъ и вообще всѣхъ праздношатающихся,—идти за нимъ
Троицкій монастырь и сейчасъ же исповѣдываться. Собрав
порядочную толпу, онъ отправлялся въ монастырь и проси-
алъ за исповѣдью по шести часовъ сряду 2). Здѣсь же онъ,

1) См. Заявленіе духовенства дворянъ и мѣщанъ о томъ, что не признаютъ Поцѣя митрополитомъ. Лит. Епар. Вѣд. 1868 г. 1 с. 517.

2) Jeszcze był diakonem w monasterzu S. Tr ycy w Wilnie, a już ł miłoscią do zbawienia dusz ludzkich. Wybiegiwał z domu na ry- ubogie kmiotki namawiał i prowadził do kościoła, kapłana im jednał.., wsiadł w spowiednicy, a uszy podał spowiedazioncym się nendznikom. kiedy sam kapłanem został, nio mu to było po sześci godzinach słu- spowiedzi..... Głos krwie B. Jozafata 1629 г. Стр. 9.

сидя на камнѣ, бичевалъ себя, постоянно взывая: „Господи! уничтожь схизму (православіе), дай унію.“ (Tolle, Domine, schisma, da unionem!) За особенную *ревность* къ уніи и святость жизни Іосафатъ чрезъ три года былъ возведенъ Рудкимъ на полоцкую архіепископію. Не станемъ подробно описывать подвиговъ изувѣрства, которыми ознаменовалъ себя на новомъ, болѣе широкомъ поприщѣ дѣятельности, этотъ фанатикъ, не дававшій покоя православнымъ даже въ гробу. Все это подробно и обстоятельно изложено въ исторіи уніи Кояловича, Бантышъ-Каменскаго и Говорскаго. Не станемъ также подробно описывать достойной кончины Іосафата въ Витебскѣ, куда онъ прибылъ для утвержденія и распространенія уніи. Народъ не находя ни въ комъ законной защиты и покровительства, взволновался и умертвилъ своего гонителя. Базиліане только того и ожидали. Фанатикъ, въ своихъ гоненіяхъ на православныхъ забывавшій и Божескія и человѣческія законы, какъ выразился въ своемъ знаменитомъ письмѣ Сапѣга 1),—этотъ то фанатикъ былъ провозглашенъ базиліанами *мученикомъ!* Римская церковь причислила его къ лику святыхъ. Уніатская церковь могла теперь гордиться своимъ *святымъ* и притомъ *мученикомъ*. Пущено было въ ходъ все искуство іезуитское, чтобы окружить самовольнаго, неразумнаго мученика самою яркою славою. Тѣло его вынуто было изъ Двины и поставлено въ соборной витебской церкви съ пышною торжественностію. Еще съ большею торжественностію отвезено въ Полоцкъ и погребено въ тамошней соборной церкви. Пошли разсказы о чудесахъ. Разсказывали, напр., что когда убили Кунцевича и тѣло его лежало на площади, то надъ нимъ стало облако и видѣнъ былъ свѣтъ, что подобный же свѣтъ, явившійся на Двинѣ, указалъ мѣсто, куда было брошено тѣло Кунцевича. Считали *чудомъ* даже и то, что изъ Витебска далеко вышли провожать тѣло Кунцевича сами православные, протестанты, татары и жиды,—чудо, какихъ совершается безъ счету при каждой церемоніи—при каждомъ торжествѣ. Всѣ эти разсказы пущены были въ ходъ съ тою цѣлью, чтобы сильнѣе подѣйствовать на воображеніе народа. Въ та-

---

1) Письмо это напечатано въ Исторіи уніи Бантышъ-Каменскаго.

рю трагическую минуту даже закоренѣлые враги Кунцевича, э могли не чувствовать сострадания къ этому несчастному, а тѣмъ легко могло слѣдовать убѣжденіе въ святости Кунцевиі и истинности уніи. Нужно было поддержать это настроеіе умовъ, столь благопріятное для уніи. Объ этомъ позаболись базиліане съ іезуитами. Базиліане составили особенную ужбу Іосафату, устрояли въ честь его алтари, жизнеописае его внесли въ житія святыхъ, и съ тѣхъ поръ стали торжевенно праздновать день его кончины. Первое самое пышное весьма оригинальное торжество въ честь Іосафата было устрое базиліанами и католическимъ духовенствомъ въ Вильнѣ чрезъ года послѣ кончины его. Торжество началось военнымъ падомъ за городомъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ. Послѣ пада войска, въ сопровожденіи толпы народа, торжественнымъ ршемъ направились къ костелу св. Станислава. Тамъ встрѣло ихъ латинское духовенство съ епископомъ. Вдоль улицы ь костела до Троицкаго манастыря, куда должна была напратьcя процессія, по обѣимъ сторонамъ стояли ряды участвовшихъ въ комедіантскомъ представленіи при этомъ торжезѣ. Комедіанты были раздѣлены на три отдѣленія: первое едставляло войско Іосафата, царя іудейскаго. Вооруженіе иновъ, щиты, знамена были украшены эмблемами побѣды. угое отдѣленіе изображало войско индійскаго Іосафата и ѣло соотвѣтственное одѣяніе и оружіе; въ третьемъ отдѣлеі находились воспитанники академіи и городской совѣтъ въ радныхъ одеждахъ. Они сопровождали колесницу, на котоі поставлено было изображеніе торжествующаго мученика среди хора юношей, одѣтыхъ на подобіе музъ и пѣвшихъ хваные гимны при зукахъ трубъ и тимпановъ. На половинѣ оги къ Троицкому монастырю были поставлены тріумфальі ворота, въ которыхъ встрѣтили процессію базиліане и вмѣсъ прочими вошли въ Троицкую церковь. Ректоръ акаіи, при звукахъ вокальной и инструментальной музыки, сошалъ литургію предъ алтаремъ, украшеннымъ изображеніемъ афата Кунцевича. Въ концѣ обѣдни два ксендза произнесли вальныя рѣчи мученику Іосафату 1). Торжество въ честь

1) Торжество это описано въ историческихъ замѣткахъ о Литвѣ

Іосафата совершалось въ Вильнѣ ежегодно. Ревнители уніи вскорѣ однако поняли, что въ первомъ торжествѣ въ честь Іосафата было слишкомъ много полуязыческаго, шутовскаго, и потому въ послѣдующіе годы старались придать этому торжеству болѣе религіозный характеръ. Въ позднѣйшемъ описаніи торжества въ честь Іосафата Кунцевича 2) уже не встрѣчаемъ ни войскъ Іосафата, царя іудейскаго, ни колесницы съ изображеніемъ торжествующаго мученика. Торжество это продолжалось три дня. Начиналось оно съ вечера 25 сентября. Въ этотъ день всѣ троицкіе базиліане собирались въ церковь къ вечернѣ, по окончаніи которой говорилась проповѣдь. Послѣ проповѣди совершался крестный ходъ къ алтарю Іосафата съ пѣніемъ пѣсни, составленной въ честь того-же Іосафата; пришедши къ алтарю, начинали акафистъ Іосафату, а на хорахъ играла музыка. Въ этотъ день тѣмъ и оканчивалось торжество. Въ слѣдующій день, т. е. 26 сентября, съ ранняго утра все виленское духовенство, какъ бѣлое, такъ и монашествующее, собиралось въ замокъ. Въ девять часовъ утра изъ замка процессія направлялась по замковой (нынѣ большой) улицѣ къ троицкому монастырю въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли попарно монахи бернардинскаго ордена, за ними августіане, послѣ нихъ—кармелиты, далѣе—францишкане и доминиканцы, за ними клирики, за клириками—викарные священники и наконецъ каноники. Процессію велъ латинскій епископъ Зенкевичъ; онъ несъ на головѣ частицу останковъ Іосафата 1). Огромныя толпы народа шли впереди и сзади процессіи. Базиліане, одни въ полномъ церковномъ облаченіи, другіе только въ мантіяхъ, встрѣтили процессію у монастырскихъ воротъ. Настоятель монастыря привѣтствовалъ епископа рѣчью на ла-

---

П. Кукольника. Къ сожалѣнію авторъ не указываетъ откуда онъ заимствовалъ это описаніе.

1) Дневникъ виленскаго Св. Троицкаго монастыря съ 1758—1761 г. Рукопись находящаяся въ архивѣ монастырскомъ.

2) Откуда виленскій католическій капитулъ могъ получить эти мощи, недоумѣваетъ самъ описатель торжества—базиліанинъ. Kapituła Wilenska maiąc iakimści sposobem reliqwię znaczną Błogosławionego Iozafata, jak od dawnych czasow zwykła solennie, z reliqujami swieatemi odprawować processią tak też i teraz niezaniedbała.

тинскомъ языкѣ, на которую тотъ отвѣчалъ такою же рѣчью. Послѣ взаимныхъ привѣтствій процессія вошла въ церковь. Посреди церкви было устроено довольно значительное возвышеніе съ нѣсколькими ступенями, гдѣ были поставлены мощи Іосафата. Около возвышенія стояли стулья, на которыхъ усѣлись каноники и епископъ. Тотчасъ же началась *читанная* уніятская обѣдня, которую совершалъ профессоръ Богословія въ алюмнатѣ о. Юркевичъ. Послѣ этой обѣдни, началась латинская *мисса*, которую совершалъ каноникъ Чавскій. Во время миссы говорилъ проповѣдь каноникъ Вавржецкій. Послѣ богослуженія почетнѣйшее латинское духовенство и граждане Вильны *были* приглашены настоятелемъ монастыря на закуску. Въ 4 часа опять собрались въ церковь къ вечернѣ, по окончаніи которой говорилъ проповѣдь ксендзъ Мейшнеръ. Послѣ проповѣди совершенъ былъ крестный ходъ къ алтарю Іосафата, у котораго служащій ксендзъ читалъ *литанію*, и всѣ за нимъ ее повторяли. Послѣ *литаніи* крестный ходъ направился къ большому (главному) алтарю, где былъ пропѣтъ тропарь „Спаси люди твоя Господи.“ Послѣ закрыстіанъ (ризничій) давалъ всѣмъ присутствовавшимъ цѣловать мощи Іосафата. Въ этотъ день, т. е. 26 сентября, праздновали память Кунцевича собственно латиняне; по уніятскому же календарю положено было праздновать день кончины Іосафата 27 числа, въ этотъ день не было особеннаго торжества. Базиліане праздновали этотъ день одни безъ участія латинянъ.

Кто видѣлъ торжество латинянъ въ Западномъ краѣ въ честь Божьяго тѣла, тѣ несметныя толпы народа, привлекаемыя пышною торжественною обстановкою процессіи, тотъ пойметъ—какое важное значеніе имѣло въ дѣлѣ распространенія уніи торжество въ честь Іосафата. Изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ видно, что подобныя же торжества въ честь Іосафата совершались не въ одной Вильнѣ, а и въ другихъ западно-русскихъ городахъ, и непремѣнно съ участіемъ латинскаго духовенства, особенно іезуитовъ, гдѣ они были 1). Изъ описаній торжества видно, что въ этотъ день за каждымъ богослуженіемъ, за каждою обѣднею (а ихъ совершалось нѣсколь-

1) См. Acta Monasterii Poloncensis S. Sophiae Or. B M. съ 1746—1778.

ко въ день—латинскихъ и уніятскихъ) говорились проповѣди. Дѣйствительно, базиліане обращали особенное вниманіе на проповѣди, произносимыя въ этотъ день. Проповѣдь должна была довершить впечатлѣніе, произведенное на толпы народа торжественностію процессіи и богослуженія. Для произнесенія проповѣди избирались лучшіе„ даровитѣйшіе проповѣдники, которые употребляли все свое краснорѣчіе для того, чтобы доказать, что Іосафатъ величайшій мученикъ, что по его предстательству, для убѣжденія людей въ святости уніи, Богъ творилъ чудеса подобныя тѣмъ, какія онъ творилъ чрезъ угодника своего Іисуса Навина при взятіи Іерихона. „Припомните,—обращается между прочимъ къ своимъ слушателямъ одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ, припомните ту торжественную процессію, по случаю перенесенія изъ Витебска въ полоцкую соборную церковь тѣла блаженнаго мученика Іосафата, въ которой участвовали многіе изъ вашихъ предковъ. Сколько тогда слѣпыхъ, хромыхъ и вообще одержимыхъ разными недугами и болѣзнями получили исцѣленіе? Слишкомъ длинный былъ бы реестръ, если бы я сталъ перечислять всѣ чудеса, совершенныя блаженнымъ мученикомъ въ этотъ день. А можетъ быть, продолжаетъ проповѣдникъ, вы думаете, что блаж. Іосафатъ не умѣлъ оказывать великихъ благодѣяній своимъ врагамъ? На это отвѣтятъ вамъ жители г. Витебска, которые считаютъ бл. Іосафата виновникомъ какъ достойной казни своихъ отцовъ, такъ и своего обращенія въ унію. Рады нерады должны признать это и жители Могилева, которые осмѣлились противиться своему пастырю, когда онъ хотѣлъ посѣтить каѳедральный соборъ,—и они вооруженною рукою нетолько не пустили его въ городъ, но и угрожали смертію, если онъ не отступитъ. Можетъ быть и по смерти своей блаженный забылъ это дерзкое оскорбленіе неблагодарной паствы, еще при жизни приведшее его въ сильное, но справедливое негодованіе?! Нѣтъ, не забылъ! Каждый годъ, въ день памяти блаж. Іосафата какое нибудь бѣдствіе постигаетъ этотъ несчастный городъ, и это подтверждаетъ общій голосъ цѣлаго народа. Такъ въ прошломъ году, (т. е. 1761 года) въ этотъ день, въ ту самую минуту, когда съ іезуитской колокольни *звукомъ трубъ* возвѣщено было жителямъ г. Могилева о началѣ торжества въ честь блаженнаго

осафата,—въ эту самую минуту съ шумомъ рухнули своды отятой у уніатовъ соборной церкви, подобно тому какъ нѣкога при звукѣ трубъ пали стѣны Іерихона. Сообщилъ мнѣ это динъ достойный вѣры іезуитъ.“ Далѣе проповѣдникъ старается убѣдить своихъ слушателей, что Іосафатъ творилъ великія чудеса съ цѣлію распространенія св. уніи не только въ своемъ отечествѣ, но и въ Московскомъ Государствѣ. Здѣсь проповѣдникъ сообщаетъ своимъ слушателямъ любопытныя свѣдѣнія о патріархѣ Никонѣ, за что онъ былъ осужденъ соборомъ и кому онъ обязанъ перемѣною, подъ конецъ своей жизни, своихъ схизматическихъ убѣжденій. Вотъ что разсказываетъ проповѣдникъ о причинѣ немилости царя къ Никону. „Властолюбивый Никонъ, говоритъ онъ, почти со дня вступленія своего на патріаршій престолъ, задумалъ уговорить царя Алексѣя Михайловича, чтобы онъ сдѣлалъ его московскимъ *папою, равнымъ по достоинству и по власти римскому папѣ.* Между тѣмъ какъ Никонъ содня на день ожидалъ, что вотъ—вотъ произведутъ его въ московскіе папы, приближенные царя успѣли уже раскрыть Алексѣю Михайловичу тайные замыслы Никона, *что съ возведеніемъ въ достоинство папы, онъ овладѣетъ Московскимъ царствомъ* въ доказательство чего, будто бы, представили царю переведенную и напечатанную Никономъ грамоту Константина В., данную папѣ римскому Св. Сильвестру, въ которой между прочимъ сказано *„Тамъ, гдѣ Верховный Царь Небесный поставилъ своего Намѣстника на землѣ и главу Христіанства,—тамъ земной царь не долженъ пользоваться властью.“* Узнавши объ этомъ, царь отказался отъ мысли сдѣлать Никона папой, а посрамленный Никонъ не только отказался отъ своихъ замысловъ *сдѣлаться равнымъ римскому папѣ,* но на оборотъ призналъ его главою церкви и до конца жизни находился въ уніи съ св. костеломъ римскимъ. Этимъ переворотомъ въ своихъ убѣжденіяхъ Никонъ обязанъ, по словамъ проповѣдника, тому же блаж. Іосафату. Вотъ какъ это случилось: „Однажды Никонъ, говоритъ проповѣдникъ, посѣщая польскихъ плѣнниковъ, замѣтилъ у одного изъ нихъ въ молитвенникѣ маленькій образокъ Іосафата мученика, съ гнѣвомъ бросилъ его на землю и съ бранными словами сталъ топтать его ногами, но тотчасъ же понесъ достойную кару Божію,—пораженный

параличемъ, онъ безъ чувствъ упалъ на землю и въ такомъ видѣ отнесенъ въ свои палаты. Пришедши нѣсколько въ себя, онъ тотчасъ же исповѣдалъ свой грѣхъ; приказалъ принесеть поруганный имъ образокъ и служить предъ нимъ молебенъ и, со слезами припадая предъ образомъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ, просилъ блаж. мученика простить ему тяжкій грѣхъ; послѣ такой молитвы тотчасъ же получилъ исцѣленіе. Свидѣтельствуютъ объ этомъ ксендзъ Балтазаръ Сусскій и панъ Василій Лускинъ: первый говоритъ, что молва объ этомъ необыкновенномъ чудѣ ходила тогда по всей Россіи, другой же, находясь въ услуженіи (?) у Никона, самъ былъ очевидцемъ этого чуда. Но что всего удивительнѣе, продолжаетъ проповѣдникъ, вмѣстѣ съ тѣлеснымъ исцѣленіемъ Никонъ получилъ еще болѣе, чудное исцѣленіе духовное: оставивши свои патріаршія палаты, онъ удалился въ монастырь и тамъ въ покаяніи, постѣ и молитвѣ проводилъ время въ св. уніи съ костеломъ римскимъ. „Далѣе проповѣдникъ разсказываетъ своимъ слушателямъ, какъ раздраженные этимъ москали убѣдили царя созвать соборъ для осужденія Никона. Вотъ достопамятныя слова, говорилъ проповѣдникъ, сказанныя Никономъ *собору*, призывавшему его къ себѣ на судъ: „*Московскіе епископы, какъ мои духовныя дѣти а греческіе, какъ подкупленные, судить меня не могутъ. Одинъ только папа римскій, отецъ надъ отцами человѣкъ святой непорочной совѣсти*, (swientego i niezmazanego sumienia) *имѣетъ надо мной власть*.“ Сколько тутъ нужно было смѣлости и отваги, замѣчаетъ проповѣдникъ, чтобы такъ торжественно исповѣдать св. унію среди столицы отщепенцевъ, не обращая вниманія на гнѣвъ царя, не страшась даже смерти, которою *могли* угрожать ему раздраженные москали! Всѣмъ этимъ, заключаетъ проповѣдникъ, онъ обязанъ блаж. Іосафату, ему же обязанъ и тѣмъ, что и умеръ въ св. уніи съ костеломъ римскимъ!

И кто же бы вы думали разсказывалъ съ церковной каѳедры подобныя басни, несогласныя ни съ исторіей, ни даже съ здравымъ смысломъ? Можетъ быть какой-нибудь простой, малообразованный священникъ или монахъ? Нѣтъ, не простой монахъ, а профессоръ философіи, извѣстный въ базиліанскомъ орденѣ Порфирій Скарбекъ-Важинскій. Эти басни разсказы-

валъ онъ не простой, невѣжественной толпѣ, гдѣ нибудь въ глуши, въ деревнѣ, а въ каѳедральномъ полоцкомъ соборѣ, въ присутствіи многихъ знаменитыхъ польскихъ фамилій, какъ напр. Деспотовъ—Зеновичей, имени которыхъ посвящена проповѣдь. Едвали самъ проповѣдникъ искренно вѣрилъ тому, что онъ передавалъ своимъ слушателямъ. Но *цѣль оправдываетъ средства.* Не даромъ же базиліане учились у іезуитовъ и подружились съ ними до того, что каждый разъ къ день этого торжества приглашали къ себѣ исключительно ихъ и для участія въ богослуженіи, и для проповѣди. А цѣль была высокая— распространеніе славы Божіей, т. е. св. уніи съ костеломъ римскимъ, безъ чего ни одна душа не могла получить вѣчнаго спасенія. И цѣль дѣйствительно достигалась. Какъ ни восхваляютъ нынѣшніе поляки свою цивилизацію и ту высокую степень образованности, на которой будто бы стояли ихъ предки, сравнительно съ другими современными славянскими народами, но кто ближе знакомъ съ исторіею этого народа вообще и, въ частности, съ исторіею просвѣщенія въ Польшѣ, особенно въ періодъ господства іезуитовъ, тотъ знаетъ какого рода была эта образованность и къ какой цѣли она была направлена. Развитіе формальныхъ способностей въ ущербъ мыслительнымъ отсутствіе положительныхъ знаній въ области наукъ историческихъ, философскихъ и богословскихъ, развитіе въ учащихся внѣшней набожности въ ущербъ внутреннему религіозному чувству, вотъ болѣе существенныя черты тогдашней польской образованности. Этимъ-только и можно объяснить то легковѣріе и тотъ фанатизмъ, которымъ отличаются поляки всѣхъ сословій и до настоящаго времени. По іезуитской казуистикѣ, можно было, разсказать самый нелѣпый анекдотъ, исказить до невѣроятности историческій фактъ, выдумать небывалое чудо, лишь бы только это дѣлалось съ благочестивою цѣлью. Этимъ-то правиломъ всегда пользовались, и съ большимъ успѣхомъ, латинскіе и уніятскіе проповѣдники. Можно ли послѣ этого удивляться, что и въ настоящемъ случаѣ ученый базиліанскій проповѣдникъ рѣшился такъ смѣло, такъ торжественно разсказывать своимъ благочестивымъ слушателямъ столь нелѣпыя басни, искажать историческіе факты? Все это разсказывалъ онъ съ благочестивою цѣлію,—доказать своимъ слушателямъ

(въ числѣ которыхъ, несомнѣнно, было множество православныхъ привлеченныхъ торжественностію богослуженія) святость уніи, за которую пострадалъ Іосафатъ, что Богъ творитъ чрезъ него столь необыкновенныя чудеса съ тѣмъ, чтобы всѣ схизматики убѣдились, что безъ св. уніи съ костеломъ римскимъ нельзя спастись. И благочестивые слушатели, въ простотѣ сердца своего, вѣрили проповѣднику на слово, и возвращались домой съ полнымъ убѣжденіемъ, что Іосафатъ дѣйствительно великій угодникъ Божій и мученикъ. Дѣло уніи подвигалось впередъ!

Проповѣдь эта, какъ сказано выше, произнесена въ присутствіи знаменитой польской фамиліи Деспотовъ—Зеневичей и посвящена имъ въ память примиренія ихъ съ фамиліею Важинскихъ, какъ сказано на заглавномъ листѣ. На другой странницѣ заглавнаго листа оттиснутъ гербъ Зеновичей, изображающій подкову съ крестомъ, на которой стоитъ воронъ съ распростертыми крыльями и съ вѣнкомъ въ клювѣ. Внизу этой виньетки напечатанъ слѣдующій довольно оригинальный эпиграфъ:

Для славы твоей, Іосафатъ, дорога готова;
Поможетъ тебѣ въ домѣ Зеновичей *подкова:*
Летящій воронъ разнесетъ твою славу по всему свѣту,
Новыя почести найдешь въ этомъ гербѣ 1).

Проф. *Щербицкій.*

ОБЪ ОСМОТРѢ КІЕВСКИМЪ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРОМЪ ВВѢРЕННЫХЪ ЕГО УПРАВЛЕНІЮ ГУБЕРНІЙ.

Заимствуемъ изъ «Кіевлянина» *свѣдѣнія объ осмотрѣ г. главнымъ начальникомъ югозападнаго края ввѣренныхъ его управленію губерній:*

«Нынѣшній главный начальникъ юго-западнаго края, какъ и его предмѣстникъ, предпринялъ поѣздку для обзора ввѣренныхъ

---

1) Sławie twej Jozafacie droga iest gotowa;
Gdy cien Zienowiczowska ma wspierać Podkowa:
Korwin lotny twon sławen wzniesie po swiecie,
Nowe najdziesz honory w Herbownym sygnecie.

Слово это (печатное) переплетено въ одной книгѣ съ Obrona Klasztoru Wilenskiego.

ему губерній. Личные осмотры, непосредственное, такъ сказать лицомъ къ лицу, сопоставленіе начальствующихъ лицъ съ дѣлами, какъ они совершаются въ дѣйствительности, а не на бумагѣ, всегда полезно. Столкновеніе съ различными, какъ-бы разрозненными и единичными фактами, въ которыхъ проявляется общественная жизнь, исполняются административныя задачи, отправляется судъ, идетъ хозяйство; личное знакомство съ неудобствомъ какой-либо дороги, съ какимъ-нибудь дѣломъ, все это можетъ только содѣйствовать къ выработкѣ правильнаго взгляда на общее положеніе края, на общіе его интересы и задачи управленія.

Главное вниманіе начальника края было обращено, конечно, на самый существенный вопросъ нашего края, на крестьянское дѣло. Какъ извѣстно, наиболѣе затрудненій, наиболѣе осложненій, дѣло это представляло въ Волынской губерніи, которая, по разнообразію мѣстности условія хозяйства помѣщичьяго и крестьянскаго, является какъ-бы прототипомъ всѣхъ явленій, представляющихся при разрѣшеніи крестьянскаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ. Тутъ находятся и хлѣбородныя, черноземныя мѣстности, схожія съ лучшими частями Подольской или Кіевской губерній; здѣсь-же находится и извѣстное полуболотистое, полупесчаное Полѣсье, среди котораго, въ видѣ оазисовъ въ лѣсу, разбросаны тощіе, воздѣлываемые только съ помощью удобренія поля и сѣнокосы. Такъ какъ обзору подвергалась сѣверная и западная части нашего края, именно: уѣзды Радомысльскій и Бердичевскій Кіевской губерніи, Волынская губернія и сѣверозападная часть Подольской, то начальнику края представлялся случай при ознакомленіи съ положеніемъ крестьянскаго дѣла въ этой мѣстности, гдѣ оно къ тому же еще невполнѣ окончено, встрѣтиться именно со всѣми явленіями, характеризующими общія задачи крестьянскаго вопроса и выполненіе ихъ въ югозападномъ краѣ. Въ каждомъ уѣздѣ, на основаніи впередъ указанной програмы, генералъ-губернатору были представляемы свѣдѣнія о положеніи крестьянскаго дѣла въ данную минуту. Въ каждомъ уѣздѣ были собраны мировые съѣзды, съ которыми генералъ-губернаторъ

разбиралъ, въ присутствіи заинтересованныхъ сторонъ, всѣ жалобы и прошенія, въ многочисленномъ числѣ, какъ можно угадать, поданныя и помѣщиками и крестьянами. За тѣмъ отъ частныхъ случаевъ переходя къ общимъ вопросамъ, генералъ-губернаторъ старался ознакомиться съ положеніемъ крестьянскаго дѣла въ каждомъ уѣздѣ и передавалъ мировымъ дѣятелямъ свой взглядъ относительно дальнѣйшаго правильнаго веденія этого дѣла. Все это, вмѣсти взятое, представляло генералъ-губернатору возможность выяснить истинное положеніе крестьянскаго дѣла, а, съ другой стороны могло ознакомить какъ мировыя учрежденія, такъ и заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ лица, помѣщиковъ и крестьянъ, со взглядомъ нынѣшняго начальника края на этотъ важный вопросъ. Выясненіе этого взгляда на дѣлѣ, при самомъ разрѣшеніи возбуждаемыхъ практикою вопросовъ, въ особенности полезно въ общихъ интерессахъ края, такъ какъ оно, устраняя лишенныя основанія надежды, даетъ возможность каждому твердо знать то, чего онъ можетъ ожидать и чего отъ него будутъ требовать. Только при такихъ обстоятельствахъ дѣло успѣетъ подвинуться къ конечной цѣли, а не станетъ шататься изъ стороны въ сторону, какъ-бы по воли случая. Послѣ нынѣшней поѣздки князя А. М. Дондукова-Корсакова, многимъ соображеніямъ суждено было рушиться. На всѣ домогательства о передѣлкѣ состоявшихся уже окончательно постановленій по выкупнымъ актамъ князь категорически отказывалъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ цѣлая толпа помѣщиковъ осадила начальника края съ просьбами о пересмотрѣ выкупныхъ актовъ, уже утвержденныхъ, князь отвѣчалъ, что пересмотръ по его иниціативѣ, утвержденныхъ актовъ онъ считалъ бы не укрѣпленіемъ, а колебаніемъ вѣры въ прочномъ освященныхъ закономъ началъ права собственности. Въ какомъ-бы видѣ оконченное дѣло, по словамъ просителя, не представлялось, князь рѣшился считать его совершившимся фактомъ, касаться котораго было-бы вредно, въ виду общихъ интерессовъ. Если въ единичныхъ случаяхъ и представляются отъ этого какія-либо неудобства, напримѣръ для правильнаго веденія хозяйства, какъ крестьянскаго, такъ и въ особенности помѣщичьяго, то на-

чальникъ края приглашалъ обѣ стороны войдти въ соглашеніе, для разверстанія угодій, для уничтоженія чрезполосности и сервитутовъ, при чемъ обѣщалъ, съ своей стороны, оказать полное содѣйствіе къ осуществленію всѣхъ заключенныхъ съ этою цѣлью *добровольныхъ и взаимно выгодныхъ* для сторонъ сдѣлокъ.

Что касается до надеждъ на обязательное разверстаніе, то генералъ-губернаторъ выразилъ, то мнѣніе, что никакая мелкая регламентація не въ силахъ предусмотрѣть всѣхъ случаевъ, которые окажутся на практикѣ и которые столько-же безпристрастно, какъ и выгодно для обоихъ сторонъ, могутъ быть разрѣшены добровольными соглашеніями, не прибѣгая къ какимъ либо формальнымъ указаніямъ. Такимъ образомъ, обсужденію подвергались только дѣла, находящіяся въ производствѣ. Въ положеніи этихъ дѣлъ если и найдены были какія-либо несообразности или ошибки, то онѣ были немедленно тутъ-же, на мѣстѣ, указываемы правильнымъ и согласнымъ съ общимъ направленіемъ дѣла разъясненіемъ мировымъ учрежденіямъ ихъ обязанностей. Вообще, нѣкоторыя неправильности, несообразности и ошибки, при составленіи выкупныхъ актовъ, рѣзче всего обозначились и обобщились въ Луцкомъ уѣздѣ, вслѣдствіе троекратной перемѣны личнаго состава мировыхъ учрежденій, относившихся съ различными взглядами къ крестьянскому вопросу.

Благопріятнымъ результатомъ предпринятой поѣздки можно считать усвоеніе мировыми учрежденіями взглядовъ генералъ-губернатора на дальнѣйшее веденіе крестьянскаго дѣла по вопросу добровольныхъ разверстаній. Мысль о необходимости этихъ разверстаній проведена была и между помѣщиками и крестьянами. Лѣтнее и осеннее время, какъ самое удобное для этого дѣла, покажетъ, къ концу года, на сколько подвинется этотъ вопросъ, который, по справедливости, можно считать самымъ существеннымъ для экономическаго развитія края. Неопредѣленность поземельной собственности, чрезполосіе, сервитуты—дѣлаютъ немыслимымъ устройство и веденіе раціональнаго хозяйства, чѣмъ парализируется извлеченіе тѣхъ выгодъ, которыя такъ щедро представляетъ раціональному труду богатая природа югозападнаго края.

На возвратномъ пути начальника края, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, было заявлено уже помѣщиками и крестьянами нѣсколько предложеній добровольнаго разверстанія, и есть надежда, что выраженный генералъ-губернаторомъ взглядъ на этотъ предметъ повсемѣстно привьется въ желаемыхъ размѣрахъ.

Изъ другихъ цѣлей поѣздки начальника края главныя, сколько извѣстно, заключались въ ознакомленіи съ положеніемъ городскаго хозяйства, съ состояніемъ дѣлопроизводства по всѣмъ отраслямъ управленія, личнымъ составомъ учрежденій, съ дѣломъ о постройкѣ, возобновленіи или передѣлкѣ православныхъ храмовъ, съ положеніемъ учебной части и вообще народнаго образованія, наконецъ въ ознакомленіи съ способами размѣщенія присутственныхъ мѣстъ и съ вопросомъ о возможности приспособленія какъ съ этою цѣлью, такъ и для воинскихъ надобностей, различныхъ зданій, конфискованныхъ и оставшихся отъ упраздненныхъ монастырей.

Городское хозяйство находится, какъ извѣстно, въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, въ особенности во владѣльческихъ городахъ. Въ новоградволынской городской думѣ, завѣдывающей еще пятью другими городами: Староконстантиновымъ, Ровно, Острогомъ, Заславомъ и Дубно, найдены были особенно выдающіеся безпорядки; вызвавшіе, какъ слышно, наряженіе разслѣдованія по этому предмету. Вопросъ о преобразованіи городскаго хозяйства, какъ можно надѣяться, получитъ законодательное разрѣшеніе въ скоромъ будущемъ, послѣ утвержденія разсматриваемаго въ государственномъ совѣтѣ проекта положенія о новомъ городскомъ устройствѣ. Этимъ однимъ только путемъ можно будетъ выйдти изъ той старой рутины, той безплодной переписки и тѣхъ обветшалыхъ формальностей, которыя доселѣ служили препятствіемъ къ всякому благоустройству нашихъ городовъ. Въ югозападномъ краѣ, какъ извѣстно, существуютъ еще владѣльческіе города, представляющіе особенность, не встрѣчающуюся во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Генералъ-губернаторомъ обращено особенное вниманіе на этотъ вопросъ, разсматриваемый теперь учрежденною еще съ начала прошлаго года въ

Кіевѣ коммиссіею, и который оказывается столь-же сложнымъ, какъ и требующимъ безотлагательнаго разрѣшенія.

Пожарная часть, не говоря уже о мѣстечкахъ или селахъ, даже въ городахъ, едва-ли можетъ назваться сколько-нибудь организованною. Положеніе тюрмъ, за нѣкоторыми исключеніями, весьма неудовлетворительно. Арестантскія помѣщенія тѣсны и не отвѣчаютъ требованіямъ самой снисходительной гигіены и вообще выработаннымъ наукою въ отношеніи мѣстъ заключенія началамъ.

Дѣло общественнаго призрѣнія, городскія или уѣздныя больницы заставляютъ желать очень многаго. Исключеніе представляютъ учрежденія приказа, находящіяся въ г. Житомирѣ, найденныя начальникомъ края въ хорошемъ состояніи. Дѣлопроизводство, въ особенности по взысканіямъ, идетъ вообще медленно.

Народное образованіе настоятельно требуетъ болѣе широкаго развитія. Есть многіе города, лишенные не только среднихъ училищъ, но даже первоначальныхъ школъ. Напримѣръ въ Бердичевѣ, съ его 60,000 населеніемъ, при существованіи множества еврейскихъ школъ, нѣтъ ни гимназіи, ни даже прогимназіи. Мы слышали, что этотъ недостатокъ будетъ скоро устраненъ: извѣстный бердичевскій банкиръ г. Горовицъ, такъ усердно трудящійся для цѣли искорененія застарѣлыхъ еврейскихъ предразсудковъ, для распространенія между евреями образованія и уничтоженія обособленія ихъ, заявилъ начальнику края готовность пожертвовать свой домъ, для помѣщенія русской прогимназіи, которая, вслѣдствіе этого, вѣроятно будетъ скоро открыта. Отрадное исключеніе представляетъ г. Острогъ, благодаря прогимназіи, братскому училищу и замѣчательной школѣ, учрежденной для крестьянскихъ дѣтей. Осмотрѣнныя генералъ-губернаторомъ гимназіи найдены были въ отличномъ порядкѣ. Изъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ, осмотрѣнныхъ генералъ-губернаторомъ, особенное вниманіе князя обратили, по своему прекрасному устройству и отличному завѣдыванію, училища духовнаго вѣдомства въ Каменецъ-Подольскѣ, обязанныя этимъ просвѣщенной попечительности, преосвященнаго епископа Леонтія. Заведенія эти представляютъ

разительный примѣръ того матеріальнаго благоустройства, того нравственнаго и умственнаго развитія, которыя могутъ быть достигнуты лишь отеческою преданностью дѣлу тѣхъ лицъ, которымъ вручено святое дѣло образованія.

По церковностроительному дѣлу, сколько извѣстно, начальникъ края пришелъ къ тому убѣжденію, что главная забота правительства безотлагательно должна быть обращена на устройство православныхъ храмовъ въ городахъ. Въ селахъ церкви почти повсемѣстно существуютъ въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ видѣ и не составляютъ такой насущной потребности, какъ въ городахъ. Во многихъ городахъ, гдѣ огромное число православнаго населенія стекается въ праздничные и базарные дни, отсутствіе приличныхъ и вмѣстительныхъ православныхъ соборовъ, рядомъ съ существованіемъ прекрасныхъ и большихъ каменныхъ костеловъ, непріятно и замѣтно бросается въ глаза. Извѣстно, что нерѣдко наши крестьяне, во время непогоды, не имѣя мѣста въ православномъ храмѣ, идутъ молиться въ костелы. Нѣкоторые изъ упраздненныхъ костеловъ въ этихъ городахъ, по предположенію генералъ-губернатора, легко и безъ особенныхъ затратъ могутъ быть обращены въ великолѣпные православные храмы, и по этому предмету, по указаніямъ на мѣстѣ и по распоряженію князя, составляются особо назначенными лицами надлежащія предположенія, какъ о дѣлѣ не терпящемъ отлагательства и весьма важномъ въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ. Точно также и для приличнаго размѣщенія правительственныхъ учрежденій или для расквартированія мѣстныхъ войскъ, начальникъ края приказалъ составить соображенія о приспособленіи многихъ, остающихся праздными и частью разрушающихся конфискованныхъ и помонастырскихъ зданій».

Затѣмъ «Кіевлянинъ» говоритъ:

«Ознакомивъ читателей, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, съ главными и существенными фактами изъ первой поѣздки настоящаго генералъ-губернатора по ввѣренному его управленію краю, мы, съ своей стороны, позволяемъ себѣ сказать, чтовсе изложенное даетъ право сдѣлать слѣдующее заключеніе:

1. Признаніе начальникомъ края всего доселѣ *окончательно утвержденнаго* по крестьянскому дѣлу *за фактъ совершившійся*, пересмотръ и отмѣну котораго, по собственной инициативѣ, генералъ-губернаторъ почитаетъ «не укрѣпленіемъ, а колебаніемъ вѣры въ прочность освященныхъ закономъ правъ собственности», — такое признаніе должно самымъ отрезвляющимъ образомъ подѣйствовать на тѣхъ, которые мечтали поворотить дѣло къ его началу, затормозить его и, поколебавъ въ населеніи вѣру въ твердость правительствомъ окончательно утвержденныхъ актовъ, поставить едва начавшій водворяться прочный порядокъ въ краѣ снова въ самое неопредѣленное, волнующееся состояніе. Выдвинувъ на первый планъ въ дѣятельности мировыхъ учрежденій необходимость правильнаго разверстанія помѣщичьихъ угодій отъ крестьянскихъ, генералъ-губернаторъ выразилъ ясное и опредѣленное требованіе о томъ, что это разверстаніе должно быть «добровольное и для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ взаимно выгодное». Послѣ этихъ словъ всякія надежды на принудительное разверстаніе, при которомъ, по собственному признанію нѣкоторыхъ изъ его сторонниковъ, il faut irancher dans le vif, должны оказаться несостоятельными. Разверстаніе будетъ тѣмъ, чѣмъ оно должно быть, т. е. не *наверстаніемъ*, а непринужденнымъ и взаимно выгоднымъ для помѣщиковъ и крестьянъ уничтоженіемъ вредной для веденія правильнаго хозяйства черезполосности и сервитутовъ. Обязанность мировыхъ учрежденій выражена княземъ точно и положительно: они должны не только не мѣшать, но всѣми средствами нравственнаго убѣжденія помогать къ осуществленію *добровольныхъ соглашеній*.

2. Что касается до замѣченныхъ генералъ-губернаторомъ темныхъ явленій въ городскомъ и земскомъ управленіи, въ устройствѣ тюремъ, въ дѣлопроизводствѣ, то они очевидно обусловливаются уцѣлѣвшими въ краѣ старыми порядками и только еще разъ подтверждаютъ необходимость введенія (разумѣется, съ необходимыми, вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, видоизмѣненіями) того порядка суда и хозяйства, благами котораго пользуется почти вся остальная Россія, и безъ котораго ради-

кальное исправленіе всѣхъ замѣченныхъ несовершенствъ и злоупотребленій будетъ едва ли возможно. Мысль эту мы проводили нѣсколько разъ, передавая свѣдѣнія о поѣздкахъ по краю новойнаго генералъ - губернатора, во время которыхъ постоянно было указываемо на явленія, однородныя съ тѣми, о которыхъ говорится въ настоящей статьѣ.

Въ заключеніе, можемъ прибавить, что весьма важное въ нашемъ краѣ церковностроительное дѣло войдетъ теперь въ правильную систему. Мы слышали, что сообщенныя генералъ-губернаторомъ на заключеніе епархіальныхъ начальствъ предположенія по этому предмету получили единодушное одобреніе и въ скоромъ времени будутъ приводиться въ исполненіе.

(Вол. Губ. Вѣд.)

ПИСЬМА ГЕДИМИНА И КАТОЛИЧЕСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ВИЛЬНѢ. (1324 г.).

Еще въ прошломъ году, по порученію археографической коммиссіи, академикомъ Куникомъ изданъ томъ актовъ, собранныхъ извѣстнымъ Напьерскимъ и объясняющихъ исторію взаимныхъ отношеній Россіи какъ восточной, такъ западной, литовскаго ордена («русско-литовскіе акты, археографической коммиссіи». С.-Петербургъ 1768). Это изданіе содержитъ рядъ документовъ, имѣющихъ чрезвычайно важное значеніе для исторіи Литовско-русскаго Княжества и потому уже давно должно было обратить на себя вниманіе людей, занимающихся здѣшнею исторіею. Нигдѣ еще, исключая развѣ «Журнала Мин. Нар. Просв.», до сихъ поръ не было помѣщено надлежащаго отчета о немъ. Въ настоящее время было бы нѣсколько поздно говорить о содержаніи сборника и перечислять интересные документы, въ немъ помѣщенные; кому нужно, тотъ ознакомится съ ними самъ. Писать критическую статью объ изданіи мы не считаемъ себя призванными. Такія изданія, впрочемъ, и вообще требуютъ не столько критики, сколько изученія. Только два—три замѣчанія, относящіяся къ страницамъ, на которыхъ намъ всего больше пришлось остано-

нимъ вниманіе, мы себя позволимъ сдѣлать. Вопросительный знакъ къ слову sinogthones, помѣщенный въ выноскѣ на стр. 49. № 69), едва-ли не стоитъ напрасно. Въ сказаніяхъ о смерти св. Адальберта у пруссовъ главную роль играетъ «огненный сикко»—идольскій жрецъ» Prosilit ignenus sicco et—tranfixit ejus penetralia cordis Ipse enim sacerdos idolorum—velut ex debito prima vulnera facit. Scrip. Rer. Prussiae. 1 стр. 230. Igneus Sikko forat penotralia cordis. ibid. 234). Фогтъ (Gesch. Preussens) 1 стр. 667) говоритъ о сиггонахъ или сиггонотахъ, жрецахъ у языческихъ пруссовъ. Тѣ же самые жрецы, безъ сомнѣнія, разумѣются и здѣсь, хотя мы не знаемъ, принадлежитъ-ли, нѣкоторое отличіе въ формѣ литовскому нарѣчію или только неловкому написанію слова. Слово Nicofitae, отмѣченное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вопросительнымъ знакомъ, должно, кажется, читаться просто neofitae— т. е. новообращенные. Никакъ нельзя согласиться, чтобы вновь найденный документъ—отчетъ пословъ, отправленныхъ изъ Риги къ Гедимину папскими легатами—доказывалъ полную подложность извѣстныхъ писемъ Гедимина; скорѣе на оборотъ—онъ доказываетъ ихъ извѣстнаго рода подлинность (это замѣчаніе относится ко введнію въ документъ № 67-й).

Въ настоящей статьѣ мы хотѣли познакомить читателей съ самымъ интереснымъ документомъ сборника, рисующемъ очень живо могучую личность Гедимина; этотъ документъ въ первый разъ является въ русско-ливонскихъ актахъ и описываетъ пребываніе католическихъ пословъ, отправленныхъ къ Гедимину по поводу его писемъ къ папѣ Іоанну XXII-му, въ Вильнѣ у великаго князя, свиданіе и объясненіе ихъ съ Гедиминомъ. Но для большей полноты и ясности мы нашли необходимымъ начать дѣло нѣсколько издалека, тѣмъ болѣе что, какъ мы видимъ, вопросъ о сношеніяхъ Гедимина съ римскою куріею до сихъ поръ излагается или превратно или не точно (у Бѣляева).

I.

Въ 1323 мъ году, въ мѣсяцѣ маѣ, отъ имени великаго князя литовскаго и русскаго Гедимина, къ папѣ Іоанну XXII-му, изъ города Вильны въ Авиньонъ—отправлена была грамота, въ кото-

рой государь литовцевъ и многихъ русскихъ объявлялъ о своемъ желаніи принять вѣру христіанскую. Великая радость готовилась, повидимому, всему западному христіанству; достигалась цѣль, для которой употреблено было столько лѣтъ и столько усилій, пролито столько христіанской и языческой крови; трудилось столько ревностныхъ проповѣдниковъ,—достигалась цѣль, которая уже разъ казалась достигнутою съ обращеніемъ Миндовга, вѣнчаннаго христіанскимъ королемъ Литвы, и опять удалилась надолго изъ виду съ его отпаденіемъ.

Слишкомъ сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Христіанъ, монахъ монастыря оливскаго на славянскомъ поморьѣ, началъ свою проповѣдническую дѣятельность у соплеменныхъ литовцамъ пруссовъ. Мирная проповѣдь усерднаго миссіонера на первый разъ оказалась малоуспѣшною, а христіанская церковь Запада всегда была слишкомъ мало терпѣлива, чтобы спокойно полагаться на дѣйствіе времени и силу духовнаго убѣжденія; къ тому же *она* обладала такими могучими средствами внѣшняго, матеріальнаго принужденія, что отказаться отъ нихъ было бы со стороны ея представителей необычайнымъ самоотреченіемъ, особенно въ тотъ вѣкъ и въ ту эпоху. То было время крестовыхъ походовъ; мысль о возвращеніи святой земли, о борьбѣ съ сарацинами еще не была покинута, хотя уже не было прежней вѣры. Неудачи послѣднихъ походовъ охладили энтузіазмъ и поколебали самую вѣру. «Христіанскій Богъ, очевидно, не хочетъ заботиться о мѣстахъ священныхъ для христіанства, онъ покровительствуетъ явно мусульманамъ: зачѣмъ я бугу идти противъ его воли и проливать свою кровь за дѣло, которое оставляетъ именно тотъ, кого оно всего ближе касается«. Такія идеи высказывались въ странѣ, принимавшей самое резностное участіе въ первомъ крестовомъ походѣ, на югѣ Франціи. Если въ другихъ мѣстахъ вольнодумныя мысли провансальскаго поэта не находили себѣ отголоска, то нерѣдко бывали случаи, что обѣтъ путешествія въ Палестину, данный въ тяжелой болѣзни или въ большой жизненной крайности, казался тяжелымъ и неудобоисполнимымъ игомъ,

иногда и въ самомъ дѣлѣ былъ таковымъ, когда болѣзнь рошла, гроза миновала. Какая радость для людей, находящихся ь такомъ положеніи, когда оказалось что не зачѣмъ ходить ль далеко, что борьба за крестъ съ сарацинами Азіи можетъ ічь легко замѣнена походомъ на болѣе близкихъ европейскихъ рациновъ. Эти сарацины въ Европѣ найдены были именно въ щѣ языческихъ пруссовъ и литовцевъ; такъ стали называть въ толической Европѣ язычниковъ сѣвера со времени перваго блиійшаго знакомства съ ними; противъ нихъ-то стали направлять благочестивые воители, для которыхъ слишкомъ далеки были рацины Азіи. Вотъ архіепископъ гнѣзненскій, въ слѣдствіе иглашенія папы Гоноріи III, собралъ крестоносную дружину изъ вностныхъ христіанъ своей духовной паствы; слабость силъ епятствуетъ ему, однако, отправиться въ далекій путь; его агочестивая рать почти вся состоитъ изъ людей, отъ которыхъ льзя ожидать большой пользы для святой земли; они до такой епени бѣдны, что едва-ли имѣютъ достаточно денежныхъ средствъ же на путевыя издержки въ Палестину. Папа Гонорій III, по датайству епископовъ и князей гнѣзненской духовной провини, освобождаетъ отъ тяжелаго подвига всѣхъ, кто можетъ соіться на слабость силъ, начиная съ самаго архіепископа, всѣхъ, о страдаетъ недостаткомъ средствъ; вмѣсто Палестины онъ агословляетъ ихъ идти въ Пруссію на борьбу съ язычниками, торые уже начали тревожить своихъ христіанскихъ сосѣдей въ льскихъ областяхъ 1). Вотъ какой то польскій князь далъ ѣщаніе принять на себя крестъ для борьбы за гробъ Господень своею медленностію уже вызвалъ напоминаніе и увѣщаніе свяо отца. Но святой отецъ долженъ былъ узнать, что его дуный сынъ никогда не будетъ въ состояніи отправиться въ лестину; ибо, вопервыхъ, онъ страдаетъ тяжелою тучностію іа—это одно уже дѣлаетъ затруднительнымъ всякое далекое

1) Theiner, vetera monumenta Poloniae et Lituaniae I № 4: папя булла отъ 14 февраля 1217 года т. е. первая булла о кревыхъ походахъ противъ пруссовъ. У Фойгта Codex diplom. prussicus № 1-й, она была напечатана съ худой повидимому копіи и съ опусками.

перемѣщеніе; а вовторыхъ, по привычкѣ, обратившейся въ натуру, онъ не можетъ пить ничего другаго, кромѣ пива или меду Эти препятствія, дѣлая неудобнымъ путешествіе въ святую землю, не отнимаютъ, однако, возможности отправиться въ сосѣднюю Пруссію для защиты тамошныхъ новообращенныхъ христіанъ и для обращенія еще остающихся въ язычествѣ, что именно и рекомендуетъ тучному князю римскій первосвященникъ 1).

Нѣсколько лѣтъ (10 лѣтъ) продолжались крестовые походы противъ пруссовъ (изъ Германіи, Польши, Чехіи) на помощь, Христіану, сдѣланному уже епископомъ Пруссіи. Польза отъ этихъ походовъ была не большая, хотя крови было пролито уже немало, тѣмъ болѣе что, какъ видно изъ увѣщаній самаго папы, крестоносцы думали больше о мірскихъ выгодахъ, чѣмъ о служеніи Богу и христіанству. Они заботились не столько объ обращеніи языческихъ пруссовъ, сколько о покореніи ихъ своей власти 2).

II.

Временные крестовые походы, не принося прочнаго успѣха, только сильнѣе раздражали прежде мирныхъ пруссовъ; за раззореніе своей земли они мстили не менѣе раззорительными набѣгами на сосѣднюю Польшу. Болѣе всѣхъ другихъ сосѣдей могъ жаловаться на прусскихъ язычниковъ одинъ изъ тогдашнихъ удѣльныхъ князей Польши, Конрадъ мазовецкій. Вторгаясь въ его владѣнія, пруссы страшно опустошали страну, убивали взрослыхъ, уводили толпами въ плѣнъ дѣтей и женщинъ на вѣчное рабство, сожигали и оскверняли церкви, особенно враждуя, повидимому, противъ христіанской святыни, во имя которой сокрушались ихъ идолы. Двѣстѣ пятьдесятъ церквей приходскихъ, не считая монастырей, были разрушены; изъ всѣхъ городовъ и крѣпостей Мазовіи одинъ только Плоцкъ на Вислѣ остался неприкосновеннымъ. Въ какомъ затруднительномъ положеніи находился Конрадъ—лучше всего показываетъ одинъ разсказъ первоначальнаго историка тевтонскаго ордена въ Пруссіи (Петра Дузбурга). Поль-

1) Theiner I № 26: папская булла 1221 г.
2) Theiner I № XIV булла 1218 г.

ій князь не смѣлъ отказать пруссамъ въ чемъ бы то ни было, когда они присылали къ нему съ требованіемъ подарковъ; онъ не долженъ былъ скупиться ни на лошадей, ни на красныя, пестрыя платья, любимыя пруссами. Однажды, не имѣя чѣмъ удовлетворить требованію, онъ пригласилъ къ себѣ на пиръ своихъ пановъ съ ихъ женами и, пока тѣ сидѣли за столомъ, онъ велѣлъ своимъ служителямъ тайкомъ отобрать лошадей и одежду своихъ гостей и отдать все это посламъ, пришедшимъ отъ пруссовъ 1).

Столько же недальновидный, сколько и слабый, князь мазовецкій, по совѣту епископа Христіана, рѣшился призвать себѣ на помощъ славившійся тогда въ Европѣ орденъ тевтонскій, не думая о томъ, что воинственный орденъ, принимающій въ свою среду только нѣмцевъ, покровительствуемый германскимъ императоромъ, имѣющій позади себя страшную силу уже тогда непріязненнаго славянамъ тевтонизма, можетъ сдѣлаться болѣе непріятнымъ сосѣдомъ, болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ сравнительно немногочисленные пруссы, язычествомъ своимъ осужденные во всякомъ случаѣ на духовное, а вѣроятно и политическое подчиненіе сосѣднему и высшему по развитію славянскому племени. Основанный въ Палестинѣ еще въ 1191-мъ году для ухода за больными пилигримами и для борьбы съ невѣрными, «орденъ тевтонскаго гошпиталя святой Маріи въ Іерусалимѣ», точно также какъ крестоносцы, нами упомянутые, охотно промѣнялъ борьбу противъ сарацинъ Азіи на борьбу противъ сарацинъ Европы. Въ 1122-мъ году онъ получилъ дарственную запись отъ Конрада на область кульмскую (хельмскую) и право на тѣ языческія земли, которыя онъ завоюетъ христіанству и себѣ. Въ 1230 году папа Григорій X подтвердилъ даръ князя мазовецкаго, поощряя рыцарей къ ревностной и неустанной борьбѣ съ невѣрными. Святой отецъ писалъ въ своей буллѣ, что Богъ могъ бы истребить своихъ враговъ однимъ своимъ словомъ; если Онъ этого до сихъ поръ не сдѣлалъ, то это только потому, что Онъ хотѣлъ оставить

1) Petri de Dusburg, Chronica terrae Prussie въ Script. rer. pruss I стр. 34.

такой удобный случай угодить Ему вѣрующимъ въ него христіанамъ 1).

Началась постоянная и кровавая борьба во имя христіанства противъ языческихъ пруссовъ. Невсегда нравственны и очень мало человѣколюбивы были тѣ средства, которыми рыцари Христа пользовались для достиженія своей цѣли. Не столько въ проповѣди и обращеніи язычниковъ состояла эта цѣль, сколько въ ихъ истребленіи или изгнаніи изъ отечества. Уже въ 1240 году епископъ Пруссіи, все тотъ-же Христіанъ, долженъ былъ жаловаться папѣ, что братія іерусалимскаго госпиталя святой Маріи не допускаютъ новообращенныхъ пруссовъ до благодати крещенія, приводя въ оправданіе своего безразсудства то основаніе, будто господство надъ язычниками для нихъ крѣпче и надежнѣе власти надъ людьми, вѣрующими въ Бога; мало того, писалъ далѣе Христіанъ, они подвергаютъ разнымъ мученіямъ уже крещеныхъ неофитовъ, если тѣ, обязавшись епископу клятвою вѣрности и желая сохранить ее, не хотятъ имъ быть во всемъ послушными: страхъ такихъ истязаній уже принудилъ многихъ возвратиться къ заблужденіямъ невѣрія; рыцари, наконецъ заявлялъ епископъ Пруссіи, препятствуютъ благочестивымъ иноземцамъ строить христіанскія церкви для новыхъ вѣрующихъ и даже построенныя передаютъ въ руки язычниковъ 2).

Мы сейчасъ увидимъ, что въ самомъ дѣлѣ «Божіи дворане» (какъ называются въ русскихъ лѣтописяхъ рыцари) ревниво оберегали свое право обращенія язычниковъ и неохотно дѣлились онымъ съ другими. Въ 1253-мъ году князь ленчицкій и куявскій извѣстилъ Иннокентія IV, что сосѣдніе съ его владѣніями язычники, жители Подляхіи (Polexia) добровольно хотятъ обратиться въ христіанство, если только этотъ государь приметъ ихъ подъ свою власть и покровительство, не отнимая у нихъ свободы. Святой отецъ разрѣшаетъ польскому князю согласиться на просьбу. Правда, замѣчаетъ онъ съ своей буллѣ, вся земля прусская (Подляхія причисляется къ Пруссіи) уступлена братьямъ

1) Theiner I № 38.
2) Thiener I № 75.

[ор]дена тевтонскаго, но только та земля, которую они покорятъ [с]ебѣ мечемъ и войною, а эти язычники хотятъ добровольно, а [н]е по принужденію сдѣлаться христіанами 1). Папская курія [в]озвысилась на этотъ разъ до того гуманнаго или лучше истинно-[х]ристіанскаго воззрѣнія, что «обращеніе должно быть доброволь[н]ымъ, а не вынужденнымъ и что самъ Богъ не принимаетъ вы[н]ужденнаго служенія ему» 2). Забывая, однако, свои прежнія [у]вѣщанія «воевать крѣпкою десницею», «сокрушать сильною ру[к]ою» язычниковъ, давая христіанскому принципу только случай[н]ое приложеніе, она какъ будто говорила тевтонскимъ рыцарямъ: [з]емля, которую вы обратите силою въ христіанство, принадле[ж]итъ вамъ, земля, которая обратится добровольно—такую землю, [я] могу дать, кому захочу. Какія отсюда вытекли слѣдствія, [м]ы хорошо увидимъ дальше, а теперь пока посмотримъ, что сдѣ[л]али въ этомъ случаѣ рыцари. Не желая отказаться отъ своего [п]рава обращать мечемъ, они вошли съ оружіемъ въ рукахъ въ [з]емлю ятвяговъ (въ Подляхіи), «не безъ большаго пролитія кро[ви]» покорили ее себѣ и не взирая на всѣ увѣщанія папскаго ле[га]та, не хотѣли отказаться отъ своей добычи, такъ что тотъ [д]олженъ былъ произнести противъ нихъ отлученіе отъ церкви 3).

Нельзя не признать, что у рыцарей нѣмецкихъ слова, по [к]райней мѣрѣ, соотвѣтствовали дѣйствіямъ и дѣйствіямъ слова. [И]стреблять, искоренять, вырывать изъ рукъ—вотъ тѣ христіан[с]кія выраженія, которыми орденъ обозначалъ свои отношенія къ [п]руссамъ. Орденъ для того и существуетъ, чтобы сильною ру[к]ою воевать враговъ креста, для того и учрежденъ, чтобы истреб[л]ять ихъ, для того, наконецъ, и утвержденъ римскимъ перво[с]вященникомъ, чтобы вырвать изъ рукъ язычниковъ ихъ земли [и] владѣнія, обративъ оныя въ свою пользу для возвеличенія

1) Theiner I № 110, булла отъ 19-го мая 1253 г.

2) Quia gratuita esse debet conversio, non coacta, et ipse Deus coacta [se]rvisia non acceptat. Theiner I № 139, булла Александра IV отъ [2]5-го іюля 1256 года. Въ этой послѣдней буллѣ названы ientuesi [т]. е. ятвяги, тогда какъ въ буллѣ Иннокентія IV сказано: pagani [t]errae quae P o l e x i a vulgariter appelatur.

3) Theiner I № 142, булла отъ 5 января 1257 г.

католической вѣры: такъ опредѣляли назначеніе ордена его оффиціальные представители 1).

Трудно было несогласнымъ и раздѣленнымъ пруссамъ бороться противъ страшной силы ордена, подкрѣпляемой въ случаѣ нужды новыми толпами временныхъ крестоносцевъ. Правда, пруссы могли бы найдти себѣ помощь въ близкихъ и соплеменныхъ литовцахъ. Но вопервыхъ, у самой Литвы подъ бокомъ существовалъ съ давняго времени такой же опасный и грозный врагъ. Ко времени утвержденія нѣмцевъ на берегахъ Вислы, ливонскій орденъ меченосцевъ уже успѣлъ въ свою очередь покорить Ливонію, Курляндію и Семигаллію. Въ 1236 году произошло первое большое столкновеніе ливонскихъ рыцарей съ языческою Литвою. «Того лѣта придоша въ силѣ велицѣ Нѣмци изъ заморія, въ Ригу, и ту совокупившеся вси, и рижане, и вся чюдьская земля, и пльсковичи (псковичи) отъ себе послаша мужъ 200, идоша на безбожную Литву; и тако—безбожными погаными побѣжени быша, придоша кождо десятыи въ домы своя» 2). Литва побѣдила, но не умѣла воспользоваться своею побѣдой; ливонскій орденъ устоялъ, найдя для себя опору въ родственномъ по назначенію и національному составу орденѣ тевтонскомъ, даже соединившись или лучше слившись съ послѣднимъ въ одно цѣлое, тѣмъ болѣе грозное для сосѣдей (1237).

Вовторыхъ, и Литва, подобно пруссамъ, долго оставалась раздѣленной на множество мелкихъ, самостоятельныхъ удѣловъ, властители которыхъ были способны соединиться только для случайнаго набѣга, кратковременной помощи своимъ собратьямъ въ Пруссіи, а никакъ—для систематическаго и постояннаго отпора враждебнымъ силамъ германизма. Только при Миндовгѣ, довольно

---

1) Приводимъ подлинный текстъ интереснаго признанія. De facto ad hoc eorum ordo a romano pontifice principaliter est institutus, et confirmatus, ut quoslibet hostes crucis Christi invadere, eosque cum potentia exterminare et terras eorum seu dominia de manibus eorum eripere et in usus suos convertere pro augmento catholicae fidei possit, valeat et debeat. У Фойхта (Gesch. Preuss. IV 2 стр.

2) Новгородская 1-я лѣтопись подъ 6745 годомъ.

зцеремонно начавшемъ истреблять литовскихъ «кунигасовъ» мелкихъ князьковъ) обнаруживается нѣкоторая мысль политическаго объединенія. Къ несчастію, обстоятельства сложились такъ, то противъ домашнихъ враговъ, стоявшихъ на дорогѣ къ его ѣли, Миндовгъ долженъ былъ искать себѣ опоры въ тѣхъ-же самыхъ врагахъ своего племени, въ рыцарахъ тевтонскаго ордена; онъ принялъ христіанство и крестился въ Ригѣ. Орденъ, существующій для распространенія христіанства, не любилъ, какъ уже мы могли замѣтить, добровольныхъ обращеній въ христіанство. Владыка католическаго міра сказалъ: что завоюете мечемъ и войною у язычниковъ, то будетъ ваше; слѣдовательно, обращаться въ христіанство безъ содѣйствія войны и меча рыцарей значило отнимать у нихъ добычу, лишать ихъ права на подлежащія завоеванію языческія земли, На этотъ разъ, однако, орденъ нисколько не противодѣйствовалъ обращенію Миндовга, думая достичь своей цѣли другимъ путемъ. Ни малѣйшаго сочувствія къ вѣроисповѣданію, которое до сихъ поръ предлагалось на острiѣ меча въ литовцахъ не было; по ихъ понятіямъ склонить голову подъ иго, проповѣдуемаго римскими миссіонерами, значило склонить голову подъ тяжелое иго нѣмецкое, что, къ несчастію, было почти вполнѣ справедливо. Принявъ при такихъ условіяхъ христіанство, Миндовгъ сдѣлался покорнымъ орудіемъ въ рукахъ ордена. Рыцари охотно и усердно поддерживали человѣка, принятаго ими отъ христіанской купѣли, противъ домашнихъ враговъ, которыхъ послѣ крещенія у него стало больше. Поддерживали, разумѣется, не даромъ. Одинъ годъ за другимъ, съ незначительными промежутками, являлись записи литовскаго князя, которыми онъ даритъ рыцарямъ то одну землю, то другую; разъ отказываетъ имъ въ случаѣ неимѣнія законныхъ наслѣдниковъ всѣ свои владѣнія, потомъ снова передаетъ еще при жизни отдѣльныя области. «Чтобы имѣть силу довершить то, что нами начато, и подавить сильною рукою противниковъ вѣры и возмутителей королевства нашего (turbatores regni nostri), намъ была необходима помощь магистра и братіи ордена... Хотя милиція братьевъ помянутаго ордена именно и учреждена противъ возмутителей вѣры и церкви,

хотя они всегда готовы подать свою помощь намъ еще болѣе, чѣмъ прочимъ христіанамъ, безъ особеннаго вознагражденія съ нашей стороны, считая достаточною наградой жизнь вѣчную, однако, чтобы они могли болѣе дѣйствительнымъ образомъ исполнить свою обязанность вспомоществованія намъ, что для насъ такъ необходимо,—мы уступаемъ имъ нижеписанныя земли! 1) Такъ мотивируются всѣ записи Миндовга рыцарямъ. Хотя онѣ, какъ можно видѣть по приведенному образчику, отличаются свойственнымъ военно-монашескому ордену благочестивымъ, даже до какого-то добродушнаго лицемѣрія, тономъ, хотя Миндовгъ, для лучшей защиты себя и своихъ владѣній, чуть не отдалъ всѣхъ своихъ владѣній въ чужія руки,—только противъ одного изъ этихъ документовъ существуютъ въ настоящее время сомнѣнія относительно подлинности. Нельзя, однако, не подумать. что кто-нибудь близкій къ ордену, считающему жизнь вѣчную достаточною наградой за свои услуги, диктовалъ щедрыя записи литовскаго князя... Въ такомъ случаѣ орденъ слишкомъ сильно натянулъ струну и она лопнула. Возстаніе же противъ невыносимаго ига между пруссами, сильное пораженіе, понесенное орденомъ на рѣкѣ Дурбѣ, заставили литовскаго князя сбросить маску и обнаружить свои истинныя сочувствія, а они звали его на кровавую борьбу противъ пришельцевъ заодно съ соплеменниками.

Возстаніе, въ которомъ замѣшанъ Миндовгъ, есть второе возстаніе пруссовъ противъ ордена; оно было сильнымъ страшнымъ и опаснымъ для нѣмецкихъ рыцарей, но вовсе не было послѣднимъ. Еще три раза угнетаемая и искореняемая народность поднималась на защиту своего существованія; болѣе полустолѣтія прошло отъ сліянія обоихъ орденовъ въ одинъ, цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ неустанной и безпрерывной кровавой работы потре-

---

1) Raczyński Codex diplom. Lithuanie № 10 (стр. 15) Ср №№ 4, 7, 8, 9 и особенно 12-й. Вопросъ о подлинности дарственныхъ грамотъ Миндовга очень подробно разобранъ въ послѣднее время покойнымъ академикомъ Шегреномъ (въ сочиненіи объ ятвягахъ) и г. Воннелемъ въ статьѣ о Миндовгѣ, напечатанной въ одной изъ книжекъ „Магазина для лифляндской исторіи“.

бовалось для окончательнаго покоренія пруссовъ, земиголы и куроновъ подъ нѣмецкое иго. Теперь очередь была за литовцами: они должны были поплатиться за свое вмѣшательство въ пользу единоплеменниковъ.

В. Васильевскій.

(Продолженіе будетъ).

(Вил. Вѣст.)

ПИСЬМО ИЗЪ ПРАГИ, 10 ІЮНЯ.

Вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ митинговъ въ Прагѣ послѣдовало новое торжество—открытіе памятника извѣстной чешской писательницѣ Баженѣ Нѣмцовой, произведенія которой достаточно извѣстны русской публикѣ по тѣмъ переводамъ, которые были помѣщены въ разное время въ „Русскомъ Вѣстникѣ.“ Памятникъ поставленъ на могилѣ покойной писательницы, находящейся при вышеградской церкви, тамъ же, гдѣ похороненъ и поэтъ Ганка. Утромъ 6 іюня членами „американскаго клуба дамъ“ данъ былъ концертъ, сборъ съ котораго назначался на окончательное покрытіе издержекъ по сооруженію памятника въ дополненіе къ прежде собранной суммѣ стараніями того же клуба. Концертъ привлекъ къ себя многочисленную публику, и въ немъ участвовали исключительно лишь члены клуба и даже хорами дирижировала дама. Сперва пропѣто было посланіе Нѣмцовой „Женамъ чешскимъ,“ положенное на музыку Кованомъ; потомъ былъ продекламированъ въ высшей степени талантливою здѣшнею артисткою г-жею Малою, прологъ, сочиненный для этого торжества г-жею Подлибскою. Затѣмъ последовало исполненіе нѣсколькихъ народныхъ пѣсенъ, и концертъ закончился пѣніемъ хора „Чешская любовь къ отчизнѣ.“ По окончаніи концерта публика въ сосѣдней залѣ усѣлась за обѣдъ, во время котораго было получено и прочитано множество привѣтственныхъ телеграммъ. Послѣ обѣда всѣ отправились на Вышеградъ, гдѣ въ ожиданіи открытія памятника собралась уже огромная толпа народа. Торжество началось панихидою, послѣ которой служившимъ панихиду ксендзомъ было произнесено похвальное слово покойной писательницѣ, въ которомъ проповѣдникъ высказалъ всѣ заслуги Божены Нѣмцо-

вой, какъ писательницы, женщины и патріотки.—Во время хороваго пѣнія, послѣдовавшаго за проповѣдью, скрывавшее памятникъ полотно было снято, и взорамъ публики представилась довольно большая пирамида со вдѣланнымъ въ одну изъ ея сторонъ медаліономъ съ изображеніемъ Нѣмцовой и съ надписью подъ медаліономъ года ея рожденія и смерти (1820—1862). Надъ медаліономъ изображенъ крестъ. Какъ всѣ эти митинги, праздники и всевозможныя собранія поддерживаютъ народный духъ и не даютъ уснуть, хотя не надолго, народному патріотисму! Имѣя въ виду, что грамотность сильно развита между чехами, такъ что почти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ можно найдти какую нибудь газету, неудивительно, что всѣ заявленія патріотизма изъ Праги живо передаются по всей землѣ чешской, и что ко всевозможнымъ резолюціямъ митинговъ тотчасъ же премыкаетъ весь народъ чешскій. Такъ и на недавно бывшемъ митингѣ чешскихъ рабочихъ въ Вѣнѣ принятая резолюція начинается словами, что рабочіе принимаютъ все, что постановлено на пражскихъ митингахъ.

Радуюсь, что могу сообщить на этотъ разъ очень благопріятное рѣшеніе вопроса о судьбѣ русскаго языка въ средѣ чеховъ. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, со времени московской этнографической выставки стоялъ почти что на точкѣ замерзанія, и, несмотря на всѣ великолѣпныя фразы о единствѣ славянъ и о необходимости принять какой либо одинъ изъ числа славянскихъ языковъ, какъ языкъ науки, литературы и взаимныхъ сношеній, на практикѣ все таки ничего не дѣлалось, и изученіе русскаго языка оставалось занятіемъ отдѣльныхъ личностей, а въ массѣ славяне при встрѣчѣ другъ съ другомъ продолжали говорить, какъ и прежде, по-нѣмецки. Что казалось бы проще, по видимому, какъ принятіе русскаго языка за языкъ общеславянскій? Какъ ни стары, какъ ни общеизвѣстны всѣ тѣ доводы, которые говорятъ въ пользу этого принятія, но я рѣшаюсь еще разъ ихъ повторить, въ виду того, что не все то ясно, что яснымъ кажется намъ, и что противъ тѣхъ же въ сущности доводовъ, высказанныхъ на собраніи студентовъ въ Прагѣ, высказывались нѣкоторыми противниками русскаго языка такія опроверженія, которыя если не смѣшно, то грустно было слышать. Очень ясно было видно, что эти опроверженія

были выработаны не собственными головами оппонентовъ, но навѣяны на нихъ извнѣ, а болѣе всего поляками и тѣми изъ самихъ чеховъ, которые, по заблужденію и не понимая *сути* дѣла, имъ сочувствують. Пока существуетъ такая рознь между всѣми славянскими племенами, какъ теперь, когда они, мало того что разбросаны въ четырехъ царствахъ (а если считать Венгрію, то въ пяти), но и до того разошлись въ языкѣ, что не въ состояніи понимать другъ друга,—до тѣхъ поръ для нихъ немыслимо никакое самостоятельное существованіе. Прежде всего, конечно, надо соединиться, чтобы получить силу для защиты отъ напора чуждыхъ элементовъ. Какое же соединеніе *пока* возможно? Конечно, только духовное, соединеніе посредствомъ науки, литературы, взаимныхъ сношеній:—для всего этого потребно единство языка. Само собою разумѣется, что каждое изъ славянскихъ племенъ вполнѣ сохранитъ свое собственное нарѣчіе для домашняго, такъ сказать, употребленія; тутъ дѣло идетъ не о массѣ народа, а объ интеллигенціи. Чехи, да и нѣкоторые изъ другихъ славянъ, помышляютъ въ будущемъ не объ одномъ научномъ единствѣ, но и о политическомъ, при помощи, впрочемъ, сохраненія независимости и самостоятельности каждаго славянскаго народа. Соединить два понятія—о единствѣ славянъ, какъ государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ о самостоятельности каждаго изъ племенъ — можно лишь въ предположеніи федераціи, но... вѣдь это чистѣйшая утопія, по крайней мѣрѣ, это дѣло далекаго, очень далекаго будущаго. На насъ же, на нашемъ поколѣніи лежитъ обязанность озаботиться введеніемъ единства языка между славянами. Въ теоріи уже давно рѣшено, что языкомъ общеславянскимъ долженъ быть языкъ русскій, и вотъ по какимъ соображеніямъ: русскимъ языкомъ говоритъ большинство славянъ и при томъ большинство независимое; литература русская и наука болѣе обработаны, чѣмъ литература и наука всѣхъ другихъ славянъ; на русскій языкъ переводятся со всѣхъ языковъ всѣ произведенія научныя и литературныя, если онѣ хоть сколько нибудь замѣчательны, чего не можетъ быть у другихъ славянъ по относительной малочисленности народа, составляющаго каждое отдѣльное племя. Собраніе студентовъ пражскаго университета, происходившее 7 іюня, выходя изъ убѣжденія, что для взаимнаго и прочнаго

сближенія славянъ между собою, необходимо имъ прежде всего познать другъ друга относительно языка, литературы, науки, нравовъ и обычаевъ, рѣшилось составить изъ среды своей общество, поступленіе въ которое ни для кого необязательно, съ цѣлію именно изучать всѣ эти предметы и завести прочныя сношенія со всѣми подобными же обществами въ другихъ славянскихъ земляхъ. Въ слѣдствіе этого-то послѣдняго обстоятельства и возникъ вопросъ, на какомъ языкѣ сноситься съ другими славянами? Одни говорили, что надо языкъ чешскій принять за общеславянскій, причемъ, ударяя себя въ грудь для вящшаго эффекта, прибавляли, что въ Чехіи не должно быть никакого другаго языка, кромѣ чешскаго! Другіе, друзья поляковъ, говорили, что надо сноситься съ другими славянами на томъ нарѣчіи, которое, будучи знакомо чехамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ближе подходило бы къ языку того народа, съ которымъ сносишься, если неизвѣстно притомъ само нарѣчіе того народа. Эта штука была чисто польскаго изобрѣтенія; напримѣръ: понадобилось бы писать въ Галицію къ руссинамъ. На какомъ языкѣ? Русскаго чехи не знаютъ; стало быть, надо писать по-польски. То же было бы и при сношеніяхъ съ хорватами, словаками и проч. и только къ однимъ моравамъ чехи писали бы по-чешски. Третьи говорили, что русскаго языка потому нельзя принять за языкъ общеславянскій, что имъ говоритъ народъ деспотическій, а потому, заговоривши по-русски, и чехи обратятся въ деспотовъ (?). Четвертые, наконецъ, хотѣли провести ту мысль, что со введеніемъ русскаго языка, славяне обрусѣютъ, чего никто изъ нихъ не желаетъ, а тѣмъ менѣе чехи. На это глубокомысленному оратору возразили, что не онѣмечились же тѣ же чехи отъ того, что говорятъ и учатся въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій по-нѣмецки. По окончаніи очень долгихъ и жаркихъ преній большинствомъ была принята слѣдующая резолюція: „Учреждаемое изъ среды студентовъ общество „Славія“ будетъ имѣть предметомъ своихъ занятій изученіе всѣхъ по возможности славянскихъ нарѣчій, для чего оно раздѣлится на соотвѣтствующіе кружки. Для сношенія съ другими народами устанавливается двойственный языкъ: того народа, къ которому обращается общество, и языкъ русскій; при незнаніи же перваго употребляется одинъ послѣдній.“ Надо

надѣяться, что желающихъ учиться всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ наберется очень немного въ виду малаго интересса этихъ нарѣчій. Ну, для кого, напримѣръ, кромѣ филолога, интересно знать какое нибудь кашубское нарѣчіе, на которомъ говоритъ 15-ти тысячное племя, неимѣющее никакой собственной литтературы? А между тѣмъ, чтобы ознакомиться со всѣми подобными нарѣчіями, едва ли достанетъ человѣческой жизни, потому что всѣхъ славянскихъ нарѣчій, со всѣми ихъ подраздѣленіями насчитываютъ болѣе двадцати. Непонятно, почему такъ называемая „старочешская партія" придерживается того мнѣнія, что надо для единства славянъ равно изучать *всѣ* славянскіе языки и ни одному изъ нихъ не давать предпочтенія? Чтобы уничтожить ложное мнѣніе, довольно распространенное между чехами, а отчасти и другими славянами, что русскій языкъ никакъ не способенъ замѣнить для нихъ вполнѣ языкъ нѣмецкій, какъ языкъ науки и литтературы, необходимо, чтобы въ Россіи озаботились высылкою во всѣ славянскія общества катологовъ русскихъ книгъ, въ особенности по части филологіи, исторіи, медицины и естествознанія, переводныхъ или оригинальныхъ— все равно, дабы учащаяся молодежь видѣла, что всѣ необходимые для нея руководства и учебники существуютъ также и на русскомъ языкѣ, какъ и на нѣмецкомъ. Само собою разумѣется, что катологи эти необходимо дополнять хотя ежегодно, и, сверхъ того, славянскій благотворительный комитетъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы указалъ славянскимъ обществамъ на кого нибудь изъ числа добросовѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы или Петербурга, къ которому они могли бы постоянно обращаться съ своими требованіями.

Число уже знающихъ русскій языкъ въ пражской политехнической школѣ и университетѣ доходитъ до пятидесяти, слѣдовательно товарищи ихъ, теперь имѣющіе поступить въ общество „Славія" съ цѣлію учиться по-русски, не будутъ имѣть недостатка въ учителяхъ. Я вполнѣ увѣренъ, что, въ концѣ концовъ, и все общество соединится во едино и будетъ изучать, въ замѣнъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, лишь одинъ языкъ—русскій. Многіе изъ чеховъ сѣтовали не то, что до сихъ поръ не имѣли русско-чешскаго словаря, но теперь это неудобство устранено: въ концѣ этого года словарь, состав-

ленный почтеннѣйшимъ г. Ранкомъ, выйдетъ изъ печати. А о чешско-русскомъ словарѣ все еще нѣтъ до сихъ поръ и помину въ Россіи!

Въ заключеніе позвольте мнѣ сдѣлать рекламу въ пользу чешской оперы „Проданная невѣста,“ музыка коей принадлежитъ капельмейстеру Сметанѣ, и оперетты „Колодезь (Vestidny),“ музыка Блодка. Оба эти произведенія чисто народныя и притомъ, будучи славянскими, родныя для насъ, русскихъ. Чѣмъ тратиться нашей дирекціи на постановку отжившихъ свой вѣкъ италіянскихъ оперъ или разныхъ бездарныхъ доморощенныхъ произведеній, не лучше ли, хоть во имя славянской взаимности, поставить эти піесы въ Москвѣ и Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что оба эти произведенія въ высшей степени талантливы. Къ тому же и постановка ихъ не потребуетъ по простотѣ своей никакихъ издержекъ, а чехи при скудныхъ своихъ театральныхъ средствахъ поставили же такія оперы, какъ „Русланъ и Людмила“ и „Жизнь за царя.“ Не слѣдовало бы и намъ оставаться въ долгу!

(Веч. Газ.)

ПО ПОВОДУ ЗАТѢЯННАГО ПОЛЯКАМИ ПРАЗДНОВАНІЯ 300-ЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ЛЮБЛИНСКОЙ УНІИ *).

Польское празднество трехсотлѣтней годовщины люблинской уніи едва ли занимаетъ кого нибудь, кромѣ самихъ поляковъ, Несмотря на всѣ старанія ихъ придать празднеству торжественность и грандіозность, оно останется все таки блѣднымъ въ глазахъ самихъ поляковъ. Событіе, которому посвящаютъ они это торжество, отмѣчено въ исторіи слишкомъ темными красками, чтобы праздновать его. Но, какъ видно, и самихъ поляковъ занимаетъ здѣсь не столько самое событіе, сколько представляемый имъ случай выразить накипѣвшія у нихъ чувства. Самый день (11 августа), къ которому пріурочивается поляками этотъ праздникъ, ошибочно принятъ ими за начало уніи. Если 1569 годъ считать первымъ годомъ соединенія Литвы и юго-западной Россіи съ Польшею, то день,

*) См. 4 кн. Вѣстника Зап. Россіи.

въ который офиціально совершилось это единеніе, есть 1 іюля, когда дѣйствительно литовцы присягали на соединеніе съ Польшею. Въ память трехсотлѣтней годовщины *уніи* поляки уже отливаютъ медали съ громкою, либеральною надписью съ одной стороны: „Wolni z wolnemi, rowni z rownemi“ (Свободные съ свободными, равные съ равными). Не знаемъ, кого хотятъ убѣдить поляки, что люблинская унія была свободнымъ союзомъ свободныхъ народовъ. Единеніе это, если только это было единеніе, и Литвою и Россіею заключено было съ плачемъ, и было скорѣе интригою враговъ, чѣмъ добровольнымъ дѣломъ друзей. И нѣтъ ни одной эпохи въ послѣдующей исторіи уніи, когда поляки оставались бы вѣрными своему слову, на которомъ будто бы основалась унія, что мы и покажемъ въ настоящей статьѣ.

Цѣль и главная, хотя скрытая, причина уніи была та, чтобы обратить литовцевъ въ католицизмъ. Религіозный разладъ и борьба православія съ католицизмомъ были и причиною уніи и послужили краеугольнымъ камнемъ всѣхъ судебъ Польши по отношенію къ Россіи и литовско-русскому народу. До начала религіозныхъ столкновеній между поляками и русскими эти два народа были въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ. Но оба они издавна отличались примѣрною ревностію каждый къ своему вѣроисповѣданію. Религіозные интерессы стояли у нихъ слишкомъ высоко, а въ католичествѣ, гдѣ религіозные интерессы чаще всего соединяются съ политическими, они возбуждаютъ народъ до положительнаго фанатизма. Это какъ нельзя яснѣе высказалось и въ исторіи люблинской уніи, поляки, или, вѣрнѣе, чрезъ нихъ католическіе ксендзы и іезуиты, первые бросили искру вражды—вражды вѣковой, упорной, ожесточенной, которая продолжается и донынѣ. Она заглушила въ полякахъ чувство племеннаго родства и произвела непрерывный рядъ самыхъ непріязненныхъ столкновеній. Распространеніе латинства въ русско-литовскихъ областяхъ полякамъ казалось самымъ вѣрнымъ средствомъ, чтобы навсегда уничтожить связь западной Россіи съ восточною. Но польскія затѣи встрѣтили въ литовско-русскомъ населеніи несокрушимую силу православія, въ слѣдствіе которой польское духовенство рѣшилось сдѣлать уступку, т. е. не требуя прямаго перехода къ латинству

оно требовало только, чтобы литовско-русскій народъ призналъ надъ собою власть папы. Вотъ начало уніи! Начатое при Ягеллѣ дѣло не всѣми преемниками его велось съ одинаковою настойчивостію. Для многихъ оно казалось маловажнымъ, а Витовтъ, напримѣръ, былъ въ этомъ отношеніи положительно на сторонѣ Москвы, и учрежденное раньше отдѣльное церковное управленіе западно-русскихъ областей было снова возвращено московскому митрополиту. Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе распалялась ревность поляковъ и польскаго духовенства; видя безуспѣшность своихъ интригъ и козней въ борьбѣ съ силою православія, они приступали къ рѣшительнымъ мѣрамъ—къ гоненіямъ, православныхъ преслѣдовали пытками и насильно перекрещивали, такъ что даже папа, узнавъ о страданіяхъ православныхъ, счелъ нужнымъ ограничить ревность польскихъ латинянъ, Но все это пока было только приготовленіемъ къ уніи. Особенно рельефный планъ и особенную силу получаетъ она съ половины XVI вѣка. Наплывъ въ то время протестанства какъ нельзя болѣе способствовалъ церковнымъ смутамъ и вызывалъ особенно сильную борьбу въ католическомъ мірѣ. Польское духовенство проснулось отъ временной дремоты, и смолкнувшіе на время вопли гонимыхъ литовско-русскихъ православныхъ начали раздаваться сильнѣе прежняго. Окатоличеніе Литвы сдѣлалось для Польши опять предметомъ самихъ пламенныхъ желаній. Подъ вліяніемъ такого настроенія латинянъ Литва окончательно соединена съ Польшею въ 1569 г. На бывшемъ тогда же люблинскомъ сеймѣ Польша заявила и о религіозномъ слитіи Литвы съ нею и притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Окончательное, послѣднее соединеніе Литвы съ Польшею совершилось. Въ томъ же году были призваны въ Литву іезуиты, которые въ исторіи люблинской (литовской) уніи заняли главное мѣсто, и на нихъ по справедливости лежитъ тяжкая отвѣтственность за народныя страданія Литвы и юго-западной Россіи. Въ слѣдующихъ чертахъ рисуетъ ходъ распространенія уніи въ массѣ русско-литовскаго православнаго народа авторъ „Литовской церковной уніи",—„Іезуиты, пишетъ онъ, никогда не распространяютъ латинства односторонними мѣрами, но всѣми, какія только можетъ изобрѣсть умъ человѣческій для совращенія человѣка

въ латинство.--Они расточали и сокровища высокаго краснорѣчія, и поразительныя дѣла милосердія, и безнравственнѣйшія внушенія, и возмутительнѣйшія интриги, и самыя безжалостные кулачные удары на пользу одного и того же латинства;—и все это слѣдовало одно за другимъ съ такою быстротою и благовидностію, что человѣкъ въ рукахъ іезуита приходилъ въ то одуряющее положеніе, въ которомъ глохли всѣ его природные инстинкты, и онъ двигался по ихъ указанію, какъ угодно. Самыя свѣтлыя натуры, самые цѣльные характеры ломались въ этой передѣлкѣ, а что же сказать о массѣ народа! Но вотъ въ этой то массѣ народа, которую такъ легко было ломать по частямъ, зародилось недовольство, глухой ропотъ противъ уніи и ея двигателей. Недовольство и ропотъ этой массы расли, пробивались наружу и ринулись въ смуту съ страшною силою, когда казаки ловко соединили свое гражданское дѣло съ дѣломъ религіи, вмѣшательство въ унію казаковъ, столь не разборчивыхъ въ средствахъ, и присоединеніе ихъ (при Богданѣ Хмѣльницкомъ) вмѣстѣ съ массою земледѣльческаго народа къ Россіи затронули чувства всѣхъ партій въ Польшѣ. Это движеніе вызвало усиленныя мѣры къ распространенію уніи и чисто по іезуитскому способу, т. е; жестоко и неистово и неудержимо. Православные обращали взоры свои къ Россіи. Это ставило ихъ въ положеніе измѣнниковъ отечества и еще болѣе усиливало принудительныя мѣры къ распространенію уніи, которая къ концу XVII и началу XVIII столѣтія была уже въ такомъ видѣ, что принять ее значило тоже, что принять латинство и сдѣлаться полякомъ."

Но, не разборчивыя и жестокія мѣры, какія употреблялись въ этомъ, повидимому, чисто церковномъ дѣлѣ, естественно, должны были вызывать въ массѣ православнаго населенія недовольство, ропотъ, ненависть, и заставляли, поневолѣ, обращаться съ надеждами къ Россіи, вызывая желаніе вернуться назадъ къ православію. Здѣсь виднѣлась для нихъ заря свободы. Въ XVIII столѣтіи мы, дѣйствительно, видѣли рядъ непрерывныхъ, хотя мѣстныхъ, попытокъ возсоединенія съ православною церковію, пока въ 1839 г. (при извѣстномъ покойномъ литовскомъ митрополитѣ Іосифѣ Сѣмашко] не совершилось возсоединеніе всей литовской уніатской церкви съ пра-

вославною русскою, когда „отторгнутые насиліемъ возсоединены были любовію". Таковы, въ общихъ чертахъ, были послѣдствія того событія, 300 лѣтній юбилей котораго поляки готовятся праздновать въ текущемъ году. Большія надежды питаютъ они по поводу предстоящаго празднества, но придется ли осуществиться хотя немногимъ изъ нихъ?.. Медаль же, отчеканенная поляками въ память 300 лѣтней годовщины уніи будетъ памятникомъ не соединенія „вольныхъ съ вольными и равныхъ съ равными", а памятникомъ вѣковой вражды, униженія и рабства однихъ, коварства и деспотизма другихъ.

(Веч. Газ.)

О ПОКОЙНОМЪ АВГУСТОВСКОМЪ БИСКУПѢ ЛУБЕНСКОМЪ.

Петербургскій корреспондентъ «Крестовой Газеты» пишетъ: Покойный августовскій епископъ, графъ Лубенскій, отозвавъ своего депутата изъ петербургской римско-католической духовной коллегіи, послалъ намѣстнику Царства Польскаго графу Бергу, письмо (содержаніе начала этого письма приведено въ «Биржевыхъ «Вѣдомостяхъ» въ которомъ заявляетъ слѣдующее: 1) что Высочайшій указъ отъ 22 ноября 1866 г., по которому римско-католическая церковь въ Россіи подчиняется, подобно всѣмъ другимъ существующимъ въ Россіи церквамъ, общимъ законамъ имперіи,— противорѣчитъ римско-католическому догмату, признающему одного папу, какъ намѣстника Христова; 2) что этотъ указъ, равно какъ распоряженіе отъ 10 мая 1867 г. о томъ, чтобы сношенія римско-католическихъ епископовъ съ римскою куріею производились исключительно чрезъ посредство помянутой духовной коллегіи, не имѣли ни характера, ни силы каноническихъ постановленій; 3) что папское окружное посланіе отъ 17 октября 1867 г. и посланіе кардинала Антонелли къ епископу Станевскому, предсѣдателю петербургской римско-католической духовной коллегіи, содержатъ въ себѣ осужденіе этой коллегіи; 4) что посылая депутата въ коллегію, онъ питалъ надежду, что эта коллегія вполнѣ возстановитъ отношенія между папою и правительствомъ; но эта надежда не оправдалась, такъ какъ предсѣдатель коллегіи не исполнилъ воли главы церкви и кардинала Антонелли. При такомъ положеніи дѣла ему, Лубенскому, предстоитъ выбирать одно

изъ двухъ—держаться правительства, или папы. Находясь въ такомъ положеніи, онъ проситъ намѣстника, графа Берга, доложить Государю Императору, что ему невозможно признавать означенную коллегію, и что онъ сдѣлалъ ошибку, пославъ своего депутата въ эту коллегію. Графъ Лубенскій послалъ копіи съ этого письма во всѣ другія епархіи царства. Въ началѣ апрѣля нынѣшняго года этотъ епископъ ѣздилъ въ Владиславовъ на погребеніе умершаго ксендза Кульбечевскаго, и при этомъ случаѣ сказалъ публично рѣзкую рѣчь противъ русскаго правительства. Затѣмъ епископъ Лубенскій предпринялъ объѣздъ по епархіи, во время котораго посѣтилъ многихъ землевладѣльцевъ, созывалъ приходскихъ священниковъ и въ рѣчахъ, обращенныхъ къ нимъ, рѣзко выражался о правительствѣ. Такой образъ дѣйствій графа Лубенскаго вынудилъ, наконецъ, правительство прибѣгнуть къ извѣстной мѣрѣ противъ него. Графъ Лубенскій принадлежалъ къ числу тѣхъ епископовъ, которые получили этотъ санъ въ то время, когда національно-польскій элементъ имѣлъ сильное вліяніе на тогдашнюю администрацію Царства Польскаго. Въ это время политическому направленію прелатовъ придавалось большое значеніе.»

(Веч. Газ.)

ЖАНІЕ 5-ой кн. „Вѣстника Западной Россіи“ за 1869 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1869 годъ выходитъ ъ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновен-ой печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *А. Сыркина*, б. *Феннера*. *Въ С.-Петербургѣ*, — у коммис-іонера „Вѣстника," книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Нев-комъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. *Въ Москвѣ*,—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца *А. Н. Ѳе-рапонтова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ Заиконоспаскаго монастыря. *Въ Варшавѣ*,— у книгопродавца г. *Кожанчикова*. *Въ Ковнѣ*,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ из-вѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА" ЗА ГОДЪ:

(*за 12-ть книжекъ*).

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р., съ доставкою на домъ 7 руб., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требова-ніями *исключительно* въ редакцію журнала: **„Вѣстникъ За-падной Россіи,"** *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адрессовать: редактору-издателю „Вѣстника" Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать *„Вѣстникъ"* за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р., для иногородныхъ по 6 руб.; за $18^{63}/_{64}$ годъ—для первыхъ по 5 руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за $18^{64}/_{65}$, $18^{65}/_{66}$ и 1867 годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 к. Для выписывающихъ „Вѣстникъ," за *истекшіе* годы не менѣе 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не менѣе 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель **К. Говорскій**.

Редакторъ-сотрудникъ **И. Эремичъ**.